

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ
И ТЕНЬ
ЕДИНОРОГА

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПЛАШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНА

12

РЫЖАЯ
СОНЯ И
ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА

13

РЫЖАЯ
СОНЯ И
КЛАДОВЫЕ
ТЬМЫ

14

РЫЖАЯ
СОНЯ И
ВРАТА
НЕМЕДИИ

15

РЫЖАЯ
СОНЯ И
ТЕНЬ
ЕДИНОРОГА

16

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ТЕНЬ
ЕДИНОРОГА

act

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2002

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
Р93

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Иллюстрации Николая Вавулина

В оформлении обложки использована работа Петра Кудряшова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.01.2002.
Формат 84×108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5100 экз. Заказ 480.

Р93 **Рыжая Соня и тень единорога: Романы / К. Монро,
Н. Хьюз. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-
Запад Пресс», 2002. — 440, [8] с. — (Рыжая Соня).**

ISBN 5-17-012727-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-095-9 («Северо-Запад Пресс»)

Бесстрашная вонительница Рыжая Соня продолжает свои странствия по землям Хайбории. На сей раз путь ее лежит в Бритунию, где она обороняет свои земли от диких гирканских орд и обретает совершенно неожиданных союзников, а затем на юг, в Офир, где одно очень простое поручение, которое наемнице дали в Логове Волчицы, неожиданно оборачивается для нее сущим кошмаром...

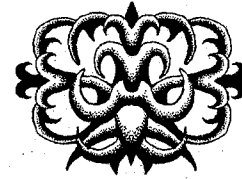
УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс»,
составление и подготовка текста, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

Предварение Трое разных людей

Выжая Соня возвращалась домой. Собственно, она давным-давно не представляла, где именно находится ее дом, благо никогда не задерживалась долго в одном месте. Только минувшим летом Соне удалось надолго застрять в Туране — началась большая война с гирканцами, и дороги стали небезопасны не то что для одиноких путешественников, но и для больших, охраняемых караванов.

О возможном нашествии из Великой Степи, с Полуночи и из-за Вилайета слухи ходили уже давненько, но никто в царственном Аграпуре не мог предположить, что молодой гирканский каган Бурэнгийн столь быстро повернет свои тумыны на казалось бы незыблемую и могучую Туранскую империю.

Словом, Султанапур, первый крупный город на пути степного кагана, пал в первый день вес-

ны нынешнего года. А потом... Черeda больших и малых сражений, постепенный отход армий туранского повелителя на Полдень, потеря Акита, Самарры, Бельзины и наконец — решающая битва при Аграпуре, битва за Золотой Трон туранского императора. Единственным трофеем, который Соня получила в Аграпуре являлся меч старинной работы и вроде бы как с наложенными на клинок заклятиями против боевой магии. Меч остался в сонином невеликом хозяйстве не столько из-за древности и красоты, сколько по необходимости — Соня, пускай и была отличной лучницей, прекрасно понимала: в ближнем бою, буде такой случится, луком особо не попользуешься. Клинок в рукопашной надежнее.

...Аграпур пал после семи дней осады. Рыжая Соня, тогда входившая в число воительниц, охранявших императора, сумела выбраться из горящего города по чистой случайности — помогли природное чутье на опасность и неожиданный знакомец, бритунийский эрл Данкварт, родом происходящий из Бергиса...

* * *

Он действительно когда-то был эрлом и носил серебряную корону. Ему принадлежал замок Бергис в Бритунии, ленное владение с таким же названием, два рудника, десяток деревень и небольшой город, приносивший, однако, изрядный доход, благо стоял на основном торговом пути из Турана через Бритунию в Немедийское коро-

левство. Путевые пошлины, налоги с купцов, десятина кметов, неиссякаемый источник серебра в Кезанкийских горах... Что еще нужно молодому эрлу, не столь уж и дальнему родичу светлейшего короля Бритунии, рано оставшемуся без родителей и сделавшемуся полноправным господином собственного маленького государства? Однако именно всевластие и повседневная рутина управителя круто изменили его судьбу — Данкварт возжелал изменений. Ему стало скучно — истинно дворянская привилегия.

Бедствия Данкварта, в те времена привлекательного юноши и богатого жениха, на которого посматривали даже благороднейшие девицы из Нарлака, мечтающие об удачном замужестве, начались незаметно и в то же время внезапно.

Отцовская библиотека, собираемая в древнем Бергисе многими годами, всегда оставалась для Данкварта лишь хранилищем знаний о прошлом, записанных на коже или папирусе мудростей старых времен или собранием хозяйственных книг княжества. Когда безвременно скончался отец, смертельно раненый на поединке чести, а затем от горя отошла за круги видимого мира мать, Данкварту пришлось самостоятельно знакомиться с хитрой наукой управления подвластных ему земель, унаследованных от доблестных предков, отвоевавших некогда Бергис (как, собственно, и всю Бритунию) у воинственных немедийцев и надменных подданных Турана.

Юный рыцарь до той поры мало интересовался старинными манускриптами, его более при-

влекали турниры при дворе короля Ариорикса, путешествия или любовные приключения с прекрасными девами.

Рукопись, лежавшая на самой пропыленной и дальней полке библиотеки и случайно попавшая на глаза Данкварту, буквально свела его с ума. Назывался старинный гримуар, датированный 608 годом от основания Аквилонского королевства странно: «Настоящее чародейство, магия и колдовские ухищрения, используемые людьми, одаренными талантом волшебства».

Утомленный хозяйственными делами Данкварт взялся за переплетенный зеленоватой кожей небольшой манускрипт лишь ради того, чтобы развеять скуку. Волшебство? Это просто здорово!

Полную ночь мерцали свечи в спальне эрла Данкварта. Утром он приказал управителю замка немедленно подготовить лошадей, взял десяток охраны и ускакал к своему серебряному руднику, располагавшемуся на закатном склоне Кезанкийских гор. Впервые за всю историю копей благородный эрл спустился вместе с наемными рабочими в шахты, долго бродил с лампой по нескончаемым туннелям, будто что-то выискивая, а когда поднялся наверх, старый десятник дружины Бергиса, служивший еще отцу Данкварта, заметил в глазах юного господина нездоровый блеск.

Гримуар, теперь лежавший в походном сундуке, изменил все. Доверив управление Бергисом опытному каштеляну, эрл уехал. Сначала в

столицу Немедии, затем в Аквилонию. После длинная многовесельная триера под знаменем Зингары унесла Данкварта аж в самую Стигию. Около шести лет никто не видел эрла в своем поместье, однако письма каштеляну-управителю с одинаковым приказом выслать деньги с нарочным в ту или иную часть света приходили исправно.

Данкварт напрочь позабыл, что в Бритунии существует старинный и никем не оспариваемый закон: «Владетельный эрл, тан, граф или любой другой благородный человек, владеющий землями, угодьями, а также рудным промыслом, лишается права на собственность в случае отсутствия в своем поместье протяженностью более семи лет. Исключения составляют: служба при дворе короля Бритунии, участие в войне, которую ведет Бритунийское королевство, или тяжкая болезнь, застигшая владельца поместья в иных землях. Во всех же прочих случаях владение отторгается в пользу короля Бритунии, должностующего передать лен любому благородному человеку по своему усмотрению».

Зря управитель отсылал господину панические письма со слезными просьбами приехать хотя бы на несколько дней, показаться на глаза соседям и наместнику короля в Пайрогии. Минуло семь полагающихся лет, законный владелец Бергиса по-прежнему бродил в неизвестных даях чужих и незнаемых земель... Однажды в замок явился легат Бритунийского владыки и громко прочел перед лицом каштеляна и осиро-

тевшей прислуги давно ожидавшийся указ. Бергис перешел под руку Ариорикса, государя и великого короля Бритунского государства. Любые претензии бывшего хозяина лена не рассматривались, да их и не поступало. Больше никто не отвечал на письма, в которых Данкварт просил выслать серебро.

Лишившийся звания эрла Данкварт Лаур-Хельк вновь ступил землю титулованных предков только по прошествии четырех долгих лет.

Он по-прежнему был хорошо одет, его кошельки приятно отягощали монеты, среди которых встречались даже удивительно дорогие платиновые аквилонские «фениксы». Ненадолго появившись в Пайрогии Данкварт прямо в столице купил двух лошадей, наведаясь в Бергис — полюбоваться издали на свое бывшее владение, заглянул с кратким визитом к наместнику, а затем снова исчез. На этот раз, как казалось соседям и некогда знакомым благородным дворянам — навсегда.

Никто не знал, какие обстоятельства вызвали столь неожиданное и бесславное падение рода Бергисов. Его величество король Ариорикс, беспокоясь за дальнего родственника, попытался разузнать подробности его местопребывания и жизни, но не преуспел. Данкварта вроде бы некогда видели в библиотеках самых просвещенных городов мира, ходили слухи, будто он служил при дворе великого короля Аквилонии — не то жрецом, не то предсказателем, после провела два года в Стигии... И ничего более.

Никто кроме самого Данкварта не знал, что бывший владетельный эрл учился волшебству. И у магов Черного Круга, и у митрианских жрецов, и даже у знаменитых колдунов Гипербореи.

...Война застала Данкварта в Аграпуре, когда он изучал магические трактаты в библиотеке туранского императора.

Когда стало ясно, что из города надо бежать, иначе можно лишиться головы и встретиться с безжалостной степной саблей гирканцев, Данкварт бросился в гавань и за огромные деньги купил место на корабле идущем в Хоарезм. На забитом беженцами и ранеными воинами судне, Данкварт оказался соседом некоей молодой привлекательной особы в мужском походном костюме, с луком и колчаном, полным стрел, независимым взглядом и копной ярко-рыжих волос. Звали неожиданную попутчицу Соней. А прозвище она имела вполне соответствующее своему облику — «Рыжая».

* * *

— Так ты родом из Бритунии?
— Именно. А ты?
— Как бы это сказать правильнее?... Отовсюду. Вольна, как морская чайка.

Темно-зеленые волны Вилайета били о борт триремы, а мужчина и молодая женщина, устроившиеся возле борта, тихонько беседовали, стараясь не потревожить одного из раненых, за ко-

торым им обоим волей-неволей приходилось ухаживать. Рук на корабле не доставало, каждый помогал другим, как мог.

— У тебя неплохое вооружение, Соня. Ты наемница?

— И это тоже. Кстати, этому парню надо бы сменить повязку.

— Похож на зингарца...

— А он и есть зингарец. Из знаменитого легиона города Артос. Слышал про таких?

Данкварт нахмурился. Конечно, слышал. Еще как! Самый непобедимый и самый необычный воинский отряд на всем Материке. Впрочем, насчет непобедимости можно поспорить — зингарцев, отправленных по союзному договору между королем Кордавы и туранцами, на помощь против гирканского нашествия, наголову разбили в Аграпурском сражении.

Спасти удалось лишь немногим. Самую малую часть раненых артосийцев успели перенести на корабли — из Аграпура начинался повальный исход жителей.

Но не это главное. Легион Артоса, называвшийся зингарским словечком «Кастельон» — «Крепость», славился удивительными традициями.

Артос не прославился выдающимися поэтами, историками или волшебниками, там запрещались лицедейские представления и азартные игры, не приветствовались «дома отдохновения», а воспитание молодежи полностью возлагалось на военную знать. Многоученный Данкварт назвал

бы Артос образцом «страны, управляемой Мечом». Если раньше считалось, что многие чужие расы — к примеру, бессмертные альбы или оборотни Пограничья — превосходят человека, то, как видно, управители Артоса задались целью создать людей, превосходящих все прочее человеческое сообщество.

Расовые уложения в этой аррантской провинции, по мнению многих, стали не просто жестокими, но бесчеловечными. В Обители Мудрости Тарантии и ученых заведениях Аграпура Туранского, пожилые мудрецы откровенно говорили о том, что в Артосе выращивают не людей, а породистых животных, как раз более всего беспокоясь о «породистости», нежели о духе. Ибо, как известно, величайший поэт, сочинитель, астролог или любой иной ученый муж может быть горбуном, одноглазым, а то и вовсе пораженным проказой, чему несчетно примеров в мировой истории.

Однако жители необычного зингарского города не обращали внимания на злословие варваров и придерживались своих традиций.

Подверженные болезням новорожденные сбрасывались в море со скалы, являвшейся одновременно главным святилищем Артоса, родившиеся девочки отдавались на воспитание в соседние провинции Зингары, в городе оставлялись только мальчики, для восполнения поколений покупались самые здоровые и красивые рабыни, процветал культ физической силы и красоты, взрослым артосийцам (а таковым житель

города считался с четырнадцати лет) запрещалось вступать в постоянный брак с женщиной, ибо, как речется у знаменитейшего аквилонского пророка Эпимитриуса, женщина — орудие соращения.

Еще днем, когда корабль уходил от пылающего Аграпура, Данкварт сказал раненому, пытавшемуся отказаться от помощи:

— Нехорошо отказывать, когда люди хотят сделать тебе добро.

— Мой друг умер два дня назад на поле боя. А я — выжил.

«Смертник, — догадался Драйбен. — Когда один из воинов «Кастельона» погибает или умирает, его напарник дерется до последнего, стараясь положить как можно больше врагов и не щадит своей жизни. Полагаю, гирканцам с этим легионером лучше не сталкиваться лицом к лицу — ему уже нечего терять. А если останется жив — покроет себя позором. Все-таки второй из пары умер, что не говори, на войне, и неважно, поразила ли его сталь противника или внезапная болезнь... Не позавидуешь парню».

Рыжая Соня относилась к зингарским традициям с пониманием, но отнюдь их не приветствовала. Однако, по три раза в день делала не желавшему называть свое имя зингарцу перевязки и болтала с Данквартом о всякой чепухе. Бритуниец, мигом прозвал раненого «Безымянным», с чем тот молча согласился.

До гавани Хоарезма оставалось три дня морского пути.

* * *

— Жаль расставаться, — сказал Данкварт Рыжей Соне, когда на траверзе забелели купола Хоарезма. — Кажется, мы успели подружиться. Ты куда собираешься теперь?

— Не знаю, — пожала плечами Соня. — Дорог на свете много.

— А я — домой, в Бритунию. Началась война, моим соотечественникам могут потребоваться мои познания в волшебстве и мой меч... Пускай я теперь даже не эрл, а самый обычный человек.

— А я, представь себе, самый настоящий тан, — фыркнула Рыжая Соня, — причем у вас, в Бритунии.

— То есть как? — изумился Данкварт. — Ты — бритунийский тан?

— Именно. Несколько лет назад я служила в дружине герцога Юстиния Райдорского. И за помощь в одном крупном деле — не хочу сейчас об этом вспоминать, дрянная вышла история, — герцог одарил меня жалованной грамотой на танство. Сейчас название припомню... Кертоно?

— Кернодо, — подсказал Данкварт. — Точно, есть такое. На самой Полуночи страны. Глухомань невероятная... Нет, неужели правда?

Соня, с надменной усмешкой покопалась в поясной сумочке, и вручила бритунийцу измятый пергамент.

— Да, самая настоящая жалованная грамота! С подписью и печатями герцога!

— И ты что же, никогда не ездила в Кернодо?
— продолжал допытываться Данкварт.

— Ездила один раз. Давно. Ты верно сказал — глушь и дыра. Нужен мне больно этот титул... Уж хотела и грамоту выбросить, чего ей место занимать, когда другого хлама приходится таскать не меньше, чем верблюдике...

— С ума сошла! Это же твой дом! Законный, настоящий дом! Целое ленное владение!.. — Данкварт подумал, и несмело предложил: Если уж я собираюсь в Бритунию, рванули вместе, а? И веселее, и вдвоем безопаснее. Ты же сама сказала, что не имеешь четкой цели путешествия! Поедем?

— А твоего Безымянного куда денем? — нахмурилась Соня, кивком указав на раненого зингарца. — Ведь не бросишь одного, без денег, без товарищей, в чужой стране. Да еще и хворого...

— Вот не думал, что ты у нас эдакая защитница вдов и сирот, — хмыкнул ученый бритуниец. — Ладно, обузой он нам не будет... Ты согласна?

— Идет, — Соня, почти не раздумывая, протянула Данкварту сильную ладонь. — Я — проводником, благо путь неблизкий, а с тебя — все расходы на дорогу.

— Только меня забыли спросить, — процедил сквозь зубы раненый зингарский легионер, но на его ворчание никто внимания не обратил.

Ближе к полудню, когда корабль разгрузился в порту Хоарезма, Данкварт уже успел купить у

торговцем скотом три молодых лошади. Специально для легионера из «Кастельона» был приобретен вороной зингарский жеребец, злобный и норовистый.

Ближе к вечеру тройка всадников уже пробиралась по тропам гор Ильбарс на Полночь, в сторону Хаурана и предгорий Кезанкии...

Глава 1 Кайна-Гора

*Полуночные области Бритунии,
неподалеку от рубежей Пограничья.
453 год от воцарения короля Конана Канах.*

Райдорское герцогство многие называют угрюмой страной. Если ехать на Полночь от наполовину покинутой жителями Пайрогии, угасающей столицы раздираемого войной Бритунийского королевства, в сторону зубцов Кезанкийских гор, где они встречаются с хребтом Граскаала, то путник рискует на всем протяжении пути созерцать бескрайние поля торфяных болот, поросших мелким блеклым сосняком, проезжать под зелеными сводами хвойных лесов, мимо сопок и отдельных скал, пересекать множество мелких речек, огибать озера...

Так путешественник очутится в одном из владений его светлости герцога Райдора, небольшим и крайне отдаленном танстве Кернодо.

По дороге встретятся редкие деревушки или обособленные хутора, населенные неприветливыми и суровыми людьми.

В двух единственных городках танства невозможно будет найти приличный постоялый двор или хороший трактир — отдаленное ленное владение герцога Юстиния Райдора редко посещалось чужеземцами, а потому местные жители не находили смысла в содержании достойных богатых путешественников странноприимных домов или роскошных таверн. Кабаки, разумеется, имелись, однако предназначались они для своих, райдорцев, а точнее — кернодцев, привыкших к тяжелым дубовым столам, аляповатым глиняным кружкам и низким прокопченным потолкам. Обитателей танства Кернодо за глаза и в глаза именовали не иначе как медведями и лесовиками, не знающими ничего, кроме охоты, ремесла углежогов и дровосеков, а также тяжкого, но прибыльного труда в серебряных рудниках, расположившихся на отлогих склонах закатной части Кезанкийского хребта.

Благородные загорные соседи-аквилонцы, свои же бритунийские или немедийские дворяне а то и владетельные господа из Вольных Баронств, что на Закате Пограничья, которых волею случая заносило в Кернодо, сначала ужасались, потом начинали плевать (область, где невозможно достать даже вина, ибо кернодцы не выращивали виноград, пробавляясь ячменным и солодовым пивом!), а затем внезапно очаровывались простотой здешних нравов, величественной при-

родой, тишиной и тысячелетней безмятежностью. Кернодо не меняло свой облик долгие столетия — лишь подновлялись замки, строились новые дома, точь-в-точь похожие на прочих своих собратьев: деревянные избы из толстых бревен под соломенными или дощатыми крышами, наречие обитателей танства сохранилось едва ли не со времен Эпимитриуса, а кернодские комары почитались самыми крупными и злыми.

* * *

По традиции, негласно установленной в семействе Райдорских герцогов, править танством Кернодо доставалось либо провинившемуся, либо самому младшему. В Кернодо ссылали буянов, не уважающих законы и традиции, бунтовщиков, заговорщиков или пьяниц, а рядом с замком тана, именовавшемся Кайна-Гора (в переводе с местного наречия, несколько отличавшегося от привычного всем бритунийского языка, это означало вполне банальное «Пьяный холм»), за много столетий его существования образовался восхитительный некрополь-кладбище.

На могильных плитах красовались громкие имена представителей правящей династии, а поскольку один из древних герцогов, еще во времена короля Конана Аквилонского начавший ссылать в Кернодо неугодных родственников, обладал своеобразным чувством юмора, на всех могилах выбивали причину смерти захороненного.

Надписи разнообразием не блистали. «Скончался, перепив можжевельники», «Упал в пьяном безобразии с лошади», «Умер от излишеств» (радея о нравственности, управители Кайна-Горы не уточнили, от каких именно излишеств), «Задавлен медведем на охоте» — такая смерть почиталась за героическую. Самой веселой эпитафией полагалась надпись, выведенная на могиле скончавшегося сто сорок лет назад тана Витгольва Райдора: «Помер, обожравшись жареных перепелов». Коротко и ясно. А главное — всегда можно составить представление о нравах в здешней провинции.

Разумеется, в Кернодо имелись и свои достопримечательности. Кайна-Гора славилась забавным гербом — двумя стоящими на задних лапах волками, поддерживающими пивной жбан. Еще в замке хранился скелет двуглавого тельца, а трон тана, в подражание Золотому трону ныне сгинувших в пучине Великого Нашествия туранских императоров, целиком отлили из серебра.

Если проехать от Кайна-Горы на Восход, к рудникам, можно было обнаружить несколько каторжных тюрем, куда ссылали преступников не только из герцогства Райдор, но и из Вольных Баронств и Пограничья, отделявших маленькую полунезависимую державу Райдоров от охваченной военным беспокойством Гипербореи, а заодно из полуденных областей Бритунии, пока не захваченных гирканцами.

Замечательное развлечение для благородных: еще до начала эпохи непрерывных войн с варва-

рами, дворянам время от времени приходилось подавлять бунты каторжников, изредка заключенные сбегали и на них устраивали веселую облаву, а самое главное — каторжные копи приносили Кернодо постоянный и вполне солидный доход в виде серебряных слитков, каковые, впрочем, тут же изымались герцогом на благо всего Райдора.

О комарах здесь уже упомянуто, однако Кернодо славилось и иными кровососами. По большей части легенды о самых разнообразных вампирах, водящихся в предгорьях, оставались только легендами, хотя народная мудрость правильно говорит: «Нет дыма без огня». Утверждали, будто в самой что ни на есть глухомани, в горах, при стыке границ Пограничья и герцогства стоит замок Рудна (каковое название к железным рудам не имеет никакого отношения, но более к крови), в котором обитает целое семейство каттаканов, то есть (как написано в ученых книгах), «представителей давно вымершей человекоподобной расы, способных к телесным превращениям и питающихся горячей кровью».

В области Рудна — самом труднодоступном и отдаленном владении тана Кернодо — располагалось несколько деревень, чьи жители не подчинялись никому, кроме старост, не платили налогов тану, а всем любопытствующим отвечали, что замок-то существует, да вот уже лет четверста пустует. Одни летучие мыши да пауки. Как пройти к твердыне? Кто бы знал, господин хороший. Нам до того замка дела никакого нету.

И все равно по герцогству бродили упорные слухи, будто на полуночи Кернодо обустроили свое гнездо упыри и кровопийцы, пускай никаких доказательств к тому не находилось.

Отдаленное танство вообще славилось изобилием нечистой силы — тут тебе и вампиры из Рудны, и знаменитое проклятие эрла Ронина, трехглавое собакоподобное чудовище с Ронинских трясин, и заброшенные города альбов в тайных горных долинах...

Кернодцы гордились и откровенно хвастались перед другими подданными династии герцогов Райдоров необычностью и таинственностью своих земель, утверждая, будто захолустное танство есть наиглавнейшее хранилище древних чудес и секретов. Даже знаменитый Боссонский Ямурлак бледнеет перед таинствами этой забытой цивилизацией земли.

Может быть, так оно и было. Кернодо никогда не знало вражеских нашествий, добраться до Кайна-Горы получалось далеко не у всех праздных путешественников, которых заставляли не спать ночами и звали в дорогу малоинтересный в эпоху Нашествия варваров волшебные чудеса, старинное благочиние не исчезло здесь с течением лет, а каждый обитатель маленького государства в государстве, от последнего кмета до благородного эрла, помнил: чем реже в Кернодо будут появляться чужаки, тем лучше для самого Кернодо.

К чему иноземцам разрушать устоявшиеся традиции и пытаться исследовать дух старинной

сказки, витавший в заброшенной провинции бесчисленные годы?

Так и жили, пока...

* * *

...Пока Райдорское герцогство не прекратило свое существование менее чем за седмицу. В течение шести дней огромное войско гирканского полководца Хасгата по прозвищу Ветер Степи, объединившись с пришедшими с полуночи нордлингами, взяло все главные города, столицу, гирканцы сожгли замок герцогов (во время стремительного штурма коего погиб сам герцог Юстиний и шестеро его старших сыновей), и пронеслось далее на Полдень, к Пайрогии и рубежам Немедии да Коринфии.

Хасгат, до определенного времени остававшийся в пределах разоренной степняками Бритунии, получил приказ кагана всех гирканцев в пятый день первой осенней луны 453 года от начала правления небезызвестного короля Конана Канах из Аквилонии (даже степняки теперь пользовались принятым на Закате календарем). Каган Бурэнгийн строжайше наказывал своему наместнику немедленно подготовить конные тысячи к стремительному броску на Немедийское королевство, минуя Райдор, Пограничье, Полуночную Бритунию и Вольные Баронства — удар приходился по плодородным землям Трона Дракона с полуночного восхода на полуденный закат, туда, где уже хозяйничали пикты и норд-

хеймцы, рассекшие некогда великую Аквилонию на несколько самоуправляемых и слабо сопротивлявшихся Великому Нашествию герцогств.

Бурэнгийн предполагал отсечь главные города Бритунии от житниц, войнство Хасгата обязано было разделить королевство надвое, пройти через Пайрогию и остановиться Карпашского хребта. Сам каган гирканийцев, проведя подчиненные лично ему конные тысячи через Туранскую пустыню к Золотому побережью Шема, рассчитывал разграбить портовые города, затем резко повернуть на полночь, через Кофийские горы и соединиться с Хасгатом уже в самой Немедии, неподалеку от главного города — Бельверуса

К дню наступления зимы Бурэнгийн надеялся сокрушить Немедию, дать армии перезимовать на вновь захваченных землях, а затем идти дальше на Полуденный Закат, к владениям Пуантена (между прочим, доселе храбро отбивавших все нападения пиктов), Аргосу и богатым городам Зингары.

Гирканцы не нашли в Бритунии ни богатой добычи, ни привычных для них степей. Что же до танства Кернодо — там узнали о грянувшей войне в самый последний момент. Отправившиеся на покорение Кайна-Горы две тысячи гирканцев и присоединившихся к ним нордхеймцев попросту исчезли, но зато население отдаленного танства увеличилось почти вдвое за счет беженцев из коренного Райдора и областей вокруг Пайрогии.

А война, получившая через много столетий название «Гибель Хайбории», тем временем продолжалась.

* * *

— Господин каштелян, господин каштелян!

— Занят! — рявкнул невысокий плотный человек с остриженными «под горшок» седыми волосами. Широкоплечий толстяк восседал за безбрежным столом, покрытым измызанной белой льняной скатертью, и грустно рассматривал целую гору пергаментов, наваленных на столешницу. Его короткие, покрытые рыжеватыми волосами пальцы сжимали серебряный кубок, доверху наполненный пенистым элем, а в правой руке вместо пера или стилоса виднелась начисто обглоданная куриная косточка. — Войто, ты дашь мне пожрать или нет? Сказал же — если не степняки, меня не дергать!

Войто, совсем молодой безусый стражник Кайна-Горы, которому насчитывалось от роду едва лет шестнадцать, замер у дверей, изобразив на веснушчатой физиономии глубокое раздумье. Месьор каштелян был человеком суровым (хотя и отходчивым) и запросто мог приказать высечь надоедалу.

С другой стороны, дело-то самое неотложное! Надо попробовать еще разок.

— Господин каштелян, там приехали... Ругаются. Пустить требуют под ваши ясные очи. А, господин каштелян?

— Яйца отрежу и в окно выкину! — негодуяще взревел толстяк. В бедолагу Войто полетела кость от куриного бедрышка, но тот резво увернулся. К вспыльчивому нраву вельможного Сташува Альдойского из Альдоя, управителя танства Кернодо, привыкли давным-давно. Полуночная провинция герцогства управлялась его рукой уже без малого четыре десятилетия, почтенный Сташув перевидал на должности каштеляна не менее пяти ссыльных и трех наследных танов, а ныне принял на себя тяжкое бремя всеобщей власти, что танской, что законодательной. И вот такому занятому человеку не дают перекусить!

— Месьор Сташув, госпожа тоже пообещала яйца отрезать... Вы уж решите между собой, кому первенство отдать, — пролепетал Войто. — Только думайте побыстрее, а то господа нетерпеливые.

— Что за господа? — разъяренно процедил каштелян. Если опять беглецы с Полудня, особенно благородные, селить их негде. Пускай едут в деревни, там устраиваются. Кайна-Гора — не постоянный двор, а танов замок! — Войто, душень! Язык проглотил? Отвечай!

— Так вроде бы, вельможный каштелян, госпожа приехала... Госпожа Соня. Та самая, которой светлейший герцог наше танство подарил за какие-то заслуги. Госпожа Соня, собственной персоною, с двумя оруженосцами, первый из которых представляется Данквартом из Бергиса, а второй вообще молчит. И ноги у него голые.

— Киммериец, что ли? — ахнул Сташув, вспомнив про неприличествующие мужчине одеяния киммерийцев — клетчатые фейл-брекены и тут же выругался. Откуда нынче киммерийцы возьмутся? С неба?

— Эх, если бы киммериец, господин... С Побе-
режья откуда-то.

— Шемит?

— Не! Вроде этот... зингуриец!.

Тут ясновельможный Сташув понял, что трапезы ему не видать и лучше пойти вниз да разоб-
ратся самому. Потому как если на самом деле припожаловала благородная госпожа Соня (что вообще-то невозможно, а дурной Войто перепу-
тал все, что мог и не мог перепутать), та самая Соня по прозвищу «Рыжая», коей герцог Юсти-
ний за воинскую доблесть несколько лет назад подарил целое танство, значит, в округе начина-
ются чудеса.

Почтенному господину Сташуву в следующем году исполнялось шестьдесят лет — возраст из-
рядный.

Росточком сынок давно почившей господи ба-
ронессы Хальфриды Альдойской отнюдь не вы-
шел, едва три локтя с ладонью набиралось; од-
нако по молодости лет еще не располневший, розовощекий Сташув был причиной слез многих кернодских девиц. Собою хорош, силен как бык, доблестный воитель, впервые взявший меч в че-
тырнадцать лет, когда герцог воевал за порубеж-
ные земли с королем из Вольфгарда, что в По-
граничье. Ныне же, по прошествии десятилетий,

бычок поседел, отрастил изряднейшее брюхо, но по-прежнему мог без усилий поднять передок груженной телеги своими руками и единствен-
ным ударом кулачищи сбить с ног крупного ме-
рина. Он привык всегда таскать на себе кольчу-
гу, носить вместо меча тяжеленную булаву, быть куртуазным с дамами и крутым с подчиненны-
ми, но в то же время за грозным Сташувом от-
нюдь не велось славы самодура, а то и хуже — злодея да тирана. Просто он был радетельным хозяином вверенного герцогом танства.

— Проводи меня, Войто, — могучий каште-
лян Кайна-Горы утвердил на поясе неподъем-
ную, окованную железом дубину, которую толь-
ко он мог именовать булавой, громко дохлебал пиво из кубка и, чуть переваливаясь, пошел к лестнице замковой башни, предвкушая, как всласть наорет на незваных гостей и выставит вон. — Так они представились, будто райдорцы, наши?

— Два райдорца, — послушно ответил юный стражник. — Третий голоногий. Я ж объяснял! Из побережных.

— Ой, дубина... — вздохнул господин управи-
тель. — Тебя мамка, небось, часто из колыбели роняла?

— Во-во, это мне все твердят — и десятник, и командир стражи. Обидные ваши слова, благо-
родный каштелян. Если б я знал, что война бу-
дет, так хоть немного грамоте научился бы. А так — забрали из деревни... Я ж бортник да пас-
тух, и охотник еще.

— Потому что охотник — и забрали, — буркнул Сташув. — Из лука бить умеешь? Умеешь! Теперь такие люди нужны. Приучайся жить при господском доме.

— Так я бы с радостью, вельможный сударь, да от вас только и слышишь — яйца отрежем, руки отрубим. Лесовик, деревенщина глупый...

— Не занудь, — поморщился каштелян. — Показывай, где твои гости.

— За воротами, — горько вздохнул Войто. — Господин десятник меня до вас послал. Доложить. А сам их не пускает.

Замок Кайна-Гора оседлал высокий скальный выход, поднятый к небу среди покрытых столетними елями холмов, будто палец великана. Наверх вела достаточно широкая и удобная дорога, но если бы по ней собрался взойти враг — тут ему и конец! Путь от подножия к воротам древнего кубообразного сооружения с башнями по углам отлично простреливался из бойниц, проезд всегда можно завалить камнями или залить горячей смолой. Сейчас, пока в Кернодские дебри враг не совался, стража допускала к воротам Кайна-Горы любого, и в то же время в каждый момент была готова превратить крепость в орех, недоступный ничьим зубам.

Сташув вместе с неуклюже держащим тяжелое копьё Войто вышел в нижний двор, небрежно-величественно, как получается только у стариков, видевших не одну войну, кивнул начальствующему нынешним вечером десятнику, и направился напрямик к воротам. Створки, конеч-

но, закрыты. Только решеточка размером в ладонь на калитке откинута.

— Кого принесло на ночь глядя?! — взревел каштелян, заранее полагая, что его басовитый голос всяко напугает торчащих по ту сторону дармоедов. И ведь не стесняются, заразы! Вместо того, чтобы оборонять герцогство от навалившегося недруга, сбегают в глухомань, надеясь здесь отсидеться! Да не выйдет у них ничего! Недаром месьюр Сташув сообразил самостоятельно поднять ополчение из деревень, командирами приставить благородных бритунских кнехтов и оборонять Кернодо до последнего человека. Всякому работа найдется, что сыну кмета, ладно обращающемуся с луком или самострелом, что испугавшемуся неисчислимых степных орд беглому дворянину.

— Сташув из Альдоя? — слышался высокий голос из-за решетки. — Как же, узнаю! Вас не узнать невозможно! На любого рычите, будто раненый медведь на охотника!

— Да ты кто таков, чтоб так со мной говорить? — от натужного крика господина каштеляна лошади, стоящие во дворе замка, нервно повели ушами и затоптались. Сташув метнул глазами молнии на десятника и неотлучного Войто, напыжился, покраснел по самые кончики ушей и гаркнул: — А ну, открывай! Посмотрим на смельчака! Пусть в глаза мне скажет, а не сидит за крепкой доской!

— Давно бы так, — Сташув едва различил тихий хриплый голос. — Соня, у вас в Кернодо

подданные считают нужным выразить почтение законному господину криком?

Подчиняясь неистовству каштеляна, наверху закричали деревянные зубчатые колеса, окованные металлом створки ворот поползли в стороны, а сам Сташув, торжественно возложив ладонь на свою любимую булаву и горделиво задрал голову, шагнул к трем всадникам, нарисовавшимся на фоне вечернего неба. Никто из них не подал коня вперед и хвала за то богам — тотчас напихивали бы стрелами.

— Узнаешь? — подал голос один из незнакомцев, оглядывая каштеляна с высоты седла. — Вельможный господин Сташув из рода баронов Альдойских? Помнишь ли, как в первый мой приезд пугал меня самолично, напав на медвежью шкуру? А кто меня отвел на буевище вурдалаков ловить? Помнится, всю ночь просидели, ни единой потусторонней чужды не встретив?

— Митра Светоносный!.. — каштелян схватился за сердце, путь и был человеком до удивления здоровым, не знавшим никаких хворей. — Чуждая госпожа! Ты, что ли?

— Нет, призрак, — ответил (вернее, ответила) собеседница и спустилась с седла, одновременно сбрасывая с головы серый капюшон, открывший волнистые ярко-рыжие волосы. И рожа мальчишеская. — Я это. Я и никто другой. Нас впустят или как?

Господин Сташув, привыкший за долгие годы службы на месте каштеляна не доверять никому, кроме самого себя, всмотрелся в полумрак,

разгоняемый огнями факелов, от переизбытка чувств рыгнул, но все-таки заставил себя оглядеть спутников истинной владельницы танства Кернодо.

Первый ничего особого из себя не представляет. Харя кругом благородная, нос с едва заметной горбинкой, волосы длинные и соломенные. Одет — проще не придумаешь: темный колет, штаны, сапоги, плащ. Дорожное облачение любого путешественника.

Второй куда более чудаковатый. Осень, холодно, а он напялил что-то наподобие безобразно короткого женского платья с широким поясом. Туникой такая одежда называется, носят ее далеко на Полудне. Высокий, сразу видно, невероятно сильный. Небольшой меч на боку. Ага, чужеземец. И штанов не носит — ноги облачены лишь в сандалии, укрепляемые на лодыжках ремненной перевязью. Смотрит, однако, благожелательно, но не без настороженности.

Потом разберемся, кто здесь кто.

— Госпожа, — выдавил Сташув. — Вот не ждали... Так что вы стоите, будто чужие? Войто, бездельник! Беги к стряпухам, пускай курей жарят! Радость какая — госпожа приехала!

* * *

Внезапные гости въехали во двор Кайна-Горы как раз в момент, когда блеклое солнце исчезло за лесистыми холмами, а ближе к полуночи весь танов замок был перевернут с ног на голову.

Вельможная госпожа Соня (имевшая, впрочем, на Кернодо довольно призрачные, по мнению большинства дворян, права) вместе с друзьями желала лишь одного — поесть горячего, поспать под крышей, а не в сыром лесу, и отложить все заботы по ознакомлению с беспокойным кернодским хозяйством до утра. Еще очень хотелось как следует отмыться, о чем и было заявлено месьору Сташуву. Пока гости утоляли голод холодными лепешками с ягодами и грибами, оставшимися от вечерней трапезы, да поглощали темный, недавно сваренный эль, для них нагрели несколько чанов воды. Кайна-Гора не могла похвастаться наличием аквилонских терм или изысканных туранских бань, оттого бочки для купания, наполненные горячей водой, поставили прямоком в кухне замка, отгородив деревянной ширмой.

— Сначала ясная владычица освежится, — хлопотал каштелян, когда Соня и ее дружки заявили вниз. — Вы, благородные господа, попозже.

— Оставь, — равнодушно махнула рукой Соня. — Мы все привыкли делать вместе. Данкварт, Рей! Чего застыли, как столбы? Марш купаться! Совсем от человеческой жизни отвыкли?

— Философический вопрос, — ответил бывший вместе с Соней райдорский дворянин, устало расстегивая потрепанную кожаную куртку, — что же такое «приличная, человеческая жизнь»? Это когда с неба не капает? Или когда тебе на ужин могут предложить сразу полсотни

блюд? Или когда одно, но хорошо приготовленное?

— Достойный Сташув, — обернулась к каштеляну Соня, — прикажи, чтобы принесли чистую одежду для всех троих.

— Так... — раскрыл рот толстяк, — достославная госпожа! Вы ведь наверняка из припасенных прежними тановыми женами платьев выросли, да и обтрепались они со временем...

— Для меня — приличную мужскую одежду, — отрубила Соня. — Иди, Сташув, займись делом.

Каштелян, проклиная собственную непредусмотрительность и неизящно сквернословя под нос, отправился прочь. Пока господа изволят принимать омовение, придется расстараться и показать владетельной хозяйке Кернодо, что стольный замок ее танства управляется радетельным, знающим свое дело мужем.

— Войто! — огласил Сташув двор низким бычьим голосом. — Ты где, балда? Ага, опять к девкам в портомойню удрал? Войто! Высеку!

— Что угодно вельможному каштеляну? — Войто, оказывается, никуда и не уходил, постоянно шествуя за плечом управителя. — Изволите чего-нибудь приказать?

— Беги в сторожевую башню к десятникам! — чуть задышав, ответил каштелян. — Делай, что хочешь, грози от моего имени разжалованием и ссылкой в Рудну, но от пива их оторви! Пускай поднимут стражу да построют на дворе! Брось ты копье свое глупое!

— Не могу, — сразу ответил парнишка. — Вашим же указом положено каждому, кто в страже, носить копьё. А ежели кто без пики, сами, вельможный господин, грозилась палок всыпать, да на то копьё насадить.

— Дай сюда! — рывкнул каштелян, отбирая древко с ржавым наконечником. — Сегодня ты не в страже. Будешь моим личным порученцем.

— Так вы бы, господин, к примеру, не меня, а Рюдегера взяли... Он год у митрианских жрецов учился, буквы разумеет. А я-то, как сами стократ указывали, дурень дурнем.

— Рюдегер твой хоть и учился, да от пива не просыхает! Гнать бы его, засранца, в шею... Что сказал — беги в башню! Уши надеру!

Кайна-Гора могла похвастаться аж целыми двумя внутренними дворами. Первый побольше, сразу возле ворот, украшался деревянными конюшнями, колодцем, кузней и кучей мелких покосившихся пристроек, выполнявших роль то складов, то хлевов, то жилых помещений для охранявшей замок тановой дружины. Второй, не такой просторный, зато чистенький, находился у дальней стены квадратного укрепления, за главной башней-донжоном. Там и было указано собрать всех, кто свободен от службы на стенах.

Попутно разбушевавшийся Сташув своими руками выгреб из кладовых лучшие запасы, попенялстряпухам, что никудышно работают (хотя кухня пылала от жара, будто самая сердцевина вулкана), отдал распоряжение конюхам почистить, накормить и устроить в лучших сенях

господских лошадей, среди которых выделялся огромных размеров жеребец светлой масти, несший на себе невиданное седло и обладавший омерзительным характером. Знатки сразу рассудили, что такая порода лошадей происходит откуда-то с Побережья, вроде бы аж из самой Зингары, где лето круглый год — страны-сказки, о которой в райдорской глухомани ходили лишь неясные, но красивые легенды. И реки у зингарцев будто текут молоком и медом, и каждый человек живет счастливо да богато, а правит удивительным государством Морской Король, родом происходящий прямоком от древних богов и вроде бы самого Митры Солнечного, принявшего человеческий облик.

Впрочем, так говорили обо всех королях из древних династий, уцелевших во время Великого Нашествия. Будь то аквилонские Канахи, немецкие Эльсдорфы или зингарские Бальтанасы.

— Где ж я им возьму три спальни сразу-то? — причитал Сташув, подобно громоносному шару на ножках носившийся по Кайна-Горе и улаживающий десятки мелких дел, связанных с приездом госпожи. — Простыней-то льняных чистых нету! Эх, знал бы, где упасть — соломки бы постелил... Придется хозяйке на шкурах спать, да оно и мягче. Мужиков уложим при казарме стражи, потерпят. Где бы полыни добыть супротив клопов? Да разве ее среди ночи добудешь, проклятую? Войто! Беги за полынью!

— Куда? Где я вам ее найду, вельможный каштелян?

— Где хочешь, там и ищи! Чтоб была тотчас! Батюшки! Я ж про одежду для господ забыл распорядиться! Войто, брось полынь, беги в кладовую! Самое лучшее заберешь!

— Во, сударь, вспомнил! В кладовой, где одежды сложены, и полынь отыскать можно! Она там моль отгонять развешана!

— Так почему стоишь, балбес? Одна нога здесь, другая там!

В главной зале, где тускло поблескивал в свете факелов трон из серебра — потемневшее от времени и слегка небрежно отлитое местными умельцами жесткое кресло — вовсю накрывали длинный стол, выметали подгнившую солому, стлали вместо нее свежую, и выгоняли незнамо как забредших в увешанное старинными знаменами помещение гусей да кур.

У белошвеек даже нашлась чистая, ни разу не пользованная скатерть, на которую, впрочем, немедленно опрокинули блюдо с зажаренными утками, плававшими в густом соусе из чеснока и белых грибов. С кухни тащили все, что успели приготовить: помянутых уже уток, непременно грибы во всех разновидностях — соленые, вываренные, моченые, жареные; курицы, окорок, свежие ягоды, на которые были щедры кернодские болота, сушеную рыбу, пышные блинчики, залитые медом и вареньем... Особое райдорское кушанье — измельченное мясо, завернутое в кусочки раскатанного теста и сваренное в бульоне — поставили на трапезный стол в необъятном глиняном горшке, туда же присовокуплялись

пахучие травки, от укропа с петрушкой до мало-знакомых цивилизованным людям лесных корешков. Репка и морковь в горшочках, рябина черная и красная, колбаски из поросятины и оленины, бычий язык...

Сташув сознавал, что несколько перестарался и всем этим добром можно запросто накормить человек двадцать самых голодных взрослых мужиков, только вернувшихся с битвы от зари до заката, однако никто не посмеет упрекнуть управителя танства в том, что кернодцы негостеприимны и не смогут достойно встретить правопреемницу владетельного герцога Юстиния, да упокоится он за гранью мира, на Серых Равнинах...

«Погоди-ка, старый боров, — ахнул вдруг про себя достойный каштелян. — Что же такое у нас получается? Если все семейство господина нашего герцога перебили дикари, когда штурмовали Пайрогию... А младшего сына Юстиния, благородного Хенрика, загубили пиктские варвары во время битвы при Тарантии, значит... Значит наша ясноокая господа — единственная наследница! Не по крови, а по писаному бритунийскому закону — герцог лично ей жалованную грамоту на поместье выписал! Древние законы Райдора и Бритунии признают право женщины наследовать престол герцогов, если в живых не осталось родственников-мужчин и тем продолжать династию. А если и родичей-женщин не осталось — наследует тот, у кого жалованная грамота! Выходит, Соня — светлейшая герцогиня всего Райдора?

Девушка низкого рода! Низкого? Да и плевать, зато настоящая, доподлинная и законная хозяйка появилась! Беда на мою седую голову!»

— Войто! Войто-о!

— Полян принёс, одежду в купальни переправил, — отапортовал появившийся ниоткуда веснушчатый страж. — Ещё какие поручения, вельможный каштелян?

— Сгинь с глаз моих, лоботряс! Хотя нет, стой. Нет, катись отсюда и чтоб я тебя не видел! Марш в казармы, переоденься в чистое, а то смердит потом, будто от объезжаемого жеребца. Чего господа?

— Покупались, одеваются. Может, ещё чего нужно сделать?

— Веди их мигом в малый двор. Я сам сейчас спущусь. Иштар Добросердечная, ужин остынет! Разве можно кушать холодное?

— Можно, — уверенно ответил Войто. — Смотрите, сколько наготовлено. Да пусти меня за такой стол, я бы из-за него седмицу не вылезал! А сами, господин каштелян, стражу капустой кормите, да жирной свиной.

— Не твоего ума дело! Позор для дружинника брюхо отращивать! Чего стоишь? Бегом!

Сташув, которого так и распирало от жажды деятельности (пусть управитель и был более «жаворонком», нежели «совой», предпочитая ложиться рано, а вставать с самым рассветом), шустро пронёсся к озаренному факельным светом малому двору Кайна-Горы, обозрел бравое воинство (десятникам удалось собрать едва полсотни

человек, а самих десятников слегка покачивало от пивных паров), после чего принял надлежащую позу и проорал:

— Ригт! Торольв! Хансе! Вы, вы, дармоеды! А ну, ко мне со всех ног!

— Чего изволите, вельможный? — спросил самый смелый и молодой из десятников. Кольчуга у него была слегка драная под мышками и на зад, а крепким элем от доблестного воителя смердело за тридцать локтей.

— Ты, Хансе, заткнул бы пасть и слушал, что каштелян говорит! — надсаживал голос Сташув. — Отчего оружие не чищено?

— Так никто не приказывал, господин... Сами же говорили — если придет супостат, будем не мечом работать, а луком да арбалетом. И никакая степная зараза к Кайна-Горе за перестрел не подойдет.

— Строй подровнять! Знамя-то, знамя где? Куда, собаки, знамя подевали?

— Так оно... — проворчал вислоусый Торольв, — в главной зале висит, вместе с остальными выпелами. Сугубо для красоты и услаждения взоров.

— Ой, лопухи! И как вас тан только на службе держит! — простенал Сташув, забывая, что настоящего тана здесь последний раз видели лет семь назад, а заезжавшую ещё до начала Великого Завоевания на несколько седмиц госпожу Соню как правительницу никто не воспринимал всерьёз — подарил герцог боевой подруге во владение Кернодо, и пусть его. Герцогская семья

может распоряжаться земельными владениями как угодно — хоть последнему нищему подари.

А тут — молодая и решительная златоволосая особа с видами на благородство!

Соня тогда лишь поохотилась, погуляла по окрестностям, забрала с собой плавленные слитки серебра, с помощью которых собиралась набрать боевой отряд для каких-то своих таинственных целей, и более Соню в Кернодском танстве никто не видел. Где пропадала — то тайна великая есть.

— Так тащить знамя? — спросил Торольв. — А то всамделе нехорошо получается. Танова дружина, да без вымпела.

— Войто! — воззвал Сташув. — Войто! Возьмешь на нижнем дворе лестницу, снимешь кернодский флаг с потолка! Не тот, что синий с полосками, а зеленый! Это где два волка к бочке приникли! Понял?

Явилось знамя, несколько пропыленное, но торжественное, Войто блистал чистой сероватой рубашкой, на воротнике которой не было черной полосы, а лишь светло-коричневая, Сташув заменил непотребную для благородных булаву на фамильный меч, а пятьдесят скучающих дружинников Кайна-Горы сумели построиться почти что в прямую линию.

Господа не приходили.

— Что ж делается? — расстраивался каштелян. — Войто!

— Чего изволите?

— Ты где оставил госпожу с друзьями?

— Сказали милостиво, будто зайдут в главную залу и тотчас явятся.

— Сам пойду приглашу... Войто, ты куда собрался?

— С вами, господин. Сами сказали, будто порученцем я у вас теперь. Вдруг чего поручить нужно будет?

— Дурак. Ладно, пошли.

Вельможный господин Сташув из Альдоа сокрушительным вихрем ворвался в трапезную, одновременно выполнявшую роль и тронной, после чего неприлично раскрыл рот и отшатнулся к дверям.

Богатый стол был едва тронут. Похоже, госпожа и двое ее сопровождающих лишь чуточку откушали пирога да, судя по нечистым ложкам, едва похлебали лукового супу с кабаньим мясом. Еще виден пустой жбан из-под пива.

Благородная владычица Кернодо и, если судить по писаному бритунийскому закону, герцогиня Райдора, устроилась между двумя мужчинами прямоком на полу, возле очага, в обнимку с обоими. Постелили на солому плащ, укрылись другим, и запросто заснули, не соизволив проследовать в комнаты, где имелись постели, пушистые медвежьи и волчьи шкуры, тапки с ледяной водой для освежения лица и пучки сушеной полыни, притащенные исполнителем Войто.

— Видать, господа устали, — подал голос мальчишка. — Не тревожить бы их, а, господин каштелян?

— Помолчи, — ошарашено проговорил достойный Сташув. — Надо же, и не потрапезничали всласть! И дружину не посмотрели! Кушанья же остыли, завтра с утра разогревать — невкусно будет. Войто?

— Поручения прикажете выполнять?

— Умолкни, болван. Значит... — судя по хмурому лицу Сташува, управитель принимал тяжелое, но необходимое решение. — Зовешь сюда десятников с подмогой. Пускай стол почистят. То есть всю готовую трапезу заберут в казармы. Дружине тоже побаловаться нужно. И чтоб тихо у меня! Госпожу не разбудить! Понял?

— Угу, — кивнул Войто. — А мне можно чего забрать? Уж больно крольчатина соблазнительная...

— Забирай, — огорченно вздохнул каштелян. — Все равно пропадать.

— Ладно. А девкам в портомойню можно отнести?

— Да делайте, что хотите! — со слезами в голосе воскликнул несчастный Сташув, сплюнул в солому, развернулся на каблуке и отправился наверх, в комнату, которую он по-ученому именвал «кабинетом». От душевного расстройства каштеляну остро захотелось хлебнуть эля и завалиться спать.

Если бы Соня, Данкварт и неизвестный никому в Кернодо чужеземец, в действительности происходящий родом с Зингарского Побережья, проснулись, то их глазам предстало бы весьма странное зрелище.

Трое десятников тановой стражи, взявшие в помощники особо доверенных дружинников, собирали с богатого господского стола нанесенную снедь, переправляли ее в мешки или в закопченные котелки, а один из стражей, балансируя на неустойчивой деревянной лестнице, вешал на вбитый в каменную стену штырь зеленое знамя с двумя серебристыми волками и черной бочкой.

Нахальный Войто, окончательно потерявший всякую нравственную ориентацию, с деревенской запасливостью уволок целое блюдо с поджаристыми курицами, сунул в неизвестно откуда взявшийся мешок побольше пирогов, прихватил под мышку жбанчик и исчез в полутьме.

Рассвет он встретил на сеновале — сытым и довольным жизнью.

Серебряное блюдо (проснувшийся Войто, едва его увидев, подумал, что драгоценность нужно тотчас вернуть в трапезную, иначе месьор Сташув точно прикажет высечь) было завалено плохобглоданными косточками, а справа и слева от доблестного стража Кайна-Горы почивали две убогоустроенные и улыбающиеся во сне девы с пышными косами.

Обслуга замка давно привыкла не отказывать господам дружинникам, но одно дело — хмурый десятник с колючей бородой, и совсем другое — ретивый молодой лучник с едва проклевывающими усами, который, вдобавок, может хорошенько угостить своих подруг.

Войто был почти счастлив.

* * *

— Великие боги, где мы?

Данкварт проснулся первым, потер виски, ибо голова разламывалась, приподнялся на локте и осмотрел помещение. Он сам, Соня и Рей возлежали на толстом слое сухой травы, устилавшей громадную залу. Из-за того, что ночью ерзали, широкий плащ под гостями сваялся в кучу войлока, отброшенную потом в сторону. Рей, как обычно, дрых на спине, откинув правую руку и положив под голову кулак левой. Соня свернулась калачиком, забрав себе все «одеяло», роль которого играл еще один серый и непритязательный войлочный плащ.

Сквозь узкие окна, более напоминавшие бойницы, лился мягкий золотистый свет осеннего солнца. Данкварт поймал лучик, сосредоточился и замер. Сейчас, приобретя какой-никакой опыт в настоящем волшебстве, он умел отделять душу от тела, воспарять над смертной оболочкой и с безмерной высоты оглядывать все окружающее.

...Мысль Данкварта словно бы находилась на расстоянии лиги или двух над землей. Обзор великолепен. Далеко внизу — коричнево-бурая коробка замка, громоздящегося на скале, чуток к восходу начинаются змеистые горные отроги, меж которыми светятся осенней листвой и густой зеленью сосен глубокие долины, пятнышками разбросаны желтоватые крыши домов редких деревень. На Закате, где холмы становятся более пологими — беспросветные лесные пущи, тяну-

щиеся до самых границ Вольных Баронств и Пограничья. Если глянуть на полночь, пейзаж не изменится — лес, снова лес, еще раз лес и редкие скальные выходы, на которых виднеются маленькие скромные крепости. Только одна из них более-менее достойна внимания — когда-то величественный, овальной формы замок, ныне полуразрушенный и забытый. Кажется, он называется Рудна? Точно...

А потом — Граскаальский хребет. Снежный, и непроходимый. Затем — Гиперборея

Глянем на полдень. Пустота, дым и смерть. Хватит. Не хочется туда смотреть. Возвратимся обратно, в свое тело. Достаточно лишь краткого взгляда для того, чтобы понять — мы очутились в одном из самых безопасных мест Материка, дремучем танстве Кернодо, входящем в ленные земли владетеля разгромленного бешеными ордами гирканийцев герцогства Райдор.

— Данкварт?

Конечно, мигом проснулся Рей. Тот самый подраненный в Аграпурской битве зингарец, которого долго кликали Безымянным и у которого, оказывается, нашлось собственное имя, данное отцом. Матери Рей, воспитанный в Артосе, разумеется, не помнил.

— Что?

— Если я правильно понимаю, мы в гостях у... у Сони? В подаренном ей владении? Помоему, здесь все выглядит несколько по-варварски.

— Еще раз назовешь Бритунию варварской — получишь в лоб, — недовольно ответил Дан-

кварт. — То, что для зингарца чужое, не обязательно «варварское». И вообще, ныне в мире столько варварства развелось, что перепутать несложно... Поднимайся. Демоны всех стихий, как жрать хочется!

— Учись умерять свои желания, — буркнул Рей и с крайним недовольством осмотрел одежду, выданную ему вчера вечером. Штаны, ужас какой! Ни один человек воспитанный в Артосе, городе чтящем древние традиции атлантов, никогда не наденет эту жуткую одежду! Хотя...

Рей выкопал из связки, в которую входил кожаный колет, помянутые штаны, мягкие сапоги и тяжелый клепанный ремень, длинную рубаху, вышитую на вороте и рукавах, и подумал, что ее, если, конечно, закрепить поясом, можно использовать в качестве туники. Но все равно смотреться будет отвратительно. У туники определенный покрой, она не должна свисать с тела, как бесформенная тряпка...

— Не мучайся, — сказал Данкварт, наблюдая терзания зингарца. — Твои вещи, наверное, взяли стирать. Подожди один момент.

Райдорец вновь обратился к свету солнца, золотыми клиньями пробивавшемуся в окна-бойницы, прошептал два или три слова, неразличимые для Рея, чуть пахнуло морозом, и вот перед зингарцем лежит готовая белоснежная туника с золотистой тесьмой по краям и крепким поясом.

Солнце даровало Данкварту достаточно силы, для волшебного творения.

— Спасибо, — вежливо кивнул Рей. — Никак не могу привыкнуть к твоим чудесам. Обычный человек чужд волшебству. Но все равно я благодарен.

Зингарец нашел сандалии, погребенные за ночь под соломой, аккуратно очистил их от забившихся между ремнями сухих золотистых травинок, натянул подаренную магией Данкварта тунику и, вытянув из небольшого мешка с вещами гребень, расчесал волосы, обрезанные мечом по плечи.

— Что будем делать? — поинтересовался Рей, озадаченно глядя на спящую доселе Соню. — Хозяева почему-то не показываются. Видимо, они очень благородные люди и не хотят потревожить наш сон.

— Не наш, а ее, — ответил райдорец, одеваясь и указывая кивком на девушку. — Запомни раз и навсегда — хозяин в этой крепости один. Соня по прозвищу Рыжая. Эй, подруга, проснись!

— Какого?.. — Соня, едва ее тронули за плечо, мгновенно вскинулась, опасливо оглядевшись. И тотчас облегченно вздохнула. — Хвала Вековечному Пламени, мы все-таки дома!

...Рев трубы заставил вздрогнуть не только Соню, но даже хладнокровного зингарца. Громыхало под окнами, в большом дворе. Затем неблаговзвучие было поддержано боевыми рогами, барабанами и еще каким-то невероятным шумом, лишь с большой натяжкой достойным именоваться музыкой. С широких каменных подокон-

ников поднялись на крыло перепуганные вороны.

— Ничего не понимаю, — нахмурилась Рыжая Соня. — Там что, сражение начинается?

— Никак не сражение, — слышался от выхода на лестницу густой басок. — Сие — лишь торжественное приветствие дружины благороднейшей герцогине... Государыня, соизвольте почтить доблестное воинство самолично, окажите высокую милость...

«Я — и вдруг государыня?.. — оторопела Соня. — Что они там напридумывали, демоны зеленые?»

На Соню, озабоченно улыбаясь, глядел вчерашний седоволосый брюхан, теперь разодетый в фиолетовый, самую малость потертый, бархат. Данкварт вспомнил, что этот малорослый толстяк в Кайна-горе состоит вроде бы управителем или наместником... Вчера бывший эрл оказался настолько уставшим, что не помнил ничего, кроме незамысловатой бани и легкого ужина.

— А-а! Доблестный Сташув! — «благороднейшая герцогиня» поднялась на ноги, отряхнула штаны от соломы и слегка поклонилась. Соня никак не тянула на столь высокий титул — просто молодая худощавая девушка в измятой мужской одежде и с заспанными, красными глазами. Буйные рыжие волосы взъерошены. — А без церемоний разве не обойтись?

— Как можно! — задохнулся от праведного негодования каштелян. — Покойный герцог всегда порядку требовал, так и вы традиций не

рушьте! Раз уж по праву танством владеете! Благоволите обозреть дружину и принять присягу!

— Присягу? — не поняла Соня. — Хорошо, хорошо, месьор, не дуйтесь, будто гусак. Боги бессмертные, мне и одеться-то не во что!

Госпожа вздохнула, подобрала сапоги и натянула их на босу ногу. Пуговицы колета упорно не желали застегиваться.

Сташув, мелко семеня, приблизился, и развернул сверток холстины, который притащил с собой.

— Вот, приложите к челу... Тогда каждый поймет, кто здесь тан!

Корона. Серебряная танова корона с четырьмя зубьями в виде листьев клевера. Украшают ее несколько плохо обработанных изумрудов и один синий сапфир во лбу.

— Ах, беда какая, — схватился за голову каштелян, узрев, что корона велика и постоянно сползает на уши Соне. — Надо немедленно приказывать кузнецу обруч стянуть. Да вы тряпочку пока подложите, все ж прочнее сидеть будет!

Рей наблюдал за суматошными действиями Сташува с безмерным удивлением, а Данкварт только посмеивался втихомолку. Все знакомо до боли! Родное райдорское разгильдяйство в наилучшем виде — корона велика, замок прокопчен до конька крыши, пиво кислое, дружина пьяна, а ночи холодные... Все как в детстве, в полузабытом фамильном имении. Интересно, гирканцы успели сжечь родовое гнездо предков Данкварта или старая крепостишка еще стоит?..

Наконец обруч худо-бедно утвердился на голове Сони, принимавшей заботу каштеляна с понимающе-саркастичной улыбкой.

Предусмотрительный Сташув обрядил хозяйку в зеленый плащ («Так оно приличнее будет, все-таки герцогиня, а не девка какая заезжая...») и потащил к выходу. Соня бросила на Данкварта и Рея умоляющий взгляд, и те двинулись следом.

Видать, славный каштелян поднял дружину задолго до восхода солнца. Двор слегка подмели, свиней загнали в хлевы, чтоб не маячили перед светлым ликом госпожи. Впечатление от предстоящего торжества портили только курицы, квохчущие на открытых насестах, и маленькая черно-белая собачка, с лаем шнырявшая под ногами дружинных.

— Чарующая дремучая патриархальность... — кашлянул Данкварт, оглядывая с высокого деревянного крыльца ряды маленькой армии Кайна-горы. — Рей, как тебе нравится?

— Не стану осуждать, но и приветствовать не могу, — уклончиво ответил зингарец. — Для меня такое зрелище... немного странно. У вас всегда так?

— Всегда, — кивнул райдорец. — А частенько бывает и похуже. Но, видишь ли, никогда, за всю историю герцогства, наши земли не бывали побеждены. Завоевывали Райдор не раз — и аквилонцы, и гипербореи, — но не побеждали... Эти обтрепанные вояки, поверь мне, многого стоят.

Рей промолчал, однако выкроил на лице такое выражение, что любой понял бы — принимать слова Данкварта на веру зингарец не собирается.

Вельможный каштелян вывел на верхнюю ступеньку крыльца Соню (серебряная корона на сей раз лихо съехала набок), раскрыл рот и... И позабыл все приготовленные по такому случаю слова.

— Так, — прочистив горло выдавил Сташув. — Госпожа изволила прибыть домой. Все поняли?

Строй дружинных одобряюще загудел. Вот и хорошо, без длинных речей, коротко и ясно.

— Значит... Эй, эй, Хейнс, ядрить твою вперехлест!! Куда знамя в самую пыль наклонил?! Подыми тотчас, чтоб на ветру колыхалось! Вот олухи, уж простите меня, благородная госпожа! Ну ничего, вы у нас порядок наведете!

— Наведу, — пытаюсь не улыбнуться, согласилась Соня. — Вы, господин каштелян, продолжайте, не тушуйтесь. Что надо делать? Целование знамени, присяга?

— Потом — пир, — брякнул окончательно потерявший нить событий Сташув. — И... И если пожелаете — охота на медведя.

— Лучше уж на гирканца, — проронила Соня, поняв, что дело надо брать в свои руки. — Дружина! Слушать меня!..

Глава 2

Где живет упырь?

Вовый денек у месьора Сташува выдался донельзя беспокойным. Каштелян был прав, заявив на «церемонии», что столь внезапно прибывшая госпожа наведет порядок, пусть и не осознавал, какие последствия повлечет за собой возвращение хозяйки Кернодо.

Пир и охоту на медведя отменили. Соня потребовала от управителя подробнейшего отчета о всем, происходившем за последнюю луну как в Кернодо, так и в Райдоре, спокойно выслушала неутешительные новости о гибели всей семьи герцога Юстиния, уничтожении столицы и двух крупнейших городов герцогства, а после начала командовать.

Соня не удосужилась объяснить Сташуву, где и как она провела последние два с половиной года, но отдавать приказы — ясно, как день! — хозяйка научилась здорово.

— Значит, — нахмурившись, говорил Данкварт, — теперь, если следовать букве старинных уложений о престолонаследии, ты из почти законной владельницы в затрапезном Кернодо превратилась в единовластную повелительницу герцогства Райдор? Могу лишь поздравить.

— Не с чем поздравлять, — поморщилась Соня, рассматривая обнаруженный в библиотеке Кайна-Горы подробнейший план Райдорского герцогства. Пергаменту было лет семьдесят, не меньше, однако основные дороги, поселки и тропы обозначенные на карте сохранились до нынешних времен. — Как хорошо жить в стране, где почти ничего не меняется! Оставим пока. Насчет золотой короны герцога... Где она, та корона? Данкварт, представь, что произойдет, если кто-то из родственников моего друга Юстиния остался жив? Потом, после победы, меня немедленно обвинят в самозванстве, а в мои планы не входит закончить жизнь на плахе... Вы, месьор Сташув, наверное, слышали о взятии степняками замка большинства городов полуденной Бритунии от случайных и перепуганных свидетелей?

— Точно так, светлейшая, — закивал каштелян. — Уж как перепуганных — страсть! Штаны мокрые — через одного.

— Вот и я о том. У страха глаза велики. Кто-нибудь наверняка спасся. Поэтому я оставляю за собой только наместничество в Кернодо и титул тана. Пока. До времени, когда дело прояснится. Теперь, месьоры, побеседуем о должностях. Сташув, ты остаешься каштеляном Кай-

на-Горы, а заодно будешь командовать ополчением из деревень. Данкварт! Данкварт, хватит жрать пиво! Послушай! В Кернодо сбежались многие благородные дворяне из полуденных баронств и графств, разместились где как. С помощью благородного Сташув ты за несколько дней их оповестишь, отберешь боеспособных мужчин и пригонишь сюда, в Кайна-Гору.

— Зачем?

— Устраивать дворянскую конницу. У многих есть свои лошади, безлошадные захватят ездовую скотину в бою, у гирканцев. Понятно? Если наскребем пару сотен рыцарей, будет просто чудесно. Тебя я поставлю командовать конницей танства. Сможешь организовать?

— Ну, я попробую, — пожал плечами Данкварт.

— Не попробуешь, а сделаешь. Ты у нас пока без титула, если не ошибаюсь? Прости, но восстановить тебя в правах эрла Бергиса я не могу, закон есть закон. Дарую титул светлейшего керлата... э-э... Месьор Сташув! Где у вас не назначен человек на керлатовство?

— Так... нигде! — поразился нововведениям каштелян. Войт, то бишь тысяцкий или пятисотский военный начальник, управлявший небольшими поместьями, в Кернодо не назначался лет полтора, со времени большой войны с Аквилонией. Войты обычно управляли ополчением, но чаще не дворянским, а деревенским. — Вельможная госпожа, мы вовсе и забыли, что это такое!

— Замечательно. Данкварт вам напомнит. Сташув, подберите верных людей, чтобы посадить керлатов во все области Кернодо. А ты Данкварт, получай в подарочек... Рудну. На твоей совести продовольствие, обеспечение войска и сбор всех мужчин, способных держать оружие в руках.

«Рудна... — Данкварт только глаза к потоку возвел. — Шесть крупных деревень, если верить карте, три десятка хуторов, несколько рудников, два из которых каторжные. Ну спасибо, дорогуша! Ах да, еще полуразвалившийся замок с упырями, восстанавливать который нет ни средств, ни возможностей».

— Рей! — позвала Соня зингарца. — Можешь заниматься, чем тебе заблагорассудится, но ты все-таки вырос в городе воинов и должен знать досконально благородную ратную науку. Поможешь?

Рей, не раздумывая, кивнул. Немедля залопотал месьор каштелян:

— Госпожа, да какое нынче благородство? Я как думаю — вы вроде воевать собираетесь? Выходить в чисто поле да биться?

— Не совсем, — терпеливо ответила Соня. — Сташув, вы намеренно наверняка перепили, коли говорите сказки о чистом поле. В открытом противостоянии гирканцы или пикты перебьют нас за милую душу вдвое меньшим числом.

— И я о том же, и я! — быстро-быстро закивал старик. — Полагаю, как делать надо... Из леса выскочили, дикарей перерезали, лошадей уг-

нали, и обратно в трясины спрятались. Будем их хитростью давить. Всех, конечно, не передавим, но урон нанесем. Засады там всякие, колодцы можно потравить в деревнях, где гирканцы стоят. Я ж вам говорил, хозяйка — пару седмиц назад двадцать сотен узкоглазых сунулись в Кернодо по главному тракту. Ну, мы сначала их чуток из луков постреляли, в зарослях прячась, потом они мою дружину преследовать начали... Мы, конечно, побежали. Добежали аж до самых Ронинских трясин. В коих сейчас степняки и булькают. Кметы с рогатинами да вилами их в клещи взяли, с тылу дружинный отряд ударил. И загнали мы дикарей в самую топь. Больше почему-то не суются.

— Поверьте, благороднейшие месьоры, не пройдет и луны, придется встречать гостей, — заметил Данкварт. — Они сожрут все, что захватили в Полуденной Бритунии, возле Пайрогии, и заявятся в Кернодо, за едой и фуражом.

— Встретим, — шарахнул увесистым кулаком по столешнице господин управитель. — Только чуток подготовиться надо. Если постараться, тысяч семь-восемь мужиков наберем. Еще благородных сколько-то.

— А если каторжников? — подал светлую мысль Данкварт. — Пообещать отпущение всех грехов, коли будут честно воевать?

— Умно, — согласилась Соня. — Только не создавать отдельные отряды из рудничных рабочих, а распределять их в уже набранные сотни. Человек по несколько. Иначе вместо дружин полу-

чим лихие банды, которые начнут своих же грабить.

— Еще полторы тысячи рыл, — заключил месьор Сташув, отлично знавший, как обстоят дела с каторжниками во вверенном его попечению танстве. — Большое войско получается, а, судари мои?

— Не такое уж и большое, — ответила на то госпожа, — но вполне достойное. Наше преимущество в том, что мы знаем здешние леса, тайные тропы в горах и болотах, можем ударить внезапно, потом отойти почти без потерь. Ищи ветра в поле. Что же, благородные соратники, за работу?

— Я тогда сегодня же отправлюсь в Рудну, — сказал Данкварт. — Гляну на хозяйство. Сташув, выделите мне полтора десятка дружинных?

— Как же, — прогудел каштелян. — Забирайте. Однако намаетесь вы с ними. Только и умеют, что пиво хлестать да за юбками бегать.

— Ничего, Рей их быстро научит военному порядку, — легкомысленно заявил новоиспеченный керлат. — Рей, надеюсь, ты поедешь со мной?

— Как прикажете, — безмятежно ответил зингарец. — Ваше дело командовать, мое — исполнять.

— Вот и отлично, — закончила разговор Соня, поднимаясь из-за стола. — Сташув, начинайте рассылать людей по деревням, чтобы переписали беженцев. Данкварт, отправляйся. Буду ждать тебя послезавтра к вечеру.

* * *

Впервые за много седмиц Данкварт чувствовал себя на дороге в полнейшей безопасности. Главный тракт, ведущий от бритунской столицы Пайрогии и самого Райдора, резиденции герцогов, к Кайна-Горе, обрывался непосредственно у подножия замка, далее от резиденции тана звездочкой расходились в стороны полтора десятка проселков, дорог, дорожек, тропинок, некоторые из которых даже украшались деревянными столбами, отмерявшими лиги, и указателями из досок наподобие: «Здесь направо не сворачивай, попадешь в болото».

Извилистый путь от Кайна-Горы до области Рудна идущая рысью лошадь покрывала за день. Плохо наезженная дорога разрезала хмурый и дикий лес — огромные ели со стволом в три обхвата, редкие поляны, поросшие молодыми елочками и редкими березами.

Изредка попадались заболоченные овражки, покрытые сплошным багровым полем клюквы. Пахло сыростью, грибами и хвоей. Непуганое множество самого разнообразного зверья, ничуть не стесняясь, пересекало дорогу прямо перед всадниками — табунки оленей, спешащие по своим делам кабаны, однажды был замечен прямо-таки чудовищных размеров лось с рогами, напоминавшими остистую чашу, где-то в глубине чащи, наверняка на берегах стекавшей с гор речки, взрывал медведь, отъедавшийся к зиме пойманной рыбой. Красота. И безопасность.

...Путь от печально знаменитого Аграпура, где потерпела сокрушительное поражение армия туранцев и далее, через заморийские степи, предгорья Коринфии, Замору, по которой рыскали отряды степняков-гирканцев и напуганную страшной войной Полуночную Бритунию к танству Кернодо занял тридцать два дня, и Данкварт собирался никогда не вспоминать трудности и опасности, встретившиеся по дороге. Например, к стенам Аренджуна трое путешественников подошли ровно за день до появления возле торгового города степных сабельных тысяч, и хвала всем богам, что рассудительный Безымянный (он же, как выяснилось по пути, Рей, сын Кордалеса) потребовал обязательно продолжать странствие, не задерживаясь в гостеприимном заморийском городке, не ждавшем нахлестывающей волны Завоевания. На Вольном рынке Аренджуна лишь продали верблюдов, поменяли лошадей, закупились припасами и споро отправились дальше.

Слухи, как известно, летят быстрее ветра. Особенно дурные. Через несколько дней Соня, Рей и Данкварт узнали, что основное войско Бурэнгйна следует напрямик за ними — великий завоеватель решил не размениваться на длительную кампанию против заморийских городов (никуда они от степного повелителя не сбегут), и нацелить главный удар на полуденные границы богатейшего Немедийского королевства и протектораты наподобие Коринфии. Случалось, что трое путешественников утром выезжали из захо-

лустного поселка, стоящего в степи неподалеку от границ Заморы, а вечером тот же поселок уже занимали передовые отряды неисчислимой гирканской армии.

Шли на полночь, постепенно забирая к закату. Остались позади два небольших герцогства, целая цепочка которых прикрывала рубежи Немедии от возможного нападения с полудня, наблюдали за нарастающей паникой. Тем более, что вести из Аквилонии не обнадеживали — пикты и нордлинги постепенно уничтожали возрожденное знаменитым Конаном Канах королевство...

Когда до границ Райдора осталось едва десять лиг, внезапно наткнулись на разъезд степняков — гирканцев было двадцать человек, а предводительствуемый Рыжей Соней отряд состоял всего из троих человек. По счастью, стычка произошла днем, ибо райдорец не умел пока пользоваться силой ночных светил для того, чтобы преобразовывать их свет в магическую мощь. Конечно, создать облако огненных шаров и направить их на неизвестно откуда взявшихся гирканцев у него не получилось, но Данкварт, каждый вечер практиковавшийся что в обычной магии, что в боевой, шествуя заковыристым путем проб и ошибок, сумел напугать варваров иллюзией. Он создал видение огромного чудовища, используя без остатка всю свою фантазию. Гирканцы, устранившись зрелищем невиданной твари, размерами превосходящей любого из сказочных драконов и составлявшейся из туловища

ящерицы, головы кабана и лошадиных ног, к которым привешивался шипастый хвост, позорно ретировались.

Это была первая встреча с отрядами армии Хасгата Степного Ветра, шедшей на соединение с армией кагана гирканцев Бурэнгигина. Далее пробирались лесами, опасаясь попадаться кому-либо на глаза и вводя многочисленного противника в заблуждение несовершенным искусством Данкварта.

Райдор разорили, это было ясно, как день. Путники обошли стороной Пайрогию и все главные замки, возле которых кишели орды дикарей. По отрывистым и неполным сведениям, получаемым от прячущихся в лесах подданных герцога Юстиния, они поняли — Райдор постигла мгновенная и сокрушительная катастрофа. Малонаселенное герцогство не могло долго и активно сопротивляться многотысячным армиям степного кагана.

На тридцать второй день пути, ближе к закату, Соня указала вперед, на темнеющий над острыми еловыми верхушками замок, устало сообщив, что цель достигнута. Вот она, Кайна-Гора.

Соня, кстати, не особо переживала от того, ей придется временно принять власть в Кернодо. Да, собственно говоря, и переживать смысла не было. В Райдоре женщины всегда пользовались уважением и могли занимать государственные должности, а вот в Туране дело обстояло прямо наоборот. Посему герцог Юстиний и даровал своей помощнице танство — словно предчувст-

вовал гибель семьи. Никто не уцелеет — значит власть перейдет молодой и решительной воительнице. Она справится. А если переживет Великое Нашествие — оснует свою династию. Может быть...

Сама Соня о таких высоких материях не думала. Вот ты, вот — враг, уничтожающий твой мир. И надо сопротивляться. А если в руках есть власть — действуй!

Кернодо для Данкварта было провинцией малоизвестной. Он забредал сюда в поисках знаний лишь один раз, заинтересовавшись секретами Рудны, однако уехал несолоно хлебавши — древняя земля тщательно хранила свои тайны, не желая открывать их чужаку, пускай даже и райдорцу. Теперь судьба порешила так, что Данкварт, природный бритунийский эрл, стал полноправным управителем отдаленной Кернодской области — Рудны.

— Эй, Войто! — господин керлат чуть натянул поводья лошади, чтобы шла помедленнее, голова в голову с сереньким мерином, на котором восседал вошедший в отряд деревенский мальчишка, внезапно поднявшийся до поднебесных высот звания «танова стража». Господин Сташув, скрепя сердце, отправил неразумного Войто вместе с остальными в качестве проводника, ибо тот происходил родом как раз из окрестностей Рудны. — Войто, скажи мне...

— Завсегда пожалуйста, месьор!

— Так вот, объясни, почему Рудну люди называют прибежищем упырей?

— Кто б знал, благородный керлат... Вот вы, наверное, человек умный, книжки всякие читали. Говорят, в книжках все написано. У нас в деревне объяснений тому никаких не было, я про упырей, в смысле. Ну, живут. И пускай их живут. Людей не кусают, скотину не портят.

— Значит, все-таки живут?

— Конечно! — уверенно согласился Войто. — Признаться, так старосты деревень, что ни полнолуние, собирают дань да отправляют к замку.

— Дань? Серебро, золото?

— Да откуда ж у нас золото? — укоризненно глянул на Данкварта Войто. — Золото только у господ благородных. Так, корзины с едой собираем. Окорока, птицу битую, хлеб. Если с каждой деревни понемножку взять, ни от кого не убыдет, а нам защита.

— Какая защита? — поразился Данкварт, так и подпрыгнув в седле. — От кого?

— Вот прошлой зимой, — увлекся Войто, — в предгорьях землетрясение нескольких медведей из берлог выгнало. Лесной хозяин голодный, отощавший... И начали медведи на людей охотиться. Старосты на совет собрались, порешили отправить посланника в Рудну. О помощи просить. Вы не думайте, сударь, в деревнях люди многое помнят и многое знают, да не всем говорят.

— Отчего тогда мне говоришь?

— Так вы же керлат. И слуга нашей вельможной госпожи. Значит, свой, кернодец. Так вот, про медведей. И седмицы не прошло, как о ша-

тунах даже слухов не рассказывали. Повывелись. А две туши медвежьих кто-то приволок в нашу деревню, да причем ночью, и положил у крыльца дома старосты. Кто — неведомо. Следов на снегу не нашли.

— Значит, — рассудительно сказал Данкварт — если ваши старосты носят в Рудну дань, просят неизвестно у кого о помощи в трудном положении и эту помощь получают, в Рудне кто-то живет. Видел кто-нибудь хозяев?

— Не, сударь. Они вроде бы того... Незримые. Староста приходит к воротам, говорит, что нужно, потом уходит. Там же телегу с припасами оставляет. Потом мы телегу забираем, и глядь — пустая она.

— Ты сам в Рудне-то был?

— Не, господин. Боязно. Рядом ходил, но только днем. Старенькая такая крепость. Две башни совсем обвалились, полуночную стену оползень разрушил. Ветер завывает в камнях. Если уж люди говорят, что там упыри, значит так оно и есть.

— Глас народа — глас богов, — ввернул Рей, внимательно слушавший Войто, известную зингарскую поговорку. — Данкварт, полагаю, туда не полезем? Или ты поведешь себя также как в подземных упокоищах Аграпура? Соня мне много рассказывала об этом захватывающем путешествии.

— Соня любит поговорить. И она сама виновата. Я, например, категорически отказывался забираться в некрополь.

— А что такое некрополь? — осмелился поинтересоваться Войто.

— Жальник, кладбище.

— Ой, судари мои, так если вам кладбища интересны, могу, когда война кончится, отвести в красивую долину. Там сплошь альбы похоронены. Гробницы такие красивые, только разрушенные...

— Чего-о?! — ахнул Данкварт. — Где?

— К восходу, в горах. Я, когда с отцом на кабана ходил, видел. Звездочки восьмиконечные, розочки из мрамора, деревья со звездами, буквы всякие...

Данкварт искренне восторгался. Вот она, глухомань, дебри и пуши, где древние секреты хранятся лучше, чем в торжественных библиотеках Вельверуса или Тарантии! Надо же, Войто запросто назвал основные символы сгинувшего народа альбов — дерево, звезда и роза. Времена знаменитого Роты-Всадника! Почти девять тысяч лет!

Войто не врет, это видно. Здешние простецы, уж простите за каламбур, слишком просты для того, чтобы выдумывать и фантазировать.

— Сударь, а сударь! — позвал Войто. — Сейчас на холм заедем, от него, если посмотреть налево, как раз Рудна видна будет. Только незнающему человеку до нее пройти тяжело, а то и вовсе никак. Есть только две тропы. По одной мы телеги с провизией туда отправляем, эта идет через гать, Лисью скалу и буковую рощу. Вторая — для охотников. Точно ведет мимо Рудны, дальше к горам.

Рей, наблюдая, как у Данкварта загорелись глаза, только головой покачал:

— Малыш, ты бы не рассказывал господину керлату так много интересных вещей. Он ведь решится и пойдет к вашим вампирам с визитом вежливости.

— А чего? — недоуменно вскинул брови Войто. — Наши вампиры, сиречь, как ученые люди говорят — каттаканы, не простые, а хорошие. А господин Данкварт теперь керлатом в Рудне. Как не пойти?

— Почему ты решил, будто в замке живут именно каттаканы? — спросил Данкварт.

Ему самому были отлично известны полтора десятка описанных в трактатах разновидностей что сказочных, что реально обитающих под солнцем живых и магических существ, коим приписывались повадки пить человеческую или звериную кровь.

Каттакан, удивительная тварь, обликом сходная с человеком, относилась всеми мудрыми мужами к области абсолютных небылиц, ибо их сказочные способности менять облик по желанию, превращаться то в летучих мышей, то в волков являлись несомненной выдумкой. Вдобавок каттаканы встречались в одном-единственном месте на Закатном материке — в Кернодо, разумеется. Вроде бы пару столетий назад некоему немедийскому кнехту удалось умертвить подобного монстра, а голову притащить в столичный университет. Сказка и легенда, ничего более!

Однако, если Войто с непосредственностью дремучего селянина утверждает, что в Рудне кто-то живет... Объяснений тому можно придумать множество. Беглые каторжники, например. Поселились в заброшенном замке, запугали округу и вовсю пользуются предрассудками безграмотных обитателей дальних деревень. Одно не поддается осмыслению — почему легенда гласит, что каттаканы живут в Рудне спокон веку? Никакой каторжник, будь он хоть двух, хоть трехжильный, не протянет несколько столетий!

Дело шло к вечеру, когда отряд Данкварта приблизился к своеобразной столице области Рудна. Довольно большая деревня была обнесена тыном — мощные сосновые стволы, заточенные поперек в виде кола выставлялись вокруг домов сплошным непреодолимым забором, в котором имелись лишь одни ворота, укрепленные довольно грамотно построенной деревянной башней.

Подъехали. Перед закатом ворота уже закрылись, но с башни за приезжими из Кайна-Горы пристально наблюдали.

— Кто пожаловал, назовись! — в бойницу выглянула бородатая рожа. — К кому, зачем?

— Праш, ты, что ли? — не дожидаясь приказаний Данкварт, в голос заорал Войто. — Не узнаешь родного племянника? Отпирайте, керлат приехал! От самой вельможной госпожи из Кайна-Горы! Война теперь!

— Знаю, что война, — сердито ответили сверху. — Какой такой керлат?

— Данкварт из Бергиса, по приказу тана Кернодского! — громогласно выкрикнул бритуниец. — Зови старосту, я пергамент от госпожи привез.

Данкварт стрельнул глазами в десятника и тот поднял повыше наскоро сшитый еще в Кайне зеленый вымпел с неизменными волками и пивной бочкой.

Ждали недолго. Ворота, сидевшие на добротном откованных местным кузнецом железных петлях, безо всякого скрипа распахнулись. Глянь-ка, целое посольство. Бородатый Праш, рядом с ним и чуть впереди высокий мужчина средних лет, за последним шествует трое старцев.

— Тот, кто повыше, и есть наш староста, — шикнул Войто Данкварту. — Запомните, вельможный господин: деревня наша называется Велинка. Старосту зовут господином Яскотом.

«Яскот, — мысленно перевел Данкварт с кернодского наречия на привычный бритунийский, — добротный, сильный, хорошо сделанный. Подходящее имя. Такой с полутыка кулаком лося завалит. Будем знакомиться».

Староста не пожелал кланяться, просто встал перед лошадьми, безошибочно опознал в Данкварте главного и молча, вопросительно уставился на него.

Славный керлат, непривычный к общению с верховными людьми самоуправляемых деревень, этаким маленьких вольных герцогств, запнулся, не зная, как правильно говорить. Выручил неизменный Войто.

— Дядя Яскот, керлат приехал. Над всей Рудной теперь господин. До конца войны.

— А-а, Войто... — узнал староста. — Как оно теперь живется? Погляжу, настоящую кольчугу носишь? Здравствуйте, благородный керлат. Если приехали из Кайна-Горы от самого уважаемого месьора Сташува — милости прошу.

— Я не совсем от него, — уточнил Данкварт. — Меня послала вельможная госпожа Соня, наследница Райдорская, тан всего Кернодо.

— Наследница? — нахмурился мужик. — Та девица, которой герцог Юстиний танство подарил во владение?

— Она самая.

— Тогда тем более попрошу. О лошадях позаботятся. Приглашаю вас к себе. Откушаем и поговорим заодно.

Данкварт облегченно вздохнул, соскочил с седла и, махнув рукой страже, последовал за старостой. Обитатели Велинки почему-то перестали казаться ему страшными и дремучими простецами, знающими лишь свои леса, охотничий нож да медвежьи тропы.

* * *

Проснулся Данкварт еще до восхода солнца от того, что Рей толкал его кулаком в бок.

— Просыпайтесь, благородный гранд, нас ждут великие дела.

Зингарец, как видно, поднялся затемно, успел умыться и даже подогрел в открытом очаге на

угольях вчерашнюю оленину, которой потчевал гостей староста Яскот.

— Х-холодно, — стукнул зубами Данкварт, коснувшись голыми пятками утоптанного земляного пола. — И вообще, Рей, отвыкай от своих зингарских представлений о званиях и титулах. Какой я тебе гранд? Королевский гранд должен скакать на белом коне под развевающимся штандартом, позади него пылит тяжелая конница по уши в броне и щитах, трубы медные ревут, барабаны всякие, флейты наяривают что-нибудь поторжественнее... А здесь? Бородатые мужики с вилами да мальчишки с охотничьими ножами.

— И я о том же, — согласился Рей. — Пойди наружу, я возле колодца для тебя полное ведро воды оставил, умыться.

Данкварт содрогнулся при одной только мысли о ледяной воде, но зингарца было не переспорить.

Несмотря на долгое совместное путешествие, за время которого Соня и ее колдун-оруженосец пытались сделать все для того, чтобы превратить мало похожего на нормального человека воителя Артосийского легиона в компаньона, не обремененного безумным количеством предрассудков, Рей не избавился от большинства старых привычек. На первом месте, разумеется, оставалась забота о телесном здоровье — зингарец за просто купался в предгорных озерах, где вода едва только не застывала льдом, находил любую возможность для того, чтобы помыться, пускай условий к тому не имелось никаких, а меньше

чем в лиге поднималось зарево от сожженной гирканцами деревни. Ежеутренне сумасшедший зингарец брал оружие, выполнял с мечом и щитом какие-то странные упражнения, а затем просил Данкварта встать против него в потешной схватке. Данкварт, конечно же, постоянно проигрывал.

Однако Рей почти перестал тосковать о своем товарище из «Кастельона» или тщательно научился скрывать свои чувства. Зингарец здорово изменился — если вспоминать первые дни знакомства, Рей (тогда еще носивший выдуманное Данквартом прозвище «Безыманный») оставался лишь человеком, насильственно вырванным из обстановки, привычной с колыбели, и оказавшимся в абсолютно неизвестном ему мире. Чужие люди, странные традиции, никак не соглашующиеся с уложениями удивительного зингарского города Артоса, постоянные насмешки со стороны язвительной Сони...

Седмицы через полторы-две Данкварт начал замечать, что вечно исполнительный зингарец, скрупулезно выполнявший любые, даже самые бессмысленные распоряжения предводителя маленького отряда, внезапно начал думать самостоятельно. Используя свой опыт, Рей советовал, где лучше встать на ночевку, как избежать встречи с противником, охотился, добывая пропитание, а в конце концов преодолел тяготивший его и попутчиков негласный закон своего легиона — любой «кастельон» после гибели напарника обязан либо искать смерти, либо немед-

ленно найти себе пару. Зингарец назвал Данкварту свое имя и тем ясно дал понять, что отныне полагает райдорца "братом". Соня втихомолку посмеивалась, однако ёрничать не решалась.

— Кошмар-р! — прорычал Данкварт, когда Рей окатил его колодезной водичкой. — Проще умереть на месте, чем испытывать такие терзания! А ну, еще разок!

— Ты вроде вошел во вкус, — улыбнулся легионер. — Нравится? Вот и отлично. Все, вытирайся, надевай рубаху и давай решать, что будем сегодня делать.

— Как — что? — не понял Данкварт. — Со старостой мы вчера поговорили, когда дружинные проснутся — разошлем их по деревням с оповещением. А сами прокатимся в Рудну.

— Так и знал, — сокрушенно вздохнул Рей. — Отчего тебя так сильно притягивает пустой замок? Господин Яскот вчера вечером сказал, будто его обитателей не видел никто и никогда.

— И все равно я хотел бы лично посмотреть на главную легенду Кернодо, — отрезал Данкварт и пошел в дом одеваться.

Вечерняя беседа со старостой Яскотом и его приближенными принесла свои плоды. В отдаленной Рудне отлично знали про обрушившееся на Райдор нашествие дикарей и обитатели позабытой кернодской области меньше всего хотели увидеть чужаков на своих землях. Значит, госпожа Соня желает собрать ополчение? Что ж, поможем. Кликнем всех бессемейных мужиков,

парней, кто постарше, и вообще всех желающих. Глядишь, за оружие возьмутся девять или десять сотен. Деревни здесь большие, зажиточные, хутора еще... Кернодцы тяжелы на подъем, но если уж приказала госпожа из Кайна-Горы — делать нечего. Вдобавок никто не хочет, чтобы дедовский дом сожгли какие-то пришлецы из дальних степей.

Данкварт поблагодарил господина Яскота за столь быстрое и однозначное решение, и как бы невзначай поинтересовался: нельзя ли заполучить в союзники обитателей Рудны? Яскот только глаза вытаращил, сказав:

— Ну вы, славный господин керлат, и удумали... Конечно, здесь каждый знает, что в крепости кто-то живет, но лучше бы смертному человеку не соваться к тварям бессмертным. Не нашего они рода. Чужие, пусть и привычные.

— Если я правильно понимаю, — осторожно сказал Данкварт, тщательно подбирая слова, — хозяева Рудны заключили с вами своеобразное соглашение — вы их кормите, а они изредка помогают вам в случае беды. Но сейчас беда, причем немаленькая, подошла к самым воротам вашего дома. Если вы, господин Яскот, остерегаетесь обратиться в Рудну, я это сделаю сам, как керлат Руденской области.

— Дело господское, — насупившись, согласился Яскот. — Говорите с ними от имени вельможной госпожи, глядишь, что и получится...

— С ними? — быстро переспросил Данкварт. — С кем? Если вы знаете, кто они, то скажите.

— Нелюди, — коротко ответил староста. — Упыри. Большего не знает никто, да вот только иногда охотники в лесах встречают звериные туши. Словно бы начисто высушенные. Ясно, что кровь выпита. Один костяк со шкурой остался. Лоси, олени...

— Но вас они не трогают?

— Уже несчетно лет тому. Старики поговаривали, будто в давние времена хозяева Рудны и на людей охотились, но потом прекратили. Вот моего пра-пра-прадеда со стороны матушки упырь и загрыз. В нашей глуши помнят все, что происходило в Велинке с самого ее основания. Легенды из уст в уста передаются, от отца к сыну. И легенды те, скажу я вам, господин керлат, превесьма мрачные.

— Обожаю мрачные легенды, — неслышно проворчал Данкварт, твердо решив, что утром он обязательно поедет в Рудну. По крайней мере, с восходом солнца любая нечисть теряет силу.

* * *

Замок показался внезапно — лошади выехали с устилавшей трясину гати на сопку, миновали вершину, повернули по заросшей чертополохом дороге направо, а далее глазам всадников предстало обычная для Кернодо скала с рукотворным венцом на макушке.

— Потрясающе! — ахнул райдорец, впервые увидевший Рудну вблизи. — Рей, глянь только!

Архитектура в точности напоминает строения, возведенные в первые века кхарийской эпохи! Лет через двести-триста после падения Роты-Всадника. Тогда люди еще помнили науку альбов и пытались копировать их искусство строительства.

— По-моему, это просто груда камней, — прозаически ответил зингарец, совершенно не разбиравшийся в архитектурных изысках обитателей глубин Закатного Материка. — Старая, грязная и замшелая.

— Ты ничего не понимаешь! — взгляд Данкварта восторженно блуждал по выветрившимся и полуразрушенным стенам, образовывавшим тройное кольцо, напоминавшее тиару властителей Атлантиды. Первый круг укреплений был выстроен на половине высоты скального выхода, второй, тоже кольцеобразный или скорее овальный, повыше, и третий, венчавшийся отнюдь не тяжеловесной, а легкой и стройной, как острие копья башней, уселся на самую макушку. Видимо, когда-то стены были облицованы мрамором, но со временем кладка осыпалась, обнажив скрепленные желтоватым раствором гигантские валуны. — В точности говорю, альбы возводили именно такие сооружения. Честное слово, будто на старинный рисунок смотришь: сторожевая крепость альбов.

— Альбы тут жили, — встрял в разговор Войто, которого взяли проводником. — Про ихний жальник я уже говорил. Еще, месьоры, есть заброшенный храм на Седой скале, это четыре ли-

ги к полуночи. Удивительное дело, скажу я вам, ясный керлат — если постоять и посмотреть, во храме изредка огни зажигаются, будто бы сами собой. У нас в деревне кто посмелее, туда ходил. Чистого любопытства ради. Парни рассказывали, будто в земле вертикальные шахты проложены, в точности как на серебряных копиях. Шахт всего четыре, по углам храма. В нужный момент оттуда с шипением газ выходит, внезапно загорается и образует громаднейшие факелы. Настоящее альбово чудо.

— Сам видел? — поинтересовался Данкварт.

— Не, сударь. Мальчишки, кто постарше, рассказывали. За что купил — за то и продаю.

«Что же у нас получается? — подумал Данкварт. — Без всякого сомнения, Кернодо располагается в землях, где раньше было одно из крупнейших королевств альбов. В наидавнейшие времена! Доказательств множество. Некрополь, о котором упоминал Войто, храм этот странный... Постойте, если верить сохранившимся летописям, где-то неподалеку произошла знаменитая битва при Аэльтунне, когда люди разгромили войско бессмертного народа. Кажется, Аэльтунн стоял полуденнее, рядом с нынешней бритунийской столицей. Вопрос: а вдруг... Вдруг в Рудне сохранились последние живые альбы, не пожелавшие покинуть этот мир? Бред, и ничто иное! Альбы, прикидывающиеся вампирами? Смешно! Кроме того, всем и каждому известно, что после падения Небесной горы несколько тысячелетий назад и появления в Хайбории ее Хозяина из

Ямурлака, открылись Врата в другие миры — достаточно вспомнить Руазельский лес в Аквилонии, который стоит на границе Сопряжения Сфер! И тамошний портал, открывавшийся на время, когда правил король Конан Киммерийский! Восхитительная загадка!»

Вероятно, в древние годы Рудна могла произвести впечатление даже на самого сдержанного человека. Недаром кернодцы опасались близко подходить к заброшенной крепости.

Замок нависал над любым незванным гостем, будто каменный великан, занесший кулак, готовый обрушиться на тебя с безмерной высоты. Кайна-Гора по сравнению с обтрепанной временем Рудной и сейчас могла показаться хлебом, возведенным под окнами дворца туранских императоров.

— Здесь старосты обычно оставляют телеги, нагруженные податью, — полушепотом сказал Войто, потрясенный величием древнего укрепления. — Не доходя до первых ворот. И отсюда же забирают пустые повозки. Вы, господа, всерьез хотите подняться?

— Боишься — оставайся внизу, — спокойно произнес Данкварт. — Я и Рей скоро вернемся.

— Лучше с вами, — выдавил Войто. — Втроем оно повеселее. Вот останусь один да из болота вдруг упырь вылезет?

— Упыри не охотятся днем, — с твердой интонацией много повидавшего охотника на упырей ответил Данкварт, хотя ни разу в жизни не видел настоящего кровососа (если, конечно, не

считать комаров, клещей или летучих мышей-вампиров, обитавших в Иранистане).

Три всадника миновали запретную черту — арку ворот, ведущих за первый круг стен. Светлейший керлат не переставал удивляться — над сводом можно было различить стертую бесчисленными дождями, ветром и морозами восьмиконечную звезду альбов. Значит, догадки верны. Это не человеческое подражание альбийской архитектуре, а самое настоящее сторожевое укрепление исчезнувшего народа. Надо же, простояло почти полторы тысячи лет! Самые серьезные разрушения видны со стороны восхода и Самоцветных гор, чьи пики вырастали неподалеку. Все правильно, именно в той стороне рухнула на землю Небесная гора. Мощь взрыва снесла несколько башен и периметр стен длиной до двухсот шагов. Интересно, остался кто-нибудь в живых после катастрофы?

— Эге-гей! Слышит меня кто? — внезапно крикнул Данкварт, заставив Войто вздрогнуть, а зингарца удивленно поднять правую бровь. — Мое имя Данкварт, эрл Бергиса и керлат Рудненской области! Пришел поговорить от имени тана всего Кернодо!

— Сударь, не орали бы вы так, — прошептал Войто, настороженно прислушиваясь к разносящемуся меж камней эху. — А то всамделе проснутя, из укывищ повылезут да закусают до смерти...

— Тихо, — отмахнулся светлейший керлат. — Никто ничего не слышит?

Скептически настроенный зингарец, привыкший замечать любой шорох в лесу, наклонил голову, прислушался и пожал плечами. Гробовая тишина.

Данкварт попробовал использовать свои магические способности и заклинанием «третьего глаза» осмотреть крепость снизу доверху.

Очень любопытно! Заклинание, безусловно, действовало.

Мысленный взгляд Данкварта, направляемый «третьим глазом», скользнул по башням, заваленным осыпавшимся камнем переходам, сохранившимся залам и комнатам с рухнувшей крышей, однако ничего особенного обнаружить не удалось.

В то же время «третий глаз» не мог проникнуть в глубины подвалов замка — ниже уровня земли клубился едкий коричневатый туман, разглядеть что-либо в котором было абсолютно невозможно. Вероятно, Данкварту противодействовало куда более сильное заклятье, либо сохранившееся издревле, либо наложенное совсем недавно.

— Погуляем? — гостеприимно предложил керлат и соскочил в седла. Лошади не беспокоились, а это был хороший знак — домашние животные всегда чувствуют присутствие нечисти и стараются подать знак хозяевам, что неподалеку затаился враг. — Войто, отправляйся с господином Реем, а я пройду в одиночестве.

Войто покраснел и едва слышно выдавил:

— Боязно, сударь.

— Ничего, Рей тебя защитит от любой опасности. Лошадей оставляем здесь. Вы топаете направо, я налево. Встречаемся у ворот.

Рей, как всегда молча, набросил поводья своего норовистого коня на каменный выступ в форме не то клыка, не то рога, окликнул настоженного Войто, и они отправились вдоль стены исследовать полуночную сторону Рудны.

Данкварт, влекомый любопытством, полез наверх, к главной башне.

...Никто не потерялся, не упал в замаскированный колодец, не попался в ловушку и не был укушен упырем. Замок пустовал. Данкварт и Войто с Реем могли запросто переключаться, ибо звук голоса разносился здесь очень далеко. Господин керлат тщательно обследовал основные переходы крепости, отмечая следы культуры бессмертного народа — где черепок с узором, где растрескавшееся изображение дерева под звездами. Его спутники просто бродили по замку, любуясь открывавшимся с высоты видом кернодских лесов или копаясь в каменном хламе — вдруг что интересное отыщется?

Уезжать собрались только ко времени, когда должен был звучать шестой послеполуночный колокол. Как раз, чтобы успеть в Велинку к закату.

— Откопали что-нибудь забавное? — вяло поинтересовался Данкварт, встретив Войто и Рея в нижнем дворе Рудны. — Я, например, видел только паутину, спящих летучих мышей и осколки посуды, вымытые дождями из глины.

— А у меня вот что есть, — похвастался Войто, предъявляя на раскрытой ладони ничуть не заржавленный, ярко блестящий под вечерним солнцем наконечник лучной стрелы. Данкварт взял, осмотрел, подивился отделке и чистоте металла, после чего вернул добычу проводнику.

Бесспорно, альбы знали тайну изготовления сплавов, не разрушающихся с течением времени и этот наконечник, вероятно, пережил не одно тысячелетие... Клейма нет, имя мастера не представлено, да и какой мастер будет ставить на заточенном лепестке стали свое имя? Пускай Войто носит на счастье жалкий осколок погибшей цивилизации древнего народа.

— Я тут заметил, — как бы невзначай сказал Рей, — одну интересность. Данкварт, мы вроде бы слышали, будто простецы из деревень привозят в Рудну продовольствие? Идем, покажу.

Если свернуть за угол, а потом спуститься по каменной лесенке, ведущей в тупик, обнаружилось нечто вроде замкнутой с трех сторон площадки. Здесь почему-то удивительно чисто. Камень ступенек на лестнице не крошится, никакого мусора или обвалившегося гравия. словно подметали. Но дело в другом. Отчего это вдруг на площадке валяется засохший кусок ржаного хлеба?

— Если рассуждать здраво, — кашлянул Данкварт, осматривая находку, — то этот хлеб мог жевать какой-нибудь беглый рудничный рабочий, уносивший ноги от погони и не побоявшийся скрыться в заброшенной крепости.

— Животные? — подал идею Рей. — Какая-нибудь тварь вроде лисицы утащила хлеб у людей и принесла сюда?

— Ты когда-нибудь видел лисицу, питающуюся хлебом?

Маленькая тайна осталась нераскрытой. Начинало смеркаться и Войто, не забывавший легенды, напрямую потребовал убираться из Рудны как можно быстрее. Данкварт согласился, видя, что ничего нового обнаружить в крепости не удастся. Рудна либо необитаема, либо хозяева слишком уж хорошо спрятались. Например, в подземельях, которые нельзя увидеть даже с помощью магического зрения.

Лошади осторожно спустились с крутизны, вышли к болоту, окружавшему скалу, и ступили на гать. Подгнившая древесина слегка потрескивала под копытами, хлюпали лопавшиеся на поверхности застойной воды пузыри, слабенько верещали лягушки, наслаждавшиеся последними теплыми днями осени. Войто облегченно вздохнул, когда мощеная срубленными стволами деревьев гать закончилась и дорога вышла в еловый сухой лес.

* * *

— Войто, ты уверен, что мы не сбились с дороги?

— Обижаете, господин. Я в тутошних лесах каждую тропинку наизусть знаю. Видите кривую сосну? У нее еще ветка на голову оленя похожа?

До Велинки поллиги осталось, не больше. Вы не беспокойтесь, благородный керлат, я с закрытыми глазами среди безлунной ночи вас к дому выведу.

— Талант, — вздохнул Данкварт. Обратный путь показался ему куда более длинным, и тому было объяснение — если в Рудну он ехал, искренне надеясь на новые чудеса, на раскрытие одной из тайн, неизвестных никому, кроме ее обладателей, то сейчас надежды испарились и Данкварт обуялся истинно дворянским грехом — скукой. Можно, конечно, послушать непринужденную трепотню Войто, сына, внука и правнука охотников, о медвежьих повадках, глухариных токах по весне или заячьих норах, но...

Райдорское лесное зверье было только привычным зверьем, а отнюдь не таинственными каттаканами, которые по всем законам обязаны обитать в Рудне. Чего необычного в волке или куропатке?

Рей молчал, предпочитая обозревать непривычную для зингарца природу полуночных лесов, оживляясь только в случае, если дорогу важно переходил невиданный на Полуденном побережье полосатый зверь барсук или мелькала в кустах черники рыжая лисья шкура.

Зингарец по-детски восхищался окружавшим его невиданным и суровым миром, который по сравнению со светлыми кипарисовыми рощами Зингары, где порхали яркие птицы и бродили золотистые дикие кошки, казался удивительно хмурым и негостеприимным.

Войто, наоборот, хватался за лук, едва увидев перепела и ближе к деревне с пояса танова стража свисало полдесятка забитых птиц. Охота — дело святое.

Солнце, бросив прощальные лучи на верхушки елей, кануло за рубежи обитаемого мира, уступив место коротким осенним сумеркам. Лес постепенно затихал, умолкали птицы и только в отдалении слышался не то радостный, не то торжествующий волчий вой. Данкварт поймал себя на мысли о том, что в округе становится жутенко — темные еловые лапы будто скрывали за собой силуэты вышедших на ночную охоту нечистых духов, мелькали в полутьме зеленые глаза неизвестных животных, а любой хруст, раздавшийся в предночь, заставлял человека слегка вздрагивать.

— Вы, месьюры, не бойтесь, — весело говорил Войто. — Вон глазки красненькие справа видели? Олень в ельнике затаился, никто иной. У нас в Кернодо леса чистые. Вот если забирать к полуночи, еще дальше, в необитаемые нарлакские земли, кого хочешь и не хочешь встретить можно. И волкодлаки тебе, и мантикоры, и прочие зубастые чуды. Так люди говорят, сам не видел. А еще...

— Люди, значит, говорят? — неожиданно подал голос Рей, отвлекая развлекавшего Данкварта Войто. — А люди тебе никогда не говорили, что у человека глаза могут золотом светиться?

— Не-е... — уверенно помотал головой Войто. — Если луч света попадет, человеческий зрак в но-

чи красным отливают, как, например, у лани или барсука. Только такое редко увидеть можно. А что?

— Ты посмотри вперед, — преспокойно сказал зингарец. — Чудо увидишь.

Данкварт и Войто одновременно натянули поводья лошадей, керлат машинально положил ладонь на рукоять меча, а юный страж Кайна-Горы только ахнул.

Посреди узкой дороги стоял человек, едва различимый в серо-лиловых сумерках. Вроде бы одет в длиннющий темный плащ с капюшоном, натянутым на лицо. Две желто-золотистые точки глаз пылают, ровно тусклые свечи.

В первое мгновение Данкварт едва сумел подавить появившееся ниоткуда желание заорать, хлестнуть лошадь и бежать отсюда как можно быстрее. Он испугался. Очень испугался. Так, лошадь... Почему скаун ведет себя, как обычно, лишь едва прядает ушами, словно его чем-то озадачили? Если неразумное животное, чующее нечисть за лигу, остается спокойным, значит...

— Нам бояться нечего, — Рей вслух продолжил мысль Данкварта. — Я не понимаю, кто это, но, по-моему, он один и нападать не собирается.

Войто, побледневший от страха настолько, что в полутьме его кожа приобрела синеватый оттенок, попытался заскулить, однако Данкварт протянул длинную руку, встряхнул парнишку за шиворот, а потом сунул ему под нос крепко сжатый кулак.

— Молчи, — шикнул благородный керлат. — Издашь хоть звук — прикажу вельможному Сташуву тебя высечь.

Войто, видевший перед собой ничто иное, как чудище из Рудны, до хруста в пальцах сжал поводья, но смирился. Разгневанный Сташув хуже любого упыря.

Данкварт, понимая, что ситуацию нужно немедленно брать в свои руки, дал шпор лошади и выехал вперед. Нет никаких чудовищ, существование которых нельзя было бы объяснить известными образованными человеку науками.

— С кем имею честь? — выкрикнул райдорец, остановившись в десяти шагах от желтоглазой тени. — Вы хотите с нами поговорить или все-таки позволите проехать? Я хотел бы оказаться как можно скорее в Велинке, нас ждут.

Существо в темном плаще вскинуло голову и подняло правую руку в приветствии. Данкварт ошарашено заметил, что стоявший на изрядном расстоянии от него незнакомец внезапно оказался возле самого стремени. Переместился за какое-то мгновение!

— Желаю здравствовать до поры, пока круг твоей жизни не прервется...

Очень вежливый молодой голос. Совсем вблизи золотистый свет зрачков погас.

— Кто вы? — выдавил Данкварт.

— Я? Мое настоящее имя вам ничего не скажет, достопочтенный господин Данкварт из Бергиса...

— Откуда вы знаете, как меня зовут, сударь?

— Вы же представлялись, — слегка разочарованно протянул незнакомец. — Помните, когда вы зашли в крепость, вы произнесли свое имя? Я назовусь так, как меня именуют обитающие в окрестностях люди. Рэльгонн. Страшный кровавый упырь из старой крепости. По человеческим воззрениям я могу носить титул эрла. Если угодно — именно я являюсь хозяином земель, которые вы обобщили именем Рудна.

— Вы... — сердце Данкварта заколотилось в два раза быстрее. — Вы вампир? Тот самый, из легенд о заброшенном замке?

— Нет, не вампир. Может быть, вы позволите вашим друзьям продолжить путь домой? Вы меня крайне заинтересовали, сударь. Я впервые за многие десятилетия вижу человека, наделенного даром волшебства. Мы можем отправиться вместе в Рудну, где и переговорим.

— За многие десятилетия? — Данкварт едва не схватился за голову. — Значит, вы альб?

— Не альб, не вампир и не упырь, — терпеливо сказала существо в плаще. — Давайте я отвечу на ваши вопросы в более спокойной обстановке. На все. Посмотрите на мальчика, он в ужасе. Чем быстрее я уйду, тем лучше будет для него.

— Хорошо, — заикнулся Данкварт и обернулся: — Войто, Рей! А ну быстро езжайте в деревню! Это приказ! Я должен... поговорить.

— Приказ так приказ, — буркнул зингарец и, подхватив из застывших ладоней Войто поводья его коня, ударил подошвами зингарских санда-

лий по бокам своего жеребца. — Малыш, поехали. Если господин приказывает — нам нужно выполнять.

Когда два всадника исчезли в стремительно сгущающейся темноте, Данкварт снова услышал голос неизвестного:

— Предпочитаете отпустить лошадь и оказаться в Рудне немедленно или отправитесь своим ходом?

— Ну... — Данкварт запнулся, не понимая, как следует воспринимать столь неожиданный вопрос. — Пусть будет так, как вам удобнее, почтенный Рэльгонн.

— Вы смелый человек, — донеслось из-под капюшона. — Вылезайте из седла. И во имя Вечности, не бойтесь. Никто не собирается высасывать из вас кровь или приносить в жертву на алтаре забытых богов.

Данкварт спустился на землю и бросил поводья. Лошадь задумчиво потопталась, затем отошла к деревьям, по-прежнему не проявляя никакого беспокойства.

— Дайте руки, — попросил Рэльгонн, протянув свои ладони. Более чем человеческие, только ногти длинноваты. — Готовы? Тогда отправляемся!

У Данкварта на мгновение закружилась голова, лес превратился в смазанную черно-зеленую полосу, затем растворился в буроватом тумане...

Зал. Большой зал, освещенный факелами. Данкварт стоял на твердом каменном полу, ды-

шал полной грудью, а от головокружения не осталось и следа.

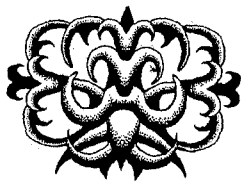
— Добро пожаловать в Рудну, — рядом стоял Рэльгонн. — Перед рассветом я отправлю вас обратно. Если пожелаете, прямиком в деревню. Теперь позвольте представить вам моих близких...

Глава 3

Оборотная сторона легенды

ак значит, они настоящие вампиры? — Сколько можно повторять: хозяева Рудны не имеют ни малейшего отношения к вампирам из сказок! Упырь, вурдалак, рабирийский гуль — все эти определения неприменимы к Рэльгонну и его... семье.

— Тогда кто они? Каттаканы?

— Да, каттаканы.

— Но ведь любой каттакан — вампир?

— Рей, ты в самом деле такой непонятливый или умело прикидываешься? Каттаканы — это их самоназвание, ставшее однажды известным людям. Любое незнакомое слово, истинный смысл которого мы понять не можем, как правило, становится для человека чем-то угрожающим, принимает отрицательный оттенок.

— Но кровь-то они пьют?

— Иногда. И только звериную.

— Если пьют, значит, вампиры.

— Тьфу на тебя! Как видно, ты не слишком старательно обучался логике у себя в Зингаре.

— Логика как раз ничуть не страдает. Если хозяева замка действительно пьют кровь — как их не называй, они только лишь упыри.

Данкварт обиженно замолчал и сосредоточил внимание на кружке с пивом. Сейчас рассветало, мутные лучики солнца заползли в дом сквозь окна, затянутые бычьим пузырем. Рей встретил вернувшегося из Рудны Данкварта на пороге — зингарец предпочел не спать всю ночь, но компаньона обязательно дожидаться.

— Поверь, — мягко сказал Данкварт, — господин Рэльгонн — очень приличный человек. Конечно, не совсем человек, но все-таки...

— До какой степени не совсем? — поинтересовался Рей. — К светящимся в темноте глазам следует добавить клыки с палец длиной, синюю кожу и сложенные под плащом крылья летучей мыши? В подвалах крепости наверняка томятся узники, заготовленные к следующему пиршеству, подземные коридоры завалены белыми косточками невинных жертв, а на столе расставлены золотые чаши с дымящейся кровью? Надеюсь, тебя угостили?

— Тупой бык! — обругал Рея Данкварт. — Ты внимательно меня слушал? Который раз можно повторять — Рэльгонн и его семья не люди, но это обстоятельство не делает их чудовищами! Рудненские легенды, конечно, основаны не на пустом месте, но в большинстве рассказы безгра-

мотных поселян есть вымысел, продиктованный страхом перед чужаками. Каттаканы не принадлежат нашему миру. Они порождение иной Сферы! Мира, о котором мы не знаем ничего. Возможно, на их родине обыкновенный человек тоже считался бы невероятным монстром...

— Ладно, ладно, я же шучу. И все равно я не могу доверять существам, которые, как ты выразился, не порождены обитаемой человеком Сферой Вселенной. Давай потихоньку собираться. Всю миссию мы выполнили, надо возвращаться в Кайна-Гору. Соня ждет.

— Конечно, — согласился Данкварт. — Где Войто и остальные?

— Дружинные поехали по деревням еще вчера, оповещать народ. Войто ушел домой, к родителям. Я ему предлагал остаться на ночь со мной...

Данкварт откровенно фыркнул.

— Здесь тебе не Артос, — наставительно сообщил он. — Тебя не поймут. Традиции, понимаешь, другие.

— То-то и оно, — грустно согласился Рей. — Боюсь, мне однажды придется заняться просветительной деятельностью в землях варваров. Хочу напомнить, что традиции Артосийского легиона сохраняются много столетий, и никто никогда не был против...

— Оставим, — поморщился Данкварт. — Пойди, отыщи Войто и остальных из дружины, кто остался в Велинке. Надо уезжать. У меня для Сони есть потрясающие новости.

Данкварт ничуть не преувеличил. Действительно, сегодня он мог подивить единовластную повелительницу Кернодо весьма неожиданными сведениями, добытыми за время короткой поездки в далекую полуночную область танства. У Сони внезапно появились удивительные союзники, которые, впрочем, решили помочь не столько из чувства патриотизма, сколько желая немного развлечься. Конечно, кого хочешь заставит скучать многотысячелетнее бессонное бдение на одном месте.

Известно, что когда произошло событие, именуемое падением Небесной горы, а иногда и Сопряжением Сфер, нарушились некоторые законы мироздания, ранее полагавшиеся незыблемыми. На Закатном материке, в Аквилонии и восходнее моря Вилайет внезапно открылись Врата. Проходы в чужие Сферы.

Данкварт, отчасти знакомый с космогонией и космологией, заумными науками, созданными и развившимися в Великолепной Аквилонии, представлял, что мир, в котором обитал он сам и его друзья, земли, славные райдорскими лесами, офирской пшеницей, табунами Гиркании, фруктами Полуденного Побережья и прочими дарами Большого Творения, во Вселенной не один. Аквилонские космологи учили: появляющиеся ночью звезды есть не что иное, как отражения иных планов бытия, Сфер, точно также населенных людьми или не-людьми. Как раз туда, в сторону дальних миров, возможно, и ведут Ворота.

Люди, из тех, кто посмелее, частенько отваживались ходить через проходы в пространстве, попадая в весьма неожиданные приключения. Большинство рассказов таких путешественников, скорее всего, было откровенным враньем. Разве можно представить, что на небе светят два солнца, по округе бродят ящерицы размером с быка, а жители одной из отдаленных Сфер якобы катаются на железных, выпускающих дым повозках, не влекомых лошадьми?

Всего к 1288 году, когда трон Аквилонии захватил знаменитый Конан Канах, было описано полтора десятка Врат, разбросанных по всем материкам. Достоверно известно, что Врата Руазельского леса вели в Сферу, до крайности похожую на обжитой мир и населенную подданными Сета — змееногими; Врата Степные, находившиеся неподалеку от Вилайета, могли переправить человека в мир с упомянутыми двумя солнцами и слоноподобными ящерицами; проход, расположенный на склонах Рабирийских гор, позволял любопытному узреть удивительную Сферу, где росли титанические деревья, превосходящие высотой иные горы, а обитатели, по виду обычные люди, поклонялись природе и великим растениям, главенствовавшим над их миром...

Однако чаще случалось так, что путешественники просто исчезали. Уходили к Вратам и никогда не возвращались из застывшего проходы меж Сферами холодного тумана. Никто и никогда не выяснил, куда ведут Врата в Дарфаре, на полуночи Гипербореи или на островах Ваниров.

Имелось ли что-нибудь за створками Дверей Мира или там клубилась вековая пустота? Люди благоразумные испытывать это на своей шкуре никак не желали, а потому ученые мужи лишь фиксировали появление новых или закрытие старых Врат, и со временем перестали ими интересоваться вовсе.

Впрочем, случались и крупные неприятности, связанные с Вратами. Около трехсот лет назад в горной Киммерии из Дверей Мира поползла откровенная нечисть — невероятные и очень зубастые звери, миглом получившие наименование «демонов», человекоподобные существа, обладавшие немислимыми способностями к колдовству...

Данкварт был одним из редких людей, которые знали, что обычно Врата охраняются. Охраняются воплощенными духами природы, помощниками богов, сохраняющими мир от нежелательных вторжений. Один из таких, воплощенных в человеческое тело духов, знакомый Данкварту, как-то рассказывал ему о долгой охоте на какое-то чудовище, выползшее из прохода, расположенного на реке Рагнара, в Ванахейме. Но Данкварт никак не мог предположить, что Сопряжение Сфер внезапно заставило некоторых обитателей иных миров прочно застрять среди чужаков.

...Так и произошло с каттаканами. Данкварт, всегда тянувшийся к новым знаниям, прошлым вечером и ночью изводил Рэльгонна вопросами: откуда вы, как и почему очутились в Сфере лю-

дей, в Хайбории, отчего про вас ходят такие невероятные слухи и так далее, почти до бесконечности. Ответы он получил более чем внятные и вполне доходчивые. Пусть каттаканы и полагали людей этого мира слегка туповатыми существами с зачаточным разумом.

Рэльгонн выглядел почти как человек. Две руки, две ноги, голова. Глаза действительно желтые и очень хорошо приспособленные для того, чтобы видеть в темноте. Райдорец слегка похолодел, когда, тщательно оглядев Рэльгонна, выяснил — зрачков у него нет, наличествует только пульсирующая огромная золотистая радужка, плавающая в красновато-белом глазном яблоке. Кожа у неожиданного знакомого оказалась снежно-белой, с каким-то нездоровым сероватым оттенком. Так обычно выглядят люди, пораженные кровавым кашлем. Пальцы несколько длиннее, нежели у обычного смертного, ложа ногтей темные, будто у гномов...

Лицо? Тут и не поймешь, человек рядом с тобой или некая злая пародия на любимых детей Солнечного Митры. Огромные золотые глазищи, брови отсутствуют, будто у прокаженного, тяжелые веки в складках. Ушные раковины сглаженные, очень плотно прилегают к черепу, оконечья слегка заострены. Нос с горбинкой удивительно узок, однако ноздри широкие и слегка подвывернутые — кажется, будто на тебя нацелены два темных отверстия. Губ почти не видно, рот щелью. И зубы. Ничего похожего на вампирьи клыки не обнаружилось — оказалось, что

у каттакана все зубы совершенно одинаковые, острые и конусообразные, будто у ящерицы.

— Вас не пугает мой внешний вид? — участливо поинтересовался Рэльгонн. — Вижу по глазам, что пугает. Люди обычно не принимают ничего нового и необычного, полагая, что чужак обязательно враждебен. Присаживайтесь, сударь.

Рэльгонн каким-то невероятным волшебством перенес Данкварта с лесной дороги в закрытое, душноватое помещение, которое, скорее всего, являлось подвалом Рудны. Здесь отлично сохранились мраморные резные панели на стенах — узор, как обычно у альбов, растительный. Посреди залы красивый отполированный деревянный стол, креслица без спинок. А у стола...

Данкварт насчитал восьмерых сородичей Рэльгонна. Одеты все одинаково — темные хламиды с плащами, надвинутые капюшоны, мужчин никак не отличить от женщин, если, конечно, женщины здесь присутствуют.

— Выпейте вина, — манерно предложил хозяин. — Не сомневаюсь, что вам, как человек образованному и много лет путешествовавшему по более цивилизованным государствам, кернодское пиво обрыдло.

— Откуда вы знаете? — Данкварт пораженно опустил на сиденье. — Про образование, путешествия? Вы читаете мысли?

— Нет, — не меня выражения на узком лице, ответил Рэльгонн. — Прочесть мысли невозможно, но мы обладаем способностью чувствовать... как бы это сказать? Чувствовать запах

мысли. Некоторые ваши воспоминания — да что некоторые, абсолютное их большинство! — пахнут дорогами, кострами, книжной пылью, войной, начавшейся так внезапно и трагично. Сожалею, но я не могу разъяснить вам, как у меня получается увидеть ваше прошлое. Итак... — Рэльгонн обошел стол, представляя остальных. Называя имена, он касался плеча каждого. — Имя семьи мы обычно ставим в последнюю очередь. Гонн — это означает на вашем языке нечто вроде «Шепчущий под луной». Это мой брат Сигонн, двое моих сыновей... Мой дядя Ритагонн... Это трое племянников-близнецов...

— А... — протянул Данкварт. — Могу ли я познакомиться с вашей уважаемой супругой?

Конечно, если у хозяина Рудны есть сыновья, значит, должна быть и жена. Однако Рэльгонн только рассмеялся.

— Мы не люди. Наш вид размножается своим по иному принципу. Женских особей каттаканы не знают.

— Извините, — буркнул Данкварт. — Я не хотел вас обидеть.

— Что вы, что вы. Все в порядке. Вы просто привыкли к одному-единственному принципу построения жизни, а ведь мы — совсем иные. Мы здесь гости. Задержавшиеся гости.

Судя по всему, на этом странном собрании право говорить принадлежало лишь главе семьи. Остальные желтоглазые и слова не вымолвили. Данкварт подумал и задал самый главный вопрос, висевший на языке:

— Откуда вы? Откуда вы пришли?

— Кхм... — едва слышно кашлянул Рэльгонн. Все сидели, только он неустанно бродил вокруг стола, отчего Данкварт устал поворачивать голову, следя за собеседником. — Вам известно понятие «планета»?

— Вы имеете в виду небесную сферу, обитаемую людьми? Тогда, пожалуй, известно. Я учился в лучших обителях мудрости Немедии и Аквилонии. До войны.

— Замечательно, — кивнул лысой головой каттакан. — Как вы думаете, почтенный Данкварт, каково расстояние от этого мира до ближайшей звезды?

— Ну... Тысяча тысяч лиг, не меньше.

— Больше, гораздо больше. В момент всеобъемлющей катастрофы, постигшей вашу планету несколько тысяч лет назад — помните падение гигантской Небесной Горы, затем уничтоженной королем Конаном Канах? — произошел невероятный катаклизм, разрушивший некоторые принципы построения пространства. Вот, обратите внимание... — Рэльгонн поднял руку и вытянул одновременно большой и указательный пальцы, заканчивающиеся острыми плоскими ногтями. — Скажите, каково кратчайшее расстояние между подушечками моих пальцев?

Знакомый с ученой наукой геометрией Данкварт ответил сразу:

— Прямая линия.

— Ничего подобного, — каттакан медленно соединил пальцы. — Расстояния не существует.

Его нет. Огромный выброс тепла и силы, которую вы почему-то называете «магической», хотя в действительности она производится лишь мыслью разумного существа, сложил окружающее пространство таким образом, что в некоторых точках образовалось нечто вроде червоточин, ведущих к самым отдаленным мирам. Знаете, что такое «портал»? Отлично. Ваши Врата Миров и есть такие порталы, проводящие сквозь так называемый Чертог Первичных Пространств Пустоты. Из одной Сферы в другую. Теперь, когда ваш мир постигает катастрофа, сдвигаются огромные пласты земли, мощь Врат, даже закрытых прежде, увеличивается. Мне известно, что в настоящий момент постоянно действуют восемнадцать порталов, четыре из которых завязаны на Сферу, именуемую мной Гебер, почти полностью копирующую вашу действительность, остальные ведут в самые разные места, когда чудесные, когда чудовищные. Но только не к нам домой.

— А как вы покинули свой дом, почтенный Рэльгонн, и почему оказались здесь?

— Несколько тысячелетий тому, порталы открылись, — терпеливо объяснял хозяин Рудны. — Во времена, которые вы называете эпохой Роты-Всадника — тогда и пала Небесная Гора. В те годы Врат существовало гораздо больше. Около полутора сотен. Один портал открылся в наш мир. Я, мой дядя и мой брат отправились сюда проверить, что же за чудо стряслось... Своего рода научная экспедиция. Мы хотели посмотреть

на чужой мир, столь внезапно ставший доступным. И опоздали. Портал закрылся, когда мы находились тут.

— Вы бессмертны?

— Нет. Скорее, мы... долгоживущие. Мы живем гораздо дольше ваших гномов, оборотней или гулей из Рабиров. По вашим меркам мне уже около четырех тысяч лет. Половина жизни пройдена. Поймите, мы здесь застряли. Скорее всего, навсегда.

— И значит, — догадался Данкварт, — вы заняли заброшенный альбийский замок, поселились здесь и с тех пор Рудна считается вашей вотчиной?

— Именно. Со временем у первых троих поселенцев появились потомки.

— Значит, вы не вампиры?

— Отчасти, — развел руками Рэльгонн. — Кровь животных, да чего скрывать, и человека тоже, нам необходима для продолжения рода. Единственная деталь — мы никогда... почти никогда не использовали кровь людей. У меня может появиться ребенок только, когда я подселю в теплокровный организм зародыша... Через укус. Потом носитель за счет своей жизни выносит ребенка, использующего жизненную силу хозяина. Вам это кажется ужасным? Возможно, так оно и есть — погубить ни в чем не повинное животное или человека, убить его только ради появления новой жизни, насквозь чужой для вашего мира?.. Поверьте, если бы у меня была возможность немедленно покинуть вашу Сферу, Хайборию, и

вернуться в привычную мне обстановку, я бы так и сделал. А сейчас я и мои родственники должны отсиживаться в подвалах заброшенной крепости, невероятно скучать и...

— Пойдите, — поднял руку Данкварт, перебивая. — Как же сказки? Упыря можно убить серебром, воткнуть кол в сердце, под солнечными лучами кровосос превращается в факел и погибает? Это про вас? А превращение в летучую мышшь?

Рэльтонн расхохотался. Звуки были похожи на клекот орла.

— Давайте по порядку. Посмотрите, я ношу на груди серебряное украшение.

И действительно, Рэльтонн вынул из-под хламиды висевший на цепочке медальон с изображением не то дракона, не то невероятно отощавшей чешуйчатой белки.

— Если вы ударите меня колом, ничего особого не произойдет. Меня очень тяжело убить привычными человеку средствами. Особенности организма, понимаете ли. Солнечные лучи? Дело в том, что мир, из которого я прибыл, не знает солнца в прямом смысле этого слова. Рядом с нашей планетой нет близлежащей звезды. Тепло, свет и прочие радости жизни мы получаем от постоянной активности вулканов и особых свойств нашей атмосферы, то есть воздушной оболочки, окружающей твердую сферу. На человеческий взгляд у нас мрачновато. Вечный полумрак. Посмотрите на цвет своей кожи. Коричневатая, загорелая, правда? Вы можете сопротивляться лу-

чам солнца, загорая. Каттаканов светило обжигает. Поэтому мы предпочли ночной образ жизни. Превращаться в летучую мышшь? Иногда можно и в мышшь... Мы способны менять форму тела при помощи мысленного усилия или, как вы говорите, волшебства. Однако эти изменения лишь временны.

— То есть, — подумав, сказал Данкварт, — вы можете кому-то подражать? Вроде того, как некоторые ящерицы изменяют цвет, сливаясь с окружающей обстановкой?

— Именно. Теперь вам более-менее ясно, кто мы такие?

— Да. Заблудившиеся существа, принужденные жить... Жить в тюрьме? В тюрьме, которой для вас обернулся наш мир? Хайбория?

— Точнее не выразишься, — кивнул Рэльтонн. — Мы научились есть вашу пищу, следим за событиями, происходящими вокруг, попытались сделать так, чтобы люди, окружающие Рудну, жили хоть отчасти счастливой жизнью. Мы помогаем вам чем можем, не раскрывая, кто мы такие. Для жителей округа мы лишь легенда, пусть и страшноватая.

— Тогда почему вы, почтенный Рэльтонн, открылись мне? Рассказали тайны, не предназначенные для чужих ушей? Почему я стал человеком, вызывавшим ваше доверие?

— Вы можете использовать мысль для того, чтобы изменять окружающий мир. Называйте, как хотите — волшебство, магия, ментальная энергия... Это очень любопытно только потому,

что много столетий мы ни с чем подобным не сталкивались — волшебников становится все меньше и меньше. И, конечно, мы вами заинтересовались. Во-вторых, мы видим, что Сфера, которая нас приютила и стала вторым домом, постепенно разрушается. Мир начал резко изменяться.

— Вы знаете об этом? — Данкварт аж пристал. — О столкновении материков, о нашествии варваров?

— Знаем. Но позвольте мне закончить. Третья причина, по которой я позвал вас в свой дом, крайне проста. Минувшим днем вы попросили о помощи. Не в наших правилах отказывать людям, которые нас кормят. Чего вы хотите? Я вместе со своей семьей сделаю все, что возможно.

— И ничего за это попросите? — подозрительно прищурился Данкварт.

— Ничего. Все, что нам нужно, у нас есть. Нет главного — дороги домой. Портал, находившийся когда-то в подвалах Рудны, закрыт. Ваш мир, Хайбория, с годами стал и нашим. Я не хочу, чтобы мой дом был уничтожен из-за вашей собственной человеческой глупости и природной катастрофы. Силы ваших богов мы преодолеть не сможем, но... Просите, господин Данкварт. Прошу поверить, каттаканы могут сделать многое. Если только это не сопряжено с преступлениями против нашей морали. Просите, раз уж пришли...

* * *

Прошло всего два с половиной дня, но Данкварт поначалу не узнал местность вокруг Кайна-Горы.

На полянах у кромки леса, по лугам, расчищенным от деревьев трудолюбивыми сельчанами, обжившими окрестности стольного замка, даже на голых камнях у скалы теперь, будто разноцветные грибы, выросли шатры и палатки. Данкварт насчитал около пятидесяти шатров, после чего сбился. Кругом незнакомые люди, некоторые даже в приличных дворянских одеждах, ржание лошадей, где-то забивают свинью, а сама свинья, противясь смертоубийству, истошно верещит.

Можно заметить выпелы благородных — вот пожалуйста, длинное знамя эрла Румского, что из Румы, стоящей прямоком на полуденной границе Райдора.

Далеко забежал светлейший эрл, ничего не скажешь. От Румы до Кайна-Горы лиг триста по прямой, а в нынешние времена по прямой только вороны летают. Штандарты герцога Пайрогийского, владения графов Роганов, синие вымпела немедийских графского дома Клейнов, чьи владения у Соленых Озер тоже подверглись атаке гирканцев, мрачный черный бунчук владельцев самых плодоносных рудников, расположенных в области Роттхайм. Почти все знакомые Данкварту дворянские семьи разгромленной Бритунии.

Соня, как видно, развила бурную деятельность, собрав у своей крепости всех укрывшихся в Кернодо благородных кнехтов.

Разумеется, Данкварта и его сопровождающих пропустили в замок беспрепятственно, хотя меры к охране были приняты самые строгие. Внимательный Рей заметил, что караулы усилены вдвое, на башнях бдят лучники из дружины каштеляна, а призванные из деревень кузнецы обивают деревянные ворота металлическими полосами.

— Мне это не нравится, — проворчал зингарец и, увидев недоуменный взгляд Данкварта, добавил: — Если появится враг, палаточный лагерь у стен снесут при первой же атаке. Если Соня решила укрепить Кайна-Гору, то ей следовало бы вначале устроить лагерь в стороне от крепости, в лесах. Не далеко, но и не близко. Когда начнется осада, ваши конники смогут атаковать гирканцев с тыла, а затем снова исчезать в чаще.

— Наша Рыжая Соня, между прочим, отнюдь не дура, как ты успел заметить, — возразил Данкварт. — Видимо, пока опасности прямого нападения не существует, по Пайрогийскому тракту расставлены дозоры, которые обязательно оповестят о приближении гирканцев. Наверное, владетельная госпожа вся Кернодо таким образом поднимает боевой дух. После того, как рухнуло государство и погиб герцог Райдор, людям нужна определенность и уверенность, что хоть где-то поддерживается привычный поря-

док и есть освященная законами и временем власть.

— Тут понимать надо, — вставил Войто, — разве можно жить без господина? Каштелян, он что? Только управитель. А хозяйка — она и есть хозяйка. Традиции...

— Степного кагана ведет вперед невероятное честолюбие, и мудрость всегда воевавшего степного народа, — рассудительно сказал Рей. — И уж каган Бурэнтийн возжелает подмять под себя этот диоцез бывшей Бритунии, то мы ничего не сможем поделать. Властелин степи проведет подчиненных ему гирканийцев через леса и болота, оставив без внимания охраняемый тракт, а потом... Кайна-Гору могут спасти только дремучие чащобы, в которых можно спрятаться.

— Пораженец! — беззлобно проворчал Данкварт.

— Реалист, — пожал плечами зингарец.

Потертый кортеж месьора керлата взобрался на крутой дороге к воротам, въехал в нижний двор и остановился, потому что пространство меж стенами и башней-донжоном оказалось до отказа забито людьми.

На крыльце танова дома надсаживался вельможный каштелян Шашув:

— Судари, достойные судари, потише! А то у меня уже уши болят! Вот вы, господин Хольм, отчего орете, будто причинное место в дверях защемили? Госпожа никого пока не примет! Недосуг! Если чего надо — у меня спрашивайте! И по очереди! Чего желаете, эрл Эттен?

Эрл, едва сравнявшийся возрастом с Войто, безусый, темноволосый и горячий, проорал:

— Фураж для лошадей! У меня девять всадников, все, что уцелели! Люди-то прокормятся, а скотину прикажете еловыми лапками кормить?

— Дам фураж! — согласился каштелян. — Немного.

И далее в том же духе. Месьор Сташув охрип, взмок и был готов своими руками удавить любого, кто потребует у него еще продовольствия, еще сена или, к примеру, новую телегу. Провиант следовало расходовать донельзя экономно — запасы в Кернодо небольшие, хорошо хоть год урожайный выдался. А впереди зима, в предгорьях весьма суровая. Как прокормить эдакую орду?

Новоприбывшие протолкались к конюшням, оставили лошадей, а всезнающий Войто предложил проводить Данкварта и Рея в покои тана по тайной лестнице, чтобы не встречаться с каштеляном и не распахивать локтями требовательную толпу, осаждающую главный вход.

— По тайной? — нахмурился Данкварт. — Если лестница тайная, ты откуда о ней знаешь?

— Так всякий знает, господин, — без тени смущения ответил Войто. — По ней из кухни трапезу наверх носят, так оно короче. Если угодно, скажу, что внизу лестница в подземный ход уводит, а дальше есть вход в лесную пещеру. На случай внезапного отступления.

— Понятно, — безнадежно ответил керлат. Удивляться тут было нечему — в Кернодо каж-

дый знал все возможные тайны, начиная от секретных ходов в тановом замке и заканчивая количеством щенков, принесенных любимой гончей каштеляна.

Рыжую Соню, новоиспеченную «герцогиню», обнаружили в «кабинете» Сташува, каковой она превратила в свою спальню и рабочую комнату одновременно. Это было сделано хотя бы потому, что бывшая резиденция каштеляна (Сташув переселился на первый этаж, в комнату возле кухни) могла похвастаться библиотекой в количестве целых тридцати двух томов и неплохим набором рисованных на пергаменте карт полуночных областей Райдорского герцогства и королевства Пограничного. Госпожа, разметав по плечам рыжие волосы, восседала в глубоком кресле, на которое пришлось положить несколько подушек для того, чтобы доставать до столешницы и хмуρο разбирала донесения.

— А, Данкварт? Привет, — рассеянно кивнула она, будто рассталась с друзьями не далее, как прошлым вечером. — Здравствуй, Рей. Как съездили?

— Благополучно, — ответил керлат. — Деревенские старосты обещали подкрепление. В Рудне только настоящего оружия нет, к чему селянам мечи?

— Надеюсь, ты не приказал всем кузням заняться ковкой клинков? — поинтересовалась Соня. — Лишний расход железа и трудов. Простецы запросто управятся с топорами да кольями, оружием испытанным.

— Нет, не приказал. Какие у вас новости?

— Плохие, как всегда. Рей, ты зачем торчишь на пороге? Устраивайся, где хочешь, наливай пива. Если вы голодные — хватайте пироги с зайчатиной. Совсем свежие. Последние новости таковы. Если собрать все разрозненные сведения, которые я сумела получить за минувшее время, то становится ясно — Райдорское и Пайрогийское герцогства разгромили передовые части армии Хасгата Степного Ветра. Основные силы на подходе, это движется вторая волна завоевания. Пока что идущие впереди конные тысячи застряли в схватках с на Закате Бритунии и Пограничья и порубежными дружинами немедийских графов. Данкварт, мне становится страшно. Если Райдор был уничтожен тремя или четырьмя конными отрядами, и это лишь небольшая часть армии степного кагана, то что ждет Бритунию?

— Государства Заката могучи и непобедимы, — сказал Данкварт, сам понимая, что его слова звучат жалко. Туран тоже был могуч, а разгромили его за две луны. — Может быть, степняки увязнут в сражениях с войском короля, вдобавок скоро наступит зима... Я не знаю.

— В Кернодо мы не отсидимся, — тихо сказала Соня. — Земли моего танства могут прокормить только его обитателей. На всех прочих пищи на зиму не хватит. Какой вывод?

— Отвоевать часть полуденных земель, где еще сохранились запасы продовольствия, — поразмыслив, сказал Данкварт, а Рей добавил:

— Может быть, следует не отвоевывать потерянное, а просто вывезти хлеб под прикрытием нашего небольшого войска? Мы все равно не сумеем справиться с кавалерией Хасгата Степного Ветра. Переживем зиму, а там наверняка подойдет помощь со стороны аквилонцев и этих... как называются варвары, обитающие дальше к полуночи? Которые в Пограничном королевстве живут? Хотя нет, надо рассчитывать только на себя. Если Хасгат доселе задерживается у Кезанкийских гор, а его ударные отряды прошли через Райдорское герцогство дальше к Полудню, мы можем улучшить момент и... Главные силы ликарей расположены полуночнее и полуденнее. В ваших городах наверняка остались маленькие отряды, запугивающие уцелевших местных жителей и обязанные собрать фураж для лошадей и продовольствие для второй волны завоевания...

— Ограбить бы их как-нибудь, а? — сказал Данкварт. — Действительно, момент очень подходящий. Заодно и проверим, можем ли мы хоть как-то сопротивляться.

— Есть у меня одна мысль, — после долгой паузы проговорила Рыжая Соня, — мысль особенная, с сумасшедшинкой. Рей, ты всю жизнь воевал, опыт большой...

— Мне двадцать два года, — напомнил зингарец. — Из них я в походах с пятнадцати лет. Какой опыт? Я был лишь обычным легионером в «Кастельоне», даже до десятника не дослужился.

— У нас опыта и того меньше, — отмахнулась Соня. — Я видела только штурм Аграпура и Хауранскую битву... Скажите-ка мне, други, что случится с подданными Кернодо, дружиной, начавшим собираться ополчением и всеми вами, если я, например, погибну?

— С ума сошла? — Данкварт от неожиданности вскочил, расплескав пиво из деревянной кружки. — Что за мысли такие?

— Успокойся, умирать я пока не собираюсь. Просто хочу себе представить, что бы тогда произошло.

— Ну... Люди, и без того напуганные столь внезапным крушением привычного миропорядка, перепугаются еще больше. Соня, ты понимаешь, что, вернувшись в Кайна-Гору, стала объединяющим символом? И вельможным эрлам, и крестьянам из вольных деревень плевать, что ты молодая девчонка, которая лишь умеет недурно обращаться с мечом и даже не происходит из правящей династии, а владеет танством по праву дарения земель! Ты символ, знамя. Видя тебя, райдорцы понимают, что государство не погибло. Есть законная правительница, у нее есть армия, пусть и до крайности маленькая. Все верят, что ты сумеешь постоять за Райдор и встанут у тебя за спиной. Если бы не верили — я не увидел бы табора под стенами Кайна-Горы. Твоя смерть может окончательно погубить Райдор. Сколько вопросов сразу встает! Если сменилась династия и нет уговоренного завещанием герцога наследника, кому теперь править? Кто снова

поднимет знамя борьбы против нашествия варваров? Да наши эрлы и бароны, желая отхватить себе кусок призрачной славы, начнут резать друг друга вместо того, чтобы воевать с гирканцами! Я могу обозначить последствия твоей смерти одним-единственным словом: «Смятение». Смятение с большой буквы!

— В самую суть попали, вельможный керлат, — довольно усмехнулась Соня. — Теперь подумай, что будет, если погибнет один из виднейших военачальников кагана гирканцев Бурэнгийна, а с ним — и десяток-другой десятитысячников? Сам Хасгат Степной Ветер через Райдор пока не проходил... Понимаешь?

— Ты спятила, — убежденно сказал Данкварт. — Покушение на Хасгата? В отместку за его смерть варвары превратят Райдор и все луночные провинции Бритунии вплоть до Пограничья в пустыню! В Пограничье всем оборотням хвосты повывергивают, чтоб не выпендривались!

— Или испугаются, — неожиданно поддержал Соню Рей. — Дикари привыкли быть непобедимыми. Насколько мне известно, никто из тысячников и туменчи войска кагана Бурэнгийна не погиб в бою. Возможно, их действительно охраняет неведомая сила поднявшая на дыбы Закатный Материк, но... Но это невозможно. Я имею в виду покушение. Наверняка Хасгата охраняют лучшие воины Степи, он едет в центре войска, сюда же добавим магию приближенных к нему колдунов. Решительно невозможно!

— Шепчущие в ночи... — Данкварт вдруг задумчиво почесал затылок и воззрился на Соню.
— Да, именно, Шепчущие в ночи!

— Кто? — не поняла кернодская госпожа. — Ты о чем?

— О хозяевах Рудны. Этот рассказ я приберегал на сладкое. Я познакомился с повелителями заброшенной крепости. Прошедшей ночью. Соня, только не делай такие глаза! Я не сумасшедший и не лгун. Рей свидетель.

— Ну-ка, ну-ка? — Соня всем телом подалась вперед. — Ты что, сумел раскрыть главную тайну Кернодо? Так запросто, за одну ночь? А ведь многие поколения до тебя терзались догадками о происхождении рудненских упырей! Неужели действительно не врешь?

— Ты слушай, а не тешь себя сомнениями! С меня взяли слово, что главных тайн я не раскрою, однако мне позволено передать тебе следующее. Рэльтонн, нынешний владелец Рудны, предлагает свою помощь тану Кернодо. Любую, какая в их силах.

— И что «в их силах»? — настороженно спросила Соня. — Они же... вампиры?

— Митра Великолепный и все боги мира! — воздел очи горе Данкварт. — Сначала один твердит, что кругом сплошные вампиры с упырями, теперь другая! Рея можно простить, он просто неученый костолом, знающий лишь науку меча и щита, да и вообще зингарец (Рей только нос поморщил, слушая). Но ведь тебе, очаровательная моя Соня, бурная жизнь дала приличное об-

разование! А веришь в сказки, будто деревенская девчонка!

— Тогда объясни, — потребовала Соня.

Данкварт плеснул себе пива из жбанчика, встал, прогулялся по пыльной комнате («Цену набивает», — подумал Рей), пожевал лепешку и поэтически начал рассказ:

— Представь только: вечерний лес, черно-зеленые ветви елей склоняются к исходящей туманом земле, дорога, ведущая из ниоткуда в никуда, и вот...

— Короче! — рявкнула Соня. — Есть в Рудне вампиры или нет?

Данкварт осекся и предпочел не гневить хозяйку Кернодо. Рассказал все коротко и ясно. Да, в Рудне живут существа нечеловеческого происхождения, которых молва обвиняет в самых жутких деяниях: они и упыри, грызущие кости похороненных на жальнике людей, и кровососы...

Любой, кого укусил вампир, сам становится нежитью... Вроде бы их пепелят солнечные лучи, а в полнолуние проклятые вурдалаки устраивают безобразные оргии, пляшут на гробах и досуха выпивают кровь похищенных невинных младенцев.

Так вот, все это — неправда! Что правда? Слушай...

— И ты им поверил? — Рыжая Соня невинно воздела глаза на Данкварта. — Это твой... Рэльтонн сам признался, будто раньше они пили кровь из человеческих жил.

— Им это было необходимо для выживания, — поморщился Данкварт. — Если не ошибаюсь, много тысяч летим лет назад, во времена гибели Роты-Всадника и падения Небесной Горы, люди без особых угрызений совести пожирали трупы себе подобных и не в последнюю очередь благодаря столь необычной пище наша раса выжила и вновь расцвела после Катастрофы.

— В уложениях Артоса Записано, — некстати добавил зингарец, — что, если более сильным и выносливым необходимо выжить и продолжить род во времена всеобщих бедствий, есть человеческое мясо дозволительно. Но сами понимаете, этот закон не использовался со времени падения Небесной горы и войны хайборийцев против Кхарийской Империи.

— Сколько всего нового узнаешь о своих друзьях, — вздохнула Соня. — Один якшается с вампирами, второй готов сожрать тебя на ужин... Рей, честное слово, из меня даже бульона хорошего не получится. Кожа да кости. Ладно, оставим глупые смешки. Данкварт, когда я смогу встретиться с... с эрлом Рудны?

— Хоть сегодня ночью, — самоуверенно заявил керлат. — Они владеют магией, и я владею магией. Я могу позвать Рэльгонна в любой момент при помощи мысленного усилия. Каттаканы способны мгновенно перемещаться с места на место, но только после заката. Ты опять что-то придумала?

— Кажется, это ты придумал, — парировала Соня. — Только не сумел высказать свою мысль

четко. Господа Рудны — наши союзники, пусть и нежданные? Отлично! Используем их в своих целях.

— Похоже, Хасгат Степной Ветер обречен, — скептически фыркнул Рей. — На беднягу натравят сонмище вампиров, зато нам достанется вся слава. Ибо, как я заметил, каттаканы нечестобивы. Но все планы может нарушить единственное осложнение — мы не знаем, где Хасгат, куда он хочет направиться и даже не представляем, как он выглядит. Будем бегать по всему становищу гирканцев и спрашивать, где палатка многоуважаемого туменчи Хасгата?

— Разберемся, — рубанула воздух ладонью Соня. — Идите отдыхайте. Данкварт, после заката я тебя жду. Вместе с новыми друзьями.

* * *

Кернодская госпожа нетерпеливо побарабанила пальцами по столу. Вот-вот на башне должны были звонить полночь, давно стемнело, а гости, которые, как утверждал Данкварт, должны появиться по его мысленному зову, запаздывали. Новоназначенный рудненский керлат находился здесь же, в кабинете и, улавливая недоуменно-скужающие взгляды Рыжей Сони, молча пожимал плечами, всем своим видом говоря: «Я сделал все, что мог».

Данкварт подозревал, что каттаканы из Рудны отнюдь не чужаются театральных эффектов и ради знакомства с таном Кернодо могут учинить

какой-нибудь спектакль, дабы и себя поразвлечь, и публику потешить. Например, свалятся на головы стражи в виде баснописных летучих мышей или прибегут в облике стаи волков, забавы ради перепугав обитателей Кайна-Горы.

Рэльгонн признавался Данкварту, что его не-обычное семейство, однажды пристрастившись к подобным милым шуточкам (отсюда и пошли жутчайшие легенды о руднёнских упырях), доселе не избыло желание хоть иногда невинно пошалить, пугая до холодного пота попавшихся на дороге людей.

— По восемь тысяч лет в каждом глазу, — безапелляционно заявила Соня, услышав от Данкварта рассказ о вампирьих шутках, — а до сих пор дурью маются. Как детишки малые!

Предполагалось, что, как только Данкварт при помощи своих колдовских знаний позовет Рэльгонна и его зубастую родню в Кайна-Гору, каттаканы, обладающие властью над пространством, заявятся немедленно. Едва солнце кануло в далеких водах Закатного океана, керлат сосредоточился, отправил в пустоту мысленный призыв, тотчас получив ответ. Нечто наподобие: «Спасибо за приглашение, непременно будем». Колокол на донжоне успел отбить три раза и вскоре должен был оповестить танов замок, его хозяев и гостей о наступлении середины ночи.

О предстоящем визите, разумеется, никого из посторонних не уведомили. Страже было ясно указано: с наступлением темноты в покои госпожи Сони не допускать никого, включая господи-

на Сташува. Если вдруг придут неожиданные известия о приближающихся врагах, сначала надо аккуратно постучать в дверь и спросить, можно ли керлати, а отнюдь не ломиться, открывая притвор по кернодскому обычаю куртуазии, пинком сапога.

Охрана замка подивилась новым порядкам, но приняла к сведению речи госпожи.

— Данкварт, я работала целый день, — не выдержала наконец Соня. — Эти бесконечные до-несения, под окнами орут, дверь все время хлопает! Месьор Сташув, по-моему, вообще отучился разговаривать обычным человеческим голосом. Его спросишь, когда обед подадут, а он как гаркнет: «Сей момент, сударыня!» — пыль с потолка осыпается. Может быть, в Кернодо это местная традиция — сидеть всю ночь и ждать вампиров? Сташув несколько лет назад, желая повеселить скучающую девицу из приближенных герцога Юстиния, таскал меня в некрополь, где похоронены все предыдущие таны Кернодо, утверждая, что ночью туда приходит вурдалак и его можно подстрелить серебряной арбалетной стрелой.

— И ты поверила? — хмыкнул Данкварт. Да, в самом деле... Пора отдыхать. Может быть, у Рэльгонна что-то случилось и он не может прийти.

— Если вся эта история — розыгрыш, — пригрозила Рыжая Соня, — я тебя разжалую из керлатов в денщики! Будешь мне сапоги чистить по три раза на дню! О, слышишь? Полночь звонят.

— Вельможная госпожа! — дверь, конечно, раскрыли пинком. Данкварт обернулся, машинально хватаясь за кинжал — не узнал голос. На пороге стоял Войто, вновь оснащенный жутким копьём стражника — глаза вытаращены, лицо бледное, рот открыт. Колокол наверху раскатисто гудел. — Госпожа, там... Там... Там такое!..

— Что? — привстала Соня. — Ночное нападение? Гирканцы? Пикты?

— Хуже! — выдавил Войто. — Упыри едут!

— Чего? — ахнул Данкварт. — Повтори! На чем едут?

— Не на телеге же! — потеряв всякое представление о субординации, брякнул юный страж. — Да вы бегите на стену, сами гляньте! Жуть такая, что и в белой горячке не привидится!

— Пошли, — решительно сказала Соня, хватая с кресла плащ. — Данкварт, твои приятели совсем ополоумели? Да завтра мы лишимся половины войска, люди просто испугаются! Гирканец пока является врагом призрачным, далеким, пусть некоторые и видели завоевателей своими глазами, до того, как сбежали в Кернодо. Зато вампиры — вот они, рядом. Запросто ездят в гости к хозяйке замка! Значит, Рыжая Соня — ведьма!

— Рэльгонн очень умен, — вяло ответил Данкварт, выходя вслед за Войто в коридор. — Если он счел нужным появиться с такой помпой, значит, в этом есть смысл.

Взобрались на стену рядом с надвратной башней. Данкварт мимолетно подумал о том, что

каттаканы избрали наилучшее время для визита — ровно в полночь. Как по легенде.

— Вон они, вон! Жуть-то какая! — твердил Войто. Дружинные стояли за спиной хозяйки и Данкварта молча. Как видно, боялись.

Конечно, испугаешься тут. Дорога на Рудну выходила из леса в полулиге от Кайна-Горы, изгибалась меж полей, а затем вливалась в прямой Пайрогийский тракт, заканчивавшийся у подножия оседланной замком скалы. Темно, только горят редкие костерки возле шатров.

Соня поначалу решила, что видит перед собой цепочку голубоватых светляков, плавно приближающихся к Кайна-Горе. И лишь вглядевшись, поняла — это факелы. Мертвенный, светло-синий огонь, образующий колеблющиеся, будто живые, тени. Количество всадников пока не сосчитать — ясно только, что больше пяти и меньше пятнадцати. Черные тени на гигантских лошадях. Стука копыт не слышно. А что это за красноватые взлески? Никак лошади еще и пламя из ноздрей изрыгают?

— Что такое? Что за беда стряслась? — Рыжая Соня, несказанно пораженная открывшимся зрелищем, не обратила никакого внимания на вопли примчавшегося месьора Сташува. Вельможный каштелян со встрепанными седыми волосами, видать, едва успел напялить штаны, когда его подняли с постели. Сейчас он лихорадочно заправлял рубашку под ремень, едва сходявшийся на его впечатляющем брюхе. Со стороны окружающего замок палаточного лагеря начали

доноситься первые панические крики. Видать, охрана заметила необычных визитеров.

Лошади страшеньких гостей перешли на галоп, пытаясь как можно быстрее миновать отделяющее от замка расстояние.

— Ворота закрыть, лучников на стену! — каштелян, как человек без воображения, тотчас начал распорядиться, но Соня внезапно подняла руку.

— Месьор Сташув, успокойтесь и самое главное — не орите. Кажется, к нам гости.

— Упыри! — загробным голосом сообщил Войто. — С Рудненского тракта, да кони огнедышащие, да мертвые огни, как факела!..

— Заткнись, — шикнул Данкварт, отвешивая Войто подзатыльник. — Тебя отец не учил помалкивать, когда старшие о серьезных делах говорят?

— Так упыри же...

— Сташув! — позвала Соня управителя. — Сташув, отошли кого-нибудь за моей... В смысле тановой короной. Кстати, в этой суматохе ты удосужился отправить ее к кузнецу, чтобы стянуть обруч? Ах, до сих пор в кузне?

— Войто! — последний, как всегда, оказался крайним. Месьор Сташув сгреб мальчишку за воротник, потрянул и, дыша перегаром в лицо, приказал: — А ну со всех ног в кузню! Корона чтоб была сей момент! Потеряешь — госпожа из тебя отбивную сделает!

— Понял! — внезапно осенило Данкварта. — Понял и вспомнил! Я же читал!

Он быстро нагнулся к уху кайнагорской хозяйки и что-то горячо зашептал. Соня недоверчиво взглянула, чуть насмешливо сморщила нос, но все-таки согласно проворчала в ответ:

— Если ты не ошибся, значит, каттаканы действительно твари изощренные... Стража! До моего возвращения ворота не открывать! Запалить все факела, какие найдете! Если кто начнет стрельбу — вздерну!

Соня цепко схватила Данкварта за рукав и потащила к главной башне. Похоже, она на лету ухватила суть предстоящего спектакля с участием тана Кернодо, вампиров из Рудны и пока что перепуганного народа.

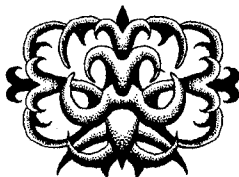
Внизу, за стенами замка, нарастал панический шум.

Глава 4

Очень деловые люди

Соня в кои-то веки сбросила мужской костюм и явилась на нижний двор замка в платье. Сей наряд незаменимый господин Сташув обнаружил в сундуках, принадлежавших некогда супруге ныне покойного тана Бохота, что лежал на кладбище Кайна-Горы под эпитафией: «Как жил, так и помер — бестолочью».

Кратко и многозначительно.

Сташув, уже в те времена являвшийся каштеляном и управителем Кернодской области, свято чтит заветы герцога Варта Райдора, заповедовавшего обязательно писать на могилах ссыльных танов причину смерти.

Редкостная неводержанность на язык каштеляна позволяла предположить, что ведьможрый господин Бохов загнулся, изнуренный своим слабоумием. Однако супруга его, благородная суда-

рыня Таира, происходившая родом с полуденного Пуантена, была женщиной светской и даже в глуши, куда сослали ее беспутного мужа, предпочитала одеваться красиво. Сундуки с одеждой до времени оберегались в кладовой и вот, спустя четверть века, их содержимое пригодились.

За двадцать пять лет ткань немного слежалась и выцвела, но золотая вышивка по-прежнему блистала первозданной красотой. Соня, чертыхаясь, с помощью Данкварта натянула длинное зеленое платье, шелкнула пряжкой изукрашенного коваными листочками клевера пояса, быстро прикинув, какие драгоценности могут подойти к такому наряду, выбрала из ларца браслеты с растительным узором и гривну с изумрудами.

— Если ты ошибся, — постоянно твердила она, сражаясь с застежками украшений, — и это маскарад окажется ничемным, точно разжалую в денщики! Нет, хуже! Я заставляю тебя все это одеть и носить! Уф, кажется, справились. Быстрее, мы обязаны их встретить! Не-ет, я эту ночь долго не забуду!

Данкварт только улыбался своим мыслям. Он не зря посоветовал Соне надеть зеленое с золотом и сделать так, чтобы в украшениях прослеживалась единая линия — веточки, листики, цветочки... А как этот наряд подходил к ее великолепным рыжим волосам! Ах!

На лестнице столкнулись с Реем. Зингарец, тщательно соблюдавший установленный им для

самого себя распрямил, проснулся, едва снаружи начали шуметь.

— Митра Всеведущий и все боги Хайборийского мира! — Рей, увидев Соню, лихо мчавшуюся по ступеням, приподняв юбки, дабы не наступить на полы платья, только отшатнулся. — Рыжая, сегодня какой-то праздник?

— Именно, — процедила Соня. — День дурака. Вернее, не день, а ночь. Рей, возьми оружие и быстро спускайся во двор. Увидишь такое представление, что лицедеи аргосских амфитеатров посинеют от зависти. Если, конечно, верить Данкварту. Потрясающий фарс со мной в главной роли.

Рей долго упрашивать не требовалось — зингарец ничего не понял, но по привычке не стал задавать вопросов. Спустя несколько мгновений Рей с непереносимым мечом-гладием на левом боку выбежал по двор вслед за Соней и донельзя довольным собой вельможным керлатом.

Сцена была подготовлена отлично — радельный Сташув позаботился. Факелы, народ мечется, ожидая не то налета вампиров, не то конца света, неприкаянный Войто торчит у ворот, сжимая в левой руке изъятую в кузне корону и проповедует нашествие упырей. Сташув, только в рубаше и постоянно сползающих штанах, бесполезно командует.

— Веселье в самом разгаре, — снисходительно ухмыльнулся Данкварт. — Как я люблю свою родину и эту постоянную суматоху! Вот чего мне не хватало за десять лет непрерывных путешеств-

ний! Рей! Рей, соверши чудо — утихомирь стражу и попробуй их построить. Месьор Сташув! Господин каштелян, вы меня слышите?

— А? — обернулся старик. — Ой, судари мои! Упыри в ворота ломятся! Вы как приказали не стрелять, так мы не стреляем. Стража надвратной башни с перепугу вся сбежала. Лошади, понимаете, огнедышащие... Будто не лошади, драконы какие-то! И под скалой народишко бунтует...

Данкварт подумал, что, возможно, они сейчас встретятся с неуправляемой паникой — обычные люди не сталкивались с волшебством тринадцатого столетия. Увидев столь яркие проявления ночного (следовательно, враждебного) колдовства, могут с перепугу натворить нехороших дел. Или Рэльгонн (будь он проклят, вампир поганый! Тоже мне, любитель лицедейских эффектов!) предусмотрел и подобный оборот событий?

Ворота, окованные минувшим днем железными полосами, слегка вздрогнули под тремя ударами. Сильно, ничего не скажешь. Будто тараном колотятся.

Навести порядок в смятенной дружине даже для Рея оказалось делом сложным. Здоровенный и быстрый зингарец утихомирил кого пинками, кого криками, и все-таки умудрился собрать такову стражу в неопрятного вида толпу, менее всего напоминавшую строй. Войто вообще исчез.

Рыжей Соне следовало бы поблагодарить Данкварта за то, что сумел перехватить запаниковавшего мальчишку и отобрать у него корону,

каковая немедленно заняла свое законное место на голове хозяйки. Как ни жаль, серебряный танов венец теперь оказался слегка маловат — кузнец в своем рвении перестарался.

— Отпирай, — приказала Соня, поднявшись на крыльцо, спокон веку исполнявшее в Кайна-Горе почетную роль заметного любому торжественного возвышения. — Данкварт, не стой столбом! Помоги им! Видишь, люди от страха едва в обморок не хлопаются!

Створки беззвучно расползлись. Соня прикрыла лицо ладонью — ударил порыв холодного ветра, потушивший две трети освещавших двор смоляных факелов, не гаснувших даже под весенними ливнями. Дружина попятилась, не обращая внимания на яростные выкрики Рея, которому, как видно, было все равно — вампиры тут или аквилонский король. Он просто исполнял приказ.

— Да, впечатляет, — тихо сказал Данкварт, взобравшись на крыльцо и вставший рядом с Соней. — Зрелище, прямо скажем, inferнальное.

— Какое?

— Это по-стигийски. Инфернус — Нижняя Сфера Вселенной, где царит вековая тьма и обитают демоны зла, служащие Сету-Змееногу... Зато как красиво, а?

В абсолютной, не нарушаемой даже дыханием людей тишине, на нижний двор крепости Кайна-Гора въехал десяток странных всадников. Лица рассмотреть было невозможно, тела скрыва-

лись под обширными темными плащами, по которым шныряли синеватые искорки, правая рука каждого всадника сжимала рукоять факела, пламенеющего на конце шаром бело-лазоревого огня. Но самое кошмарное зрелище представляли из себя лошади.

Огромная, цвета густой смолы тварь, превышающая в холке на локоть даже принадлежащего Рею зингарского вороного жеребца. Антрацитовая шкура лоснится и кажется, будто лошадь, как и хозяева, затянута в черный, поблескивающий в свете шелк («Боюсь, к такому монстру ни один наш конюх даже близко не подойдет», — промелькнула у Данкварта глупая мысль). Глаза у зверюг красные, отчетливо светящиеся в полутьме. Конь переднего всадника громко и яростно фыркнул, ударил копытом по земле, подняв облачко пыли, и выпустил из ноздрей две струйки темно-багрового пламени.

— Данкварт, — прошептала Рыжая Соня, — если это твои друзья, то я начинаю в тебе сомневаться. Скажи мне, кто твой друг...

— И я скажу, кто ты, — перебив, шикнул в ответ верный оруженосец кернодской хозяйки. — Не дергайся, по-моему, все будет хорошо. Это жутковатое представление рассчитано не на тебя и меня, а на твоих подданных.

— Идиот, — ахнула Соня. — Меня тотчас обвинят в общении с демоническими силами! Вся репутация пойдет прахом!

— Да какая у тебя репутация, бродяжка с мечом? Тихо, — Данкварт заметил, что перед

крыльцом начинает происходить что-то необычное. — Молчи и смотри.

Синие факелы, горящие неживым огнем болотных гнилушек, внезапно начали менять цвет. Вначале пламя огненных шаров стало белым, затем потеплело, обращаясь в привычный желто-оранжевый цвет огня. Еще спустя мгновение факелы погасли. Десять всадников будто по команде опустили руки и спрятали черенки под одеждой. И тем не менее, во дворе было светло, как днем. Данкварт озираясь, пытаясь отыскать источник света, но не нашел. Видимо, действовало неизвестное волшебство.

Первый всадник, самый высокий и кажущийся наиболее опасным из-за ореола синих искр, танцующих на длинном плаще, покинул седло, чуть погодя за ним последовали остальные. Каттаканы, если это действительно были они (Рэльтгонн никак не дал знать Данкварту, что планируется столь помпезное представление, поэтому керлат терзался сомнениями), не торопились, двигаясь преувеличенно медленно.

Послышались разудалые крики. По скальной дороге к Кайна-Горе взобрались самые смелые из обосновавшихся вокруг замка бритунийских дворян. Почуввав неладное, благородные эрлы и танны, одевшись кто во что, схватили оружие и помчались на помощь госпоже Соне, осажденной явившейся в ночи нечистью.

Разномастная толпа остановилась за чертой ворот, будто наткнувшись на невидимую преграду. Внимательный Данкварт увидел ярко-крас-

ные одежды жрецов Митры Лучезарного, затесавшихся среди вооруженных людей. Почти все они сжимали в руках отгоняющие зло символы солнца, носимые на шее в качестве амулетов и знаков жреческого достоинства. Впрочем, серебряные коловороты не произвели на удивительных гостей никакого впечатления.

Огнедышащие лошади, оставленные хозяевами, ибо те спустились на землю и бросили поводья, потоптались, а когда вожак внезапно развернулся к хозяйственным сараям, занимавшим правую половину двора, последовали за ним. Угольные чудовища зарысили, сорвались в стремительный галоп.

Вожак прыгнул, взвился в воздух, едва коснувшись копытами крыши оружейного склада, следующим прыжком достиг стены, воспарил над Кайна-Горой и неожиданно обратился смазанной полосой голубоватого тумана, мгновенно рассеянной налетевшим порывом ветра. То же самое произошло и с прочими черными скакунами, за несколько мгновений обратившимися в ничто.

— Потрясающе, — одними губами шептал сам себе Данкварт. — Вот это настоящее волшебство!

Свет разгорелся еще ярче, обитатели Кайна-Горы и примчавшиеся выручать Соню бритунийские дворяне замерли, ожидая, что произойдет дальше. Рыжая Соня посматривала заинтересованно, но без боязни, а Рей втихомолку шпынял готовых запаниковать дружинных.

Предводитель отряда каттаканов шагнул вперед, остановился у первой ступени восхода, ожидая приглашения. Древняя традиция — если хозяин не позвал к себе, керлати на крыльцо его дома нельзя.

Данкварт незаметно толкнул локтем Соню. Та поняливо встрепенулась.

— В Кайна-Горе, — внятно произнесла она, — всегда рады гостям, пришедшим с миром. Поднимитесь сюда, почтенные.

Происшедшее далее заставило Данкварта подумать, что он повредился умом. Предводитель черных нарочито медленно вскинул руку к фибуле плаща, щелкнул ею так громко, что некоторые из присутствовавших в крепости вздрогнули, стянул капюшон и величественным жестом отбросил свое верхнее одеяние в сторону.

— Ой, — только и сказал Данкварт. Чего-то подобного он ожидал, но *такого?*.. Рэльгонн явно перестарался с маскировкой.

По собравшейся толпе прошел невнятный гул, сливающийся в одно-единственное слово: «Альбы!»

Вот она, легенда давно ушедшей эпохи Роты-Всадника! Бессмертные! Самые настоящие!

Черная искрящаяся накидка скрывала под собой удивительно красивого, высокого и золотоволосого человека в ярко-зеленых с золотом одеждах. Исчез мрачный призрак, примчавшийся в Кайна-Гору на чудовищном коне. Это альб, настоящий альб, как его описывают хроники докхарийской эпохи.

Данкварт понял, что Рэльгонн с семейством, вероятно, изменил облик неприятного для человека лысого, бледного существа на внешность альба, едва завидев приближающуюся к замку процессию. Райдорец отлично помнил сохранившиеся описания альбов, их удивительных лошадей, синих мертвенных факелов. То, что он увидел под стенами Кайна-Горы, было живой иллюстрацией к древним летописям. Но чтобы владеющий искусством волшебства Рэльгонн, заявлявший, будто каттаканы могут удерживать лишь очень краткое время, сумел полностью восстановить все забытые чудеса исчезнувшего народа? Обитателей Рудны можно только уважать за их способности...

Да, это в точности повторяло магию альбов. Во дворе замка стало гораздо теплее, мягкий золотистый свет лился от любого неживого предмета, будь то острие копья дружинного десятника, камень фундамента башни или доска притупившегося возле хлева покосившегося нужника. Рэльгонн, величественно поднимавшийся к заулыбавшейся Соне, сиял ярко-голубыми глазами и золотом волос, его хламида перехваченная широким, сверкающим камнями и золотом поясом, переливалась всеми оттенками изумруда...

— Счастливы приветствовать вождя древнего народа у порога своего дома, — непринужденно сказала Рыжая Соня, когда высоченный альб оказался рядом с ней. Тот, не раздумывая, преклонил колено, взял Соню за правую руку и поцеловал ее перстень, украшенный опалом...

— Счастливи узреть владычицу древней земли, что перешла в наследство от нашего народа — вашему, — достаточно громко для того, чтобы его услышали внизу, ответил альб. — Нам известно о бедствии, поразившем обитаемые просторы Средней Сферы, и мы рады будем помочь смертным, ныне занявшим наше место под звездами, — и совсем тихо, так, чтобы различили только Соня и Данкварт, добавил: — За определенное вознаграждение, конечно.

Господин керлат фыркнул, решив, что это очередная шутка каттакана, и, наклонившись, шепнул:

— Рэлыгонн, ты великолепен. Признаться, я в восторге.

Альб поднялся, положил правую руку на пряжку пояса, а левую — на рукоять длинного меча в сияющих гранеными камнями ножнах, свисавшего почти до земли, чуть недоуменно воззрился на Данкварта и осторожно произнес:

— Мне очень лестно, благороднейший правитель, но я отнюдь не Рэлыгонн.

— А-а, — хлопнул себя ладонью по лбу Данкварт. — Вы, наверное, его брат, Сигонн. Я все равно очень рад видеть вас и вашу семью. Надо же, как чудесно вы сумели ввести всех нас в заблуждение! Такая сказочная личина, живая легенда!

— Сударь, — спокойно ответил альб, — несомненно, нам очень приятно, когда смертные называют нас живой легендой, благо мы давно позабыли вражду, некогда обуявшую наши наро-

ды. Но мне кажется, вы ошибаетесь... Мое имя не Рэлыгонн и не Сигонн.

— То есть? — Данкварт, доселе ничего не понимая, удивленно оглянулся на Соню. — Ведь вы из Рудны?

— Нет, ничуть, — улыбнулся альб. — Я из Аэльтунна.

— Откуда? — выдавил Данкварт и пошатнулся. — Откуда?

— Из Аэльтунна. Позвольте назвать вам свое имя, благо мы доселе не были знакомы. Ллэр. Мое имя Ллэр.

— «Не носящий облика», — мигом перевел Данкварт, изучавший по сохранившимся в Аквилонии книгам альбийское наречие. — Что происходит? Какая-то чудовищная ошибка?.. Альбы либо ушли после победы над Ротой-Всадником за грань мира, либо вымерли. Вы мне еще живого О'Ши покажите!»

— Может быть, мы не будем разговаривать на глазах ваших подданных? — невинно поинтересовался Ллэр. — Я приехал ради того, чтобы помочь вам советом или военной силой, но хотел бы обговорить условия наедине.

На Данкварта напал столбняк. Соображавшей немного быстрее Соне пришлось поддержать беседу.

— Я приглашаю вас, благородный господин Ллэр, пройти в мой дом и пользоваться всеми благами, которые сможет предоставить вам небогатое танство Кернодо, — провозгласила госпожа Кайна-Горы, и ее голос разнесся по всему

двору. Месьор Сташув согласно закивал. Надо же, настоящие альбы! По Кернодо ходили слухи, что кое-где их еще можно увидеть, но чтобы вот так, запросто? Да, времена настали удивительные! Великие войны всегда приносят великие откровения!

Войто, побаивавшийся упырей, схоронился за хлебом, а теперь, забравшись на его крышу, во все глаза рассматривал гостей хозяйки. Все, как рассказывал прадед об альбах — одежда, внешность, манеры! Чудо, настоящее чудо! Ушедшие вернулись! Или они никуда не уходили?

— Идите за мной, — тихо сказала Рыжая Соня Лэру. — Кажется, мы все пребываем в заблуждениях и нынешней ночью произошла какая-то ошибка. Если вы до сих пор не знаете, я — Соня Райдорская, по жалованной грамоте наследница герцога Юстиния, ныне тан Кернодо.

— Мы все знаем, — вежливо заметил альб. — И никакой ошибки не случилось. Просто я и моя свита приехали без приглашения, чем вызвали удивление у вас и ваших людей.

— А где Рэльгонн? — вставил огорошенный Данкварт.

— Представления не имею. Давайте я все объясню, когда мы окажемся в спокойной обстановке.

Лэр едва заметно кивнул своим, тоже сбросившим черные плащи, и Соня вместе с альбами исчезла за дубовыми дверями, ведущими в башню-донжон. Данкварт постоял еще немного, бросил свирепый взгляд на Рея, которому было вро-

де бы все равно, махнул рукой и побежал следом. Избывший страх Войто слезал с крыши хлеба и раздумывал над тем, как бы проникнуть в покои госпожи, чтобы подслушать разговор — он всю жизнь хотел увидеть сказочного альба и теперь не желал терять представившуюся возможность.

Месьор Сташув, когда госпожа с гостями скрылась, только отгрыз ноготь указательного пальца, сплюнул и возгласил:

— Разойдись! Все, кто на страже — марш на стены! Остальным спать! Редкостное дело какое случилось — альбы появились! Ну, теперь Кернодо неприступно... Батюшки, полон дом гостей, а ужин не приготовлен! Войто! Ослище! Куда пропал? Бегом на кухню!

Войто не слышал, потому как свернул в сторону верхнего двора, отыскивая дверь тайного хода.

Данкварт догнал Соню и десятерых визитеров возле коридора, ведущего к кабинету. Просочился по стеночке мимо и первым распахнул притвор. Конечно, в небольшой комнате места немного, но в тесноте, да не в обиде.

— А я вас жду, — из-за стола, с кресла тана поднялось очень знакомое Данкварту существо. Лысый череп, бумажно-белая кожа и желтые глаза без зрачков. Рэльгонн. В одиночестве. — Вы, полагаю, гостей встречали?

Последним в кабинет вошел невозмутимый Рей, притворил за собой дверь и устроился в уголке, постелив на доски потрепанную волчью

шкуру. Зингарец заинтересованно оглядывал альбов, но в разговор вступать не пытался. Его обязанности просты — охранять госпожу Соню и Данкварта от любых опасностей. Сейчас Рей опасности не видел.

* * *

Альбов частенько именуют Бессмертным народом, что несправедливо. Когда Рэльгонн повествовал Данкварту о происхождении обосновавшейся в Рудне семьи каттаканов, он употребил словечко «долгоживущий», вполне подходящее и к альбийской расе. Без сомнения, альбы жили неизмеримо дольше людей, они не знали, что такое старение или болезни, но к окончанию долгого века «уставали» от тяжести несчитанных столетий и исчезали. Как, куда — неизвестно. Уход альба из мира зримого, его смерть были и оставались доселе наиболее тщательно скрываемой тайной древних обитателей этого мира.

До нынешнего дня предполагалось, что альбы вымерли или, что вероятнее, ушли после победы над Ротой-Всадником в другую Сферу, куда доступ людям был закрыт. Последний раз настоящих альбов видели незадолго до падения Небесной горы — сохранилась летопись, сообщающая о прибытии посольства Древних к правителю государства, находившегося на территории нынешнего Пограничья.

Альбы требовали оградить их леса, простиравшиеся от полуденной границы холмов, после

катастрофы превратившихся в Граскаальские горы, вплоть до земель, теперь населенных немедийцами и бритунцами, от вторжения людей-переселенцев, искавших новые места обитания.

Люди плодились, будто крысы, земли не хватало, альбовы чащобы вырубались или выжигались, самих Древних оттесняли все дальше... Само собой, это сопровождалось постоянными пограничными стычками, но до большой войны никогда не доходило. Во-первых, альбы прекрасно понимали, что потерпят поражение, ибо они никогда не были многочисленным народом, а во-вторых, человек окончательно уверовал в то, что обитаемая Сфера принадлежит только ему и перестал обращать внимание на представителей чужих рас. Воевали только с гномами, оспаривая у подземных карликов их богатые копи, но потом гномам надоело зазря проливать свою кровь в сражениях, где на одного маленького бородача приходилось пятнадцать людей, они уступили, а сами ушли в самые глубокие подземные лабиринты, куда не было доступа никому другому. И теперь подгорный народец сохранило только три королевства — в Граскаале, Кезанкии и Эйглофиате.

К эпохе Кхарийской Империи сохранилось от силы тридцать тысяч Древних. Большинство жило на Полуночи материка, часть альбов, получивших название «проклятых» стало народом гулей и обосновалось в Рабирийских горах, прочие ушли на острова Закатного Океана и в Боссонский Ямурлак.

Между альбами и людьми давным-давно признавался негласный договор — вы нас не трогаете, и мы вас не трогаем. Из-за упомянутого перенаселения, вызванного тремя столетиями мягкого климата, постоянных и стабильных урожаев, а также отсутствием крупных войн такой паритет долго сохраняться не мог — альбы были обречены на вымирание.

Существовал и другой путь — попробовать жить вместе с людьми, смешать свою кровь с кровью смертных и таким образом хотя бы частично обеспечить продолжение рода.

А затем началось нашествие хайборийцев.

Некоторые альбы — считанный десяток — решились на столь вопиющее преступление перед древней кровью.

Хроники скрупулезно зафиксировали редкие браки между людскими аристократками и выходцами из альбовых семейств. Одна незадача — даже во времена Кхарии и Атлантиды, когда благоухал Золотой век, смертные женщины до тягивали от силы до ста лет, уже в семьдесят превращаясь в безобразных старух. Их мужья так и оставались молодыми красавцами. Потомство смешанных браков получало в наследство более долгую жизнь, однако после Падения Небесной Горы кровь Древних разжижалась, и постепенно династии, происходившие от альбов, угасли.

Если бы все Древние предпочли медленному угасанию ассимиляцию в человеческой среде, то, возможно, многих бедствий Эпохи Непокойст-

вия, как было названо продолжавшееся двести лет хайборийское нашествие, удалось бы избежать.

Но ведь альбы — Древние, Избранные, Первые и (почти) Бессмертные! Отдать свою дочь за короткоживущего волосатого дикаря? Фи! Почему тогда не за обезьяну? Разницы никакой — человек, обезьяна...

Абсолютное большинство Древних, помнивших расцвет своей расы в Начале Времен, при владычестве Роты-Всадника, пришествие смертных, беспрестанные битвы, когда выяснялось, что старинная цивилизация не может противостоять нахлынувшему с полуночи варварам, полагали людей только разумными животными, да и разумность-то их, если посудить строго, тоже весьма относительна...

Развитые инстинкты, среди которых первенствует размножение, речь, более напоминающая бессвязное мычание, и постоянное желание уничтожать все на своем пути, не исключая даже представителей своего рода, если таковые вдруг мешают тебе пользоваться благами природы. Более всего альбов поражало отсутствие какого-либо механизма, позволявшего человеку следить за численностью своего народа, отчего смертные сравнивались с кроликами, крысами, комарами, тараканами, саранчой и прочими малопривлекательными существами. Если хватало еды, человек мог плодиться бесконечно, совершенно не думая, что однажды переизбыток голодных ртов вызовет чудовищное бедствие. Альбы жили в предвкуше-

нии, надеясь, что однажды увидят, как человеческие стада пожрут сами себя.

И вот свершилось — упала Небесная гора. Последовала великая катастрофа, воздвигавшая новые горы и затапливающая обжитые земли.

Продолжайся вызванное поднявшими в небеса тучами пепла зима целый век, жизнь в обитаемой Сфере на том и прекратилась бы. Досталось всем — и людям, и нелюдям, причем последние пострадали гораздо больше. Гномов попросту расплющило (уцелело лишь три подгорных царства), данхан и кро мара вымерли полностью, погибнув в вихре гигантских пожаров, уничтоживших две трети лесного покрова Полуночи материка, начал уменьшаться магический потенциал мира, чтобы было тяжелейшим ударом не только по людям, но и по альбам. Когда открылись Врата, Древние решили, что лучше бежать куда угодно и как угодно быстро, лишь бы не оставаться в этом кошмарном обиталище смерти, огня и пепла.

Массовое возникновение Врат-порталов после Падения Небесной Горы не прошло незамеченным. Большинство уцелевших альбов, еще сохранявших свои способности к малому творению, быстро разведали, что находитесь за Дверьми Миров, выбрали себе подходящую Сферу и удрали, не желая более наблюдать за ужасами, происходящими в их родном доме.

Альбовы пророчества сбывались: человечество начало пожирать свою плоть. После Падения Небесной горы, когда плодородность усыпанной

неплом почвы снизилась в десятки раз, когда солнце видели по несколько лун в году, когда людоедство на Закатном Материке вошло в привычку и никого более не изумляло, численность людей сократилась в сотни раз. Выжили только самые сильные, самые наглые и самые приспособленные — кхарийцы и хайборийцы, вступившие в непрекращающуюся войну за плодородные земли.

Среди альбов раздавались голоса, призывавшие добить поганую расу, пройтись по всем континентам с огнем и мечом, после чего начать восстанавливать мир буквально из пепла, но все-таки было решено уйти.

И они ушли. Все. До единого. Как выразился однажды Данкварт, рассказывая Соне и Рею эту историю, «громко хлопнув дверью». Во всяком случае, люди так полагали несколько тысяч лет.

А теперь — извольте видеть. Сюрприз. Целый десяток вполне настоящих, ясноглазых альбов, причем, как выяснилось из церемонных представлений в кабинете Соне, они только лишь «посланцы» своих семей.

Из этого следует понимать, будто в округе, в горах Кезанкии и Граскаала, живут еще альбы, причем довольно много. Где ж они прятались несколько тысячелетий? Не в болотах же под камнями, как лягушки?

Данкварт уныло взглянул на Соню, та ответила ему убийственным взглядом. Как не крепилась госпожа Кайна-Горы, в обществе, составлявшемся из обладавших весьма непосредственным

характером альбов и вампира из Рудны она чувствовала себя неудобно.

Нахальные визитеры заняли кресла и скамьи, стащенные в кабинет, ничуть не замечая, что хозяйка стоит, и только лысый длинноухий Рэльгонн сподобился уступить кернодскому тану ее же собственное кресло. После чего жутковато выглядящий упырь принялся шпынять альбов и наводить порядок — ты садись туда, ты сюда, ты вообще постоишь. И не морщи нос, молодой еще, ноги не отсохнут. Как видно, Рэльгонн был отлично знаком с бессмертной братией, каждого называл по имени и вообще вел себя с альбами без всякого пиетета перед древней расой.

— Лайлэ! — рудненский упырь едва не за шиворот потащил одного из альбов к двери. — Быстро марш в кухню, принесешь пива для кернодских господ и своих дружков, — командовал Рэльгонн. Альб тотчас выкроил на загорелом красивом лице такое высокомерно-презрительное выражение, что Данкварт не удержался от улыбки. Странные взаимоотношения, однако, между альбами и вампирами. Почему Рэльгонн командует Древними?

Лайлэ напыжился, попробовал стряхнуть с плеча ладонь низенького упыря, и буркнул:

— Здесь что, слуг нету? Почему я всегда крайний?

— Иди, иди, — Рэльгонн подтолкнул его в спину и выставил за дверь, крикнув вслед: — Кухня на первом этаже, справа от лестницы. Уф! Беда с вами, любезные месьюры.

Рыжая Соня наблюдала за каттаканом, раскрыв рот, а Данкварт, улучив момент, наклонился к уплощенному уху «эрла Рудны» и шепнул:

— Вам не кажется, что это несколько невежливо?

— Невежливо — что? — нарочито громко спросил Рэльгонн, поворачиваясь к райдорцу всем телом. — Невежливо посылать одного из здесь присутствующих за пивом? Или невежливо обращаться с нашими молодыми друзьями, будто с мальчишками на побегушках? Милейший господин керлат, отбросьте старые предрассудки и прабабушкины сказки! Буйная орава, которая явилась к вам в гости, приехала по моему требованию. Причем они опоздали и устроили это невероятное представление во дворе, без которого вполне можно было обойтись!

Упомянутая «орава» захихикала.

— Алэр, я бы на твоём месте, вообще, помолчал, — продолжил Рэльгонн, косо посматривая своими огромными желтыми глазами на великоленного альба. — Тоже мне, альбийский король в полном блеске! Кто придумал спектакль с огнедышащими конями? Ты? Мой драгоценный господин Данкварт, что вы помните об альбах? Песенки под звездами, цветочки-лютики, веточки омелы и сияющие в ночи ясные очи?

— Мы разве плохо поем? — возмущился альб, устроившийся справа от Алэра. — Рэльгонн, кем тыставляешь нас перед хозяевами?

— Теми, кто вы есть, — упырь скривил безгубый рот в улыбке. — Безалаберными детишками

с неплохими задатками, несколькими здравыми мыслями в голове и юношеской тягой к дурацким приключениям. Я доходчиво изложил свою мысль? Данкварт, вы узнали только их имена, рассмотрели внешность, но в действительности ничего о своих гостях не знаете. Позвольте прояснить.

— Может быть, — кашлянул Данкварт, — они сами расскажут?

— Они вам такого расскажут... И как сражались при Аэльтунне во времена Роты-Всадника, и как лично ловили сачком Небесную гору, но не поймали, и как дрались насмерть с демонами Нижней Сферы! Воображение у них не по разуму.

— У-у-у... — слитно прогудели альбы, слушая Рэльгонна. Алэр только заметил:

— Я предупреждал, что связываться с вампирами чревато. Ты, Рэльгонн, существо мудрое, но без фантазии. Это серьезно вредит.

— Чему? — вздернул плечи желтоглазый правитель Рудны и оскалился так, что Соня едва не вскрикнула и прикрыла рот ладонью. Длинные конические зубы упыря, сходящиеся при сжатии челюстей, будто зубчики шестеренок на водяных мельницах, кого хочешь вгонят в состояние почтительного ужаса. — Чему это вредит? Правде о вас? О том, что вы просто стайка молодежи, которой надоел привычный образ жизни и которой хочется перемен к лучшему? О том, что ваши родители окончательно закоснели в своих предрассудках и ставят тра-

диции выше выживания? Истине, которая заключается в простых словах о ценности каждой жизни, каждой культуры и каждой цивилизации, будь то цивилизация дикарей из Пуши Пиктов или тех же самых гирканцев, стоящих ныне на краю бездны? Или цивилизации альбов и каттаканов?

— Ничего не понимаю, — наконец подала голос Соня. — Уважаемый Рэльгонн, мне кажется, вы немного нарушаете этикет. Алэр и его друзья приехали ко мне, а не к вам. И, если не ошибаюсь, вы почтили своим присутствием мою крепость ради того, чтобы говорить именно со мной, а не с альбами. Полагаю, что вам следует все мне рассказать и попробовать не сбиваться на ненужные правоучения, в чей бы адрес они не звучали. Времена сейчас не те, чтобы разводить пустые разговоры.

— Простите старика, — поклонился Рэльгонн. — В моем возрасте невольно начинаешь поучать и резонерствовать. Однако, пока этот бездельник Лайлэ не принес пиво, начинать разговор бессмысленно. Где он застрял, интересно? Надеюсь, не подрался со стражей и не прижимает в углу какую-нибудь очаровательную служанку.

«Какой кошмар! — подумал Данкварт. — Где они, светлые легенды? Тут уже начинаешь задумываться, есть ли хоть крупинка истины в том, что мы знаем об альбах? Я не могу себе представить этих существ похожими на людей — забияками, пьянчугами и развратниками. Не желаю это верить!»

В коридоре гроыхнуло, слышалась яростная ругань на незнакомом языке, дверь, по славной кернодской традиции, открыли пинком.

Ввалился Лайлэ, зажавший под мышкой деревянный жбанчик с элем, а правой рукой тащивший за ворот кого-то вопящего и отбивающегося...

— Подслушивал! — альб толчком отослал человека в середину комнаты, тот не устоял и свалился на пол, под ноги Рэльгонну. Данкварт едва не сплюнул.

Войто!

Маленький мерзавец, видимо, решил посмотреть на альбов поближе. Посмотрел. На скуле парня наливалась багрецом изрядная ссадина — Лайлэ постарался.

— Молодой человек, поднимитесь, — Рэльгонн нагнулся, потянул Войто за плечи и поставил его на ноги. — Ваш батюшка не знакомил вас с вполне справедливой мыслью о том, что подслушивать нехорошо? Что вы на это скажете?

Войто, перед лицом которого возникла бледная физиономия каттакана, взвизгнул, шарахнулся в сторону и был изловлен зингарцем, доселе со стоической безучастностью наблюдавшим за беседой.

— Упырь!

— Боги, опять все сначала! — схватился за голову Данкварт. — Войто, перестань орать! Какие упыри в наши просвещенные времена? Познакомься, это господин Рэльгонн из Рудны. Ты его

уже видел на дороге. Помнишь, позавчера вечером?

— Упырь, — повторил Войто, но уже гораздо тише. — Изыди, демоново семя!

— Перестаньте пугать мальчика, — раздался мелодичный голосок. Из тени в уголке появился один из спутников Лэра. Вернее, не спутник, а спутница. Одна из двух альбийских девиц, приехавших вместе с отрядом в Кайна-Гору. Кажется, ее зовут Эйя? — Пустите меня к нему.

Альбийка отбросила зеленый капюшон, укрывавший ее соломенные волосы, уставилась на тяжело дышащего Войто глаза в глаза, и медленно, спокойно проговорила:

— Ты его не видишь. Здесь нет никакого упыря, оглянись...

Войто вздрогнул, осмотрел комнату и вроде бы начал успокаиваться. Щеки снова стали розовыми, ибо прежде он в точности сравнился цветом кожи с Рэльгонном.

— Ой, точно... Привиделось, наверное, госпожа альбиня.

— Альбиня, — фыркнула красавица, оценивающе разглядывая Войто. — Меня зовут Эйя. Если хочешь, пойдем на стены, подышим свежим воздухом. Надеюсь, здесь обойдутся без меня. Так ведь?

Эйя стрельнула глазами на Лэра, тот лишь хохотнул и помахал рукой:

— Обойдемся, обойдемся. Погуляйте...

— А... а можно? — выдавил Войто, жадно рассматривая альбийку. Та лишь подхватила его за

локоть тонкой рукой и повела к двери. Когда створка захлопнулась, Данкварт вздрогнул от дружного громового хохота гостей. Громче всех смеялся Рэльгонн.

— Быстро же малыш попался в сети очаровательной Эйи! — простонал вампир. — Бедный парень, он еще не подозревает, что его ждет! Данкварт, не смотрите на меня такими удивленными глазами. Вы подумали совершенно правильно. Прогулки под звездами, ласковые щебетания, невинные заигрывания, и чем все кончается? Верно, сеновалом. Альбы тоже живые существа и тоже не прочь порадоваться жизни.

— В отличие от вас, — съязвил Алэр. — Ты подобных радостей не знаешь. Почтенные господа, может быть, займемся тем, зачем мы сюда приехали? Лайлэ, открывай бочонок!

* * *

Господина каштеляна Кайна-Горы, вельможного месьора Сташува Альдойского трясло.

Он и сам не мог понять, каковы его чувства — то ли возмущение, то ли безмерное удивление, или, например, страх перед возродившейся древностью? Страх?! Ничего подобного! Сташув никогда, ничего и никого не боялся. Даже во времена правления ссыльного тана Львувека Райдора (эпитафия на могиле последнего гласила: «Поднят на вилы и хвала всем богам за это!»). Сташув, заказывая плиту для некрополя у камнерезов, решил лично отомстить Львувеку, сде-

лав так, чтобы люди надолго запомнили, что тан окочился вовсе не по-благородному...), какой Райдор отличался безумным пьянством и столь же безумными забавами в аквилонском вкусе, невысокий каштелян собственным кулаком поучал шутливого тана, а когда тот решил навсегда избавиться от строптивого управителя, поднял бунт, закончившийся для господина Львувека печально — кметы действительно насадили его на вилы.

По молодым и зрелым годам Сташув хаживал на медведя с пикой или рогатиной, усмирал бунты каторжников на серебряных копьях, водил танову дружину на войну с бароном Вельса — господином одного из Вольных Баронств к Закату от Пограничного королевства, заведшим дурную привычку грабить порубежные деревни Кернодо.

Сташув благополучно разбирал споры между деревнями за пашни, когда буйны головы с той и другой стороны всюду призывали односельчан к колу и топору... Сташув не боялся ничего, что было ему знакомо с юности. Чего такого жуткого в медведе? Лесной хозяин, конечно, опасен, но зачем его бояться? Война? Отцы и деды ходили воевать, и ничего страшного с ними не случилось. Коли убьют, значит, такова судьба.

В Кернодо господин Сташув знал все и обо всех, умел заговорить зубы самому отъявленному буяну, если нужно — пустить в ход кулаки или булаву. Наверное, поэтому Сташува уважал каждый, начиная от мелких поместных дворян-

чиков, содержащих маленькие замки в Кернодо, и заканчивая деревенскими дурачками. И даже наместник бритунийского короля в Пайрогии!

На известие о великой войне, столь неожиданно постигшей вначале Туран, а затем Аквилонию, Бритунию и само тихое Райдорское герцогство, Сташув отреагировал, как было должно — ждал приказов из герцогского замка от светлейшего владетеля Юстиния. Кто, в конце концов, такой Сташув из Альдоа? Не эрл и даже не тан, всего-то младший баронский сын без права наследования!

Месьор Сташув — всего лишь управитель большой, но отдаленной предгорной и порубежной области, поставленный присматривать за порядком и блюсти законы от имени герцога или нынешней хозяйки и ее венценосного покровителя — короля Бритунии. Только когда стало известно, что Пайрогия взята, герцогово семейство перебито, а государства вроде бы как не существует (ибо все знают, что бритунийское государство олицетворяет собой державный король, бежавший от гирканцев в Немедию), месьор Сташув зашевелился, решив действовать по своему разумению.

Рассуждал он просто: рано или поздно война кончится, эрлы, графы и герцоги решат, кого выбрать новым королем и снова появится освященная традициями власть. Пока надо бы держать Кернодо в повиновении и постараться не допустить сюда вражин — недаром каштелян

Кайна-Горы имел право назначать керлатов, собирать ополчение и в случае опасности прибегать к особым мерам.

Сташув забрал в дружину младших неженатых сыновей из больших крестьянских семейств, сочтя, что мужчина может держать оружие с четырнадцати лет, поручил десятникам вымуштровывать молодежь, организовал дозоры на главном тракте и лесных дорогах, и вскоре одержал блистательную победу над большим отрядом гирканцев, сдуру решившихся сунуться в Кернодо.

Все понятно и привычно. Война, завоеватели, здесь ты, там враг. Напали, отступили, снова напали. Основой стратегии каштеляна были мгновенные ураганные вылазки и тайная неблагородная война — то есть Сташув не желал класть головы своих подданных в открытых боях, потому что именно в таких сражениях погибла большая часть бритунийского дворянства.

Дело шло бы как по писаному, не заявись внезапно госпожа Соня. Тут-то и начался кавардак. Сташув не роптал, зная, что госпожа есть госпожа, ее права на танову корону законны и неоспоримы, доказаны подписанным покойным герцогом Юстинием пергаментом, однако... Чересчур уж бойкая девочка появилась в Кернодо!

Соня не желала обороняться, а хотела наступать. Мало того! Хозяйка, по мнению Сташува, перешла любые границы приличий, даже по весьма невысоким кернодским меркам. Всегда носит мужскую одежду, что недостойно всякой

девицы, пусть и не дворянского рода («Зато удобно!» — заявила Соня Сташуву, когда тот вежливо попытался намекнуть), ночует в одной комнате с двумя мужчинами, не будучи замужем ни за одним из них (один безбожный зингарец чего стоит! Надо же, мужчина — и без штанов ходит!)

Вдобавок Соня начала командовать ничуть не хуже прожженного десятника из королевской гвардии, ни во что не ставя опытного каштеляна. Назначила керлатом беспутного Данкварта и задумала какую-то жуткую авантюру, не считаясь с возможными жертвами.

Месьор Сташув всегда полагал, что можно отсидеться в Кернодо — оборонить лесные и горные владения очень просто. Коли вдобавок выгнать чужаков... Тогда пропадут трудности с продовольствием и жильем.

Все перечисленное можно бы перетерпеть. Соня — законный кернодский тан, дело управителя только подчиняться приказам, каковые Сташув смиренно исполнял.

Однако сегодня госпожа превзошла любые ожидания. Натащить полный замок нечисти?! Это невыносимо!

Сташув решительно отбросил шерстяной плед и сел на постели, неприязненно глядя на потолок.

Со второго этажа башни смутно доносились залихватские вопли и дружный ор, иногда что-то грохало, как будто стол переворачивали... По скрипучей деревянной лестнице то и дело кто-то

пробежал вверх-вниз, оглушительно громыхая дверью нужника. Отдохнуть в такой обстановке невозможно! Если любое посольство альбов превращается в пьяный дебош, то оно и к лучшему, что всех Древних перебили в годы Черного Всадника Роты!

Сташув вздохнул, довольно громко выругался, оделся, натянул сапоги и отправился на крыльцо. Уж коли разбудили, стоит проверить караулы. Хозяйке, как видно, не до того.

Наступал Час Быка — время в промежутке между крошечным ночным мраком и первым заревом рассвета. Сейчас особо хорошо спится тем, кто это может себе позволить. Сташув уже предвкушал, как выдаст зуботычин нерадивым лучникам, заснувшим на стенах, однако разочаровался — все караулы бодрствовали.

— Хостин! — зевнул каштелян, взобравшись на площадку надвратной башни. Десятник подскочил мигом. — Чего скажешь хорошего, Хостин? Все спокойно?

— Где ж тут спокойному быть, — проворчал дружинник. — Госпожа с гостями бузить изволят, под стенами одно смятение. Люди до сих пор ждут, желая всамдельных альбов узреть... Чего это господин каштелян, Древний народ вдруг приперся? Сколько столетий не видывали таких чудес...

— Не твоего ума дело, — привычно ответил Сташув. — Коли приперлись, значит, нужно. Воевать на нашей стороне будут. Может, помощь какую окажут супротив зловредного колдовства

степного кагана гирканцев. Ладно, пойду. Смотри у меня!

Каштелян заковылял обратно и вдруг обернулся, привлеченный девичьим хихиканьем. Ну точно, очередная влюбленная парочка. Дружинный, небось, с караула сбежал. За что сейчас сполна поплатится.

— Стой! — гаркнул Сташув, заглушив даже доносящиеся из окон башни крики. Похоже, там всерьез повздорили. — Стой, кому сказал? Подойди, назовись!

Две тени, выскользнувшие из двери амбара, замерли, пошептались, затем медленно направились к каштеляну.

— Кто таков?

— Сударь, не узнаете разве?

— Войто, охламон? Все, ты у меня попался! Отправь девку спать, потом марш ко мне, лично розог высыплю!

— То не девка, достойный господин, — робко заметил Войто, чье лицо Сташув вначале не разглядел в темноте, и тотчас сдавленно застонал, потому как каштелян запросто ухватил его своими сильными пальцами за ухо. — Сударь, да вы что? Ухи поберегите, пригодятся! Вельможный месьор! Ухо-то за что?!

— Возражать мне вздумал? — разъярился Сташув. — Ежели это не девка, то кто, парень, что ли? От господского дружка из Зингары непотребств нахватался? Десятком розог не отделаешься! А ты, потаскуха, марш отсюда, чтоб глаза мои тебя не видывали!

— Сударь, — произнес ласковый девичий голосок, — я и раньше слышала, что люди несколько грубоваты, но чтобы настолько? Извинитесь немедленно! И отпустите ухо моего друга, распухнет.

Внезапно появился свет. Мягкий, золотистый, будто от свечи. Исходил он от очередной подружки Войто — от одежды, кожи, глаз. Волосы вообще заблестели расплавленным золотом. Сташув отшатнулся и разжал пальцы. Войто исподлобья взглянул на каштеляна, прихватив ладню забাগровевшее левое ухо.

Альбова девица. Как есть...

Вот неприятность какая — господских друзей обидеть!

— Милостиво прошу простить, — каштелян искоса воззрился на лучезарную девицу. Магичка, не иначе. — Не хотел, сударыня, сказать ничего плохого, так уж вышло. Вы бы с Войто поосторожнее. Он как в Кайна-Горе появился, блудит направо и налево. Чего вы хотите, молодой еще.

— Я-то была осторожна, — улыбнувшись, прошелестела альбийка. — Зато наш общий друг вовсе наоборот. Поверьте, господин...

— Сташув, — шепотом подсказал Войто.

— Господин Сташув. Поверьте, в некоторых дарованиях человек намного превосходит альба. Отчего вы так покраснели? Не смущайтесь... Вот что, давайте загладим взаимное недоразумение. Полагаю, мои друзья и госпожа Соня еще не успели полностью истребить запасы эля, храня-

щиеся в этом замечательном доме. Пойдемте отпразднуем знакомство?

— Э-э... — растерянно запнулся каштелян.

Золотоволосая девица столь непринужденно подхватила его под руку и повлекла за собой, что сопротивляться не оставалось никакой возможности.

Войто плелся позади, неприязненно поглядывая на месьора Сташува, испортившего ему столь замечательный вечер.

— А вот и мы! — торжественно провозгласила альбийка, приоткрывая дверь кабинета.

— Так скоро? — невинно-язвительно поинтересовался Лэр. — О, у нас новые гости! Данкварт, налейте пива этому пузатому господину и юному другу нашей замечательной Эйи! Вы кто, сударь? Нас пока не представляли.

— Управитель танства Кернодо, каштелян Кайна-Горы, господин Сташув из баронства Альдой, — вместо потрясенного Сташува проговорила Соня. — Знакомьтесь, каштелян. Да входите, не стойте на пороге!

— Я — Лэр из Аэльтунна, — представился альб, от которого смердело пивом, будто от самого запойного из десятников дружины. — Это Эйя, но, кажется, вы уже подружились... Здесь еще Лайлэ, Кэйро, Рингволд...

Упомянутый Рингволд сидел в обнимку с зингарским приятелем хозяйки. Оба над чем-то хохотали, и таковое поведение было в высшей степени нехарактерно для молчаливого выходца с Побережья.

Лэр небрежно ткнул пальцем в очередного гостя, называя его имя:

— Рэльтгонн, упырь из Рудны.

— Кто? — ахнул месьор Сташув. Вгляделся, пошатнулся и первый раз в жизни потерял сознание.

Глава 5

Философия войны

лушай, Данкварт, ты спишь?
— Спал... Да не толкайся. Посмотри, солнце едва всходит. Дай отдохнуть.
— «Едва всходит»? Глаза продери! Полдень недавно миновал.

— Да? Прости, не заметил.

Полностью одетая, свежая и деловая Соня, сверкая природной рыжиной буйных волос, стояла рядом с импровизированной лежанкой господина керлата Рудны и легонько пихала его носком сапога в бок. Данкварт пытался отбиваться, но не преуспевал.

— Поднимайся! Данкварт, сегодня куча дел! Ты не забыл, что собираешь нашу кавалерию? Вставай

— Это ведь не прямо сейчас? — проворчал Данкварт из-под покрывала. — Срок, который мне назначен — целая седмица! Дай поспать.

— Между прочим, — ядовито сказала Рыжая Соня, — Рей давным-давно муштрует дружинных в нижнем дворе. Вообрази, я назначила его сотником тановой гвардии!

— Его мечта сбылась, — лениво проговорил Данкварт, по-прежнему не снимая одеяла с головы. Керлат улегся в углу, постелив на пол бурю медвежью шкуру и реквизировав покрывало, ранее красовавшееся на скамьях. — Рей стал настоящим сотником. Соня, прелесть моя, можно мне сегодня не просыпаться и не думать о благе государства?

— Нельзя, — жестокосердная Соня шагнула к столу, забрала кувшин с водой и, вернувшись, рывком отбросила плед.

Данкварт валялся на шкуре, закрыв глаза и положив кулак под щеку.

— Ты ненормальная! — исходящий из самых глубин страдающей души крик заполнил комнату, вырвался наружу через окно и щель под дверью, напугав щенка дворовой собаки, решившего обследовать второй этаж главной башни Кернодской крепости. На голову Данкварта низвергся водопад холодной колодезной воды. — Вечное Пламя и все боги обитаемого мира! Да будь я проклят!

— Будешь, — кивнула Соня. — Если немедленно не поднимешься на ноги и не займешься делом. Действительно, Кайна-Гора оправдывает свое название. Не могу понять: пили все, маешься один ты. Рей выглядит так, словно только что родился. Войто жив и здоров, хотя выхлебал

вдвое больше твоего. Месьор Сташув отоспался и вовсю гоняет стражу. Альбы, как выяснилось, похмельем не страдают вообще...

Мокрый Данкварт уселся, скрестив ноги и приложил пальцы к вискам.

— Они уехали? — с надеждой спросил вельможный керлат. — А где Рэльгонн?

— Все разошлись, когда ты завалился спать. Хоть помнишь, о чем говорили?

— Середина на половину... Горазды твои бессмертные дружки пиво жрать. Куда только влезают? Два-три подобных вечера — и мне можно будет подыскивать место в некрополе танов Кернодо. Представляю себе эпитафию: «Здесь покоится Данкварт скончавшийся по причине того, что альбы опоили его прокисшим элем». Дай хлебнуть чего-нибудь!

— Спустишься в кухню, — непринужденно посоветовала Соня. — Найдешь эль или пиво. И берись за работу. Твое дело — собрать этим днем дворянский совет. Решай, как обустроить конное войско. Заодно возьми под свое управление дозорный приказ, созданный почтенным месьором Сташувом. Через несколько дней мы обязаны сделать вылазку в земли коренного Райдора, в саму Бритунию. Время не ждет.

Соня презрительно фыркнула, поправила пояс с мечом и исчезла за дверью. Данкварт едва сумел заставить себя встать, тихонько охая, спустился вниз, повернул направо и оказался в огромной замковой кухне. Это что? Свежесваренный эль в бочонке. Остается только взять

ковш, зачерпнуть жидкость, пахнущую травами и специями, и пить, пить, пить...

— Данкварт?

Завалился взмокший Рей.

Надо же, еще и утро не миновало, а кажется, что зингарец с самого рассвета таскал камни в гору. Точно двужильный, никак иначе. Военное воспитание.

— Чего? — простонал керлат. — Только не говори мне, что я должен идти и заниматься с дружиной. Ты теперь сотник? Действуй, и оставь меня в покое.

— Кернодские вояки более чем понятливы, — пожал плечами зингарец. — Строй держат, немного подучить — запросто построят «черепаху»... Я уже попросил у господина управителя заказать у плотников большие деревянные щиты. Оковать железом, приделать ремни...

— Отвратительно, — сник Данкварт, — после такой безумной ночи оставаться настолько деловым. Лучше расскажи, что случилось, когда я заснул?

Рей, как видно, тоже страдавший от недавнего злоупотребления крепким кернодским пивом, слегка отхлебнул эля, посмотрел на Данкварта ясным взором праведника, пожал плечами и кратко доложил:

— Не знаю.

— Как не знаешь?

— Я ушел. Альбы песни начали петь, Рэльгонн показывал колдовские фокусы, а мы... то есть я...

— Мы? — Данкварт поймал зингарца на слове. — Какие такие «мы»? Никак ты с этим, как его?.. С Рингволдом пошел читать кансоны под звездами? Неужто и среди альбов встречаются тонкие ценители и знатоки зингарской поэзии?

Рей довольно громко поставил ковшик на крышку бочонка, молча развернулся и вышел из кухни. Обиделся, что ли?

В памяти начали всплывать события минувшей ночи. Точнее, не сами события, но соглашения высоких договаривающихся сторон, достигнутые за непомерным употреблением хмельных напитков и веселыми разговорами. Данкварт только зубы стиснул.

Во-первых, скупающие упыри-каттаканы из Рудны, способные моментально преодолевать многие сотни лиг при помощи врожденной магии, обещали присмотреть за перемещениями гирканцев и конкретно за туменчи Хасгатом Степным Ветром, который сейчас вроде направлялся на Полдень, в коренную Бритунию.

Вдобавок рудненские чужаки пообещали возможное содействие во время спланированного неугомонной Рыжей Соней покушения на первого военачальника кагана гирканцев Бурэнгина.

Во-вторых, стало понятно, откуда, для чего и почему заявили альбы, доселе считавшиеся смутной легендой далекого прошлого.

Во времена Роты, Всадника Ночи, часть сообщества Бессмертных не покинула обитаемую Сферу, причем по собственному желанию. Аль-

бы ждали, что человечество вымрет, мир очистится от скверны и вновь станет их владением.

Ничего не вышло.

Небеса прояснились, почти сразу после уничтожения крепости Роты люди вновь воспряли, Врата, ведущие к избранной альбами Сфере, закрылись. Мало того, Аэльтунн — огромный город Древнего народа, доселе сохранился, несмотря на предания, повествующие о его разрушении армиями людей. Теперь в нем обитало не более тысячи Бессмертных.

Легенды врал: оказывается, Аэльтунн располагался не рядом с теперешней столицей герцогства Райдор, но гораздо полуночнее, в одном из горных ущелий Кезанкийского края, номинально входившем в земли танства Кернодо. От Рудны лиги четыре к полуночному восходу и... И ничего, поскольку сохранившие часть волшебства альбы сделали все для того, чтобы смертные никогда не нашли их тайное поселение.

В-третьих. Крохотная диаспора Аэльтунна со временем разделилась на два лагеря, две враждующие втихомолку партии. Первую представляли те, кого Лэр называл Изначальными — альбы, рожденные до Изгнания Роты-Всадника, сохранившие память о Золотом Веке и всех прежних временах, полагавшие, что недостойно их древнего народа снисходить до общения с «прямоходящими обезьянами». Изначальные требовали от всех подданных Аэльтунна никогда не встречаться, не говорить и не иметь никаких дел с людьми. Они делали вид, будто не замеча-

ют, как сообщество альбов начинает очень медленно по человеческим меркам, но чрезвычайно быстро по счету истории, деградировать и вымирать.

Вторая партия составлялась из молодежи. Тех, кто появился на свет после Падения Небесной Горы. Тех, кто не хотел жить в замкнутом мире, кого интересовали события, происходящие за пределами Аэльтунна, кто не был предубежден против человека, как существа сородственного. Если бы человек и альб не были близкими родичами, у смешанных браков в прежние времена никогда не появились бы дети....

Лэр и его приятели как раз верховодили над альбами, противящимися старым порядкам. Их возраст исчислялся всего несколькими столетиями; для любого взрослого альба Лэр (хотя он был одним из альбов родившихся до Падения), Эйя или Лайлэ считались детьми. По человеческому счету — лет шестнадцать-семнадцать, а, как выяснил Данкварт, обычный альб живет не менее десяти-двенадцати тысяч лет по счету людей. Детишки. Но умные детишки, решившие, что лучше выйти в широкий мир, чем медленно угасать в затворничестве.

Поначалу Лэр и его сообщники познакомились с каттаканами, обитающими в Рудне. Давно. То есть лет восемьсот назад. Известно, что ребенок альбов взрослеет почти мгновенно, точнее, не взрослеет — приобретает облик взрослого. Над его воспитанием, образом мыслей, если угодно, его душой должен долго и тщательно ра-

ботать внимательный и добрый воспитатель. Каковым и оказался Рэльтгонн, удивительное существо из другого мира, по воле нелепого случая и собственной ошибки очутившийся в чужой Сфере, Хайбории, где каттаканы в легендах местных обитателей превратились из добрых и разумных человекоподобных тварей в упырей и вампиров. Похоже, именно Рэльтгонн подтолкнул Лэра к мысли о том, что проповедуемое Изначальными альбами отшельничество ведет в тупик. И ведь верно — альбы никогда не общались ни с бритунцами-соседями, ни с подданными Немедии, ни с оборотнями Пограничья... Они жили в созданной самими собой тюрьме, куда не допускался человек.

Все закручивалось не так просто, как казалось на первый взгляд. Не-люди, составлявшие абсолютное меньшинство, всегда старались дружить меж собой, надеясь, что подобная дружба хоть как-то защитит их от натиска человека. В Аэльтунне с радостью принимали гномов, брولайхан, последние остатки данхан (сейчас племя лесных карликов представляло собой всего четыре семьи общим числом в сотню душ). Но никогда не звали человека.

— Вы удивительно нецивилизованы, — вполковывал Данкварту Рэльтгонн прошлой ночью. — И не можете даже представить, что такое настоящая цивилизация. Разумеется, в моем понимании этого слова. Когда-то, уже после того, как моя семья навсегда осталась в вашем мире, я очень удивлялся... Я сумел побывать на всех

континентах вашей Сферы, увидеть жизнь сотен племен, но, разумеется, более всего я исследовал жизнь на этом материке — материке Заката, еще именуемом Турайским. Вероятно, падение Небесной Горы, годы владычества Черного Роты и многочисленные бедствия очень повлияли на ваш общий разум, вы откатились к начальным стадиям развития общества. К примеру, на полуночи, у полудиких племен доселе царит матриархат, гипертрофированное и, видимо, искусственно поддерживаемое представление об изначальном величии самки только потому, что она продолжает род. Следствие — тотальное неравноправие между особями разных полов. В Гиперболее, например.

— Как? — переспросил мало что понявший Данкварт.

— Неважно. Вы пьяны, значит, поймете. Мир, в котором я родился, не знает подобных предрассудков. Каттаканы однополы, хотя мы понимаем преимущества двуполых рас. У вас больше возможностей для развития, зато у нас больше времени. Наша цивилизация наполовину техногенная...

— Какая?

— Не перебивайте. Дайте хоть раз высказаться. Так вот, наше сообщество признает как техногенный, так и духовный путь развития. Что такое «техногенность»? Очень просто — наличие механизмов, помогающих биологическому существу. Но в то же время мы сохранили путь мысли. Мы умеем думать, значит, и творить. Часть

творения мы поручили машинам, чем этим коренным образом отличаемся от альбов, которые творят только силой духа. Я им завидую. Эти существа великолепны во всех отношениях. Если бы в чисто человеческий мир однажды попал одинокий альб, он стал бы богом.

— Или его зарезали бы на первом перекрестке, — вздохнул Данкварт. — Мы не принимаем чужого.

— Ах, сударь, — широко улыбнулся Рэльгонн, оскалив все свои клыки. — Что есть «чужое»? Я для вас чужой только потому, что у меня иное строение челюсти и напрочь другая система размножения? Потому что я, когда требуется продолжить род, обязан подселать своего зародыша в теплокровное дышащее существо через кровь последнего? В моем мире для этого существуют неразумные твари, наподобие ваших лосей, оленей, волков или лисиц. Животные, способные выносить моего ребенка, произвести его на свет и одновременно не получить никакого ущерба для себя. Это называется ученым словом «симбиоз» — сосуществование двух видов, когда один берет от другого некие определенные блага и взамен получает что-то для себя. Ваш мир очень убогий. Нищий. Может быть, вам вполне хватает того, что есть, но мне или моим друзьям-альбам этого мало. А теперь вы еще и претерпеваете невероятную катастрофу — крушение старых королевств и традиций, изменение очертаний материков... Люди выживут, я уверен, но... Но пройдет еще несколько тысяч лет, сменятся сот-

ни поколений людей и только тогда вы сравня-
етесь с нами. Поняли?

— Нет, не понял, — пьяно мотнул головой
Данкварт. — Но все равно очень интересно. Ска-
жите, Рэльгонн, надо ли нам с вами равняться?
Кажется, вы проповедуете насилие.

— Разве? — изумился упырь.

— Конечно. Вы хотите притянуть нас к сча-
стью за уши. К счастью в вашем понимании.
Нет? Но ведь я вижу счастье совсем по-другому,
чем вы.

— Возможно, — согласился Рэльгонн. — От-
правляйтесь спать, Данкварт. Ваш организм вско-
ре не выдержит такого количества пива и вы от-
равитесь. Сон избавит вас от неприятных по-
следствий. Отдыхайте. Обещаю, что не высосу из
вас ни капли крови.

— Подите вы...

* * *

Тинг, иначе говоря, дворянское собрание, в
Райдоре являлся весьма почитаемой традицией.
В действительности, существовало множество
тингов — любой эрл, граф, барон или тан имел
право созывать глав благородных фамилий сво-
его владения на совет, но пользовался этой при-
вилегией не столько для того, чтобы выслушать
мнения соседей и вассалов о положении дел в
танстве, сколько ради совместной выпивки и об-
щения.

Государственный тинг Райдорского герцогст-
ва, отдаленно напоминавший Королевский совет
Пайрогии, собирался герцогом раз в год, на
праздник Йуде, ко дню середины зимы.

Приглашенные весело встречали новый год,
заключали договоры о помолвках и свадьбах, пи-
ли, ссорились и мирились, делили земли, сража-
лись на поединках, снова пили, а походя разре-
шали несколько мелких государственных дел,
предложенных герцогом на рассмотрение поч-
тенных гостей.

Разумеется, райдорские герцоги никогда не
выпускали из рук всю полноту власти, однако
посредством тинга создавали для дворян иллю-
зию деятельного участия владетельных господ в
создании законов и управлении отдаленной бри-
тунийской провинцией.

Данкварт, так и не избавившийся от головной
боли, приобрел новую и страдальчески думал,
что туповатыми, но исполнительными крестья-
нами и ремесленниками командовать гораздо
проще, нежели задирающими носы господами.

Дворянская вольница в Райдоре признавала
только непосредственного сюзерена, герцога и
божественную силу в виде Вечного Пламени
Митры Солнечного, из которого была создана
Вселенная. Вельможные господа, привыкшие за
годы мирной жизни к скуке и праздности, вовсе
не желали подчиняться какому-то малоизвестно-
му дворянину, вдобавок лишенному несколько
лет назад ленного владения и титула, предпочи-
тая более говорить, нежели слушать.

Для начала представителей благородногословия, устроившихся под стенами Кайна-Горы, оскорбило негостеприимство госпожи Сони. Если уж затевать тинг, то как положено — в тронной зале крепости, с выпивкой и закуской, шутами и девками, а не где-то там на полянке, у опушки леса. Где кресла с коврами, почему их заменяют толстые бревна, сидя на которых можно застудить филейные части, обретя геморрой? Подумаешь, война! Вы, месьор Данкварт, должны понимать — здесь вам не сиволапые крестьяне собрались!

И еще. Соня была законной наследницей танства. По закону — герцогиней Райдора, ибо погибший герцог оставил единственную «титულную» (то бишь получившую власть по праву пергамента, а не крови) наследницу. И происхождение у этой Сони весьма подозрительное... Мужичку будем на трон сажать?!

Признаться, собралось-то весьма немного людей, от силы полсотни. Участвовать в тинге могли лишь старшие в роду и предводители дружин. Данкварту вполне хватило и такого количества — досточтимые месьоры, не желая проникнуться серьезностью положения, предъявляли все больше претензий, желали видеть лично Рыжую Соню и выдвигали совершенно безумные требования. На стороне Данкварта остались лишь те, кто помоложе, наподобие эрла Эттена и некоторых его сверстников, большинство из которых не пересекло двадцатилетний рубеж. Старшие же только возмущались.

— Не бабье это дело — войско водить! — громыхал сиятельнейший эрл Алаш Румский — здоровенный мужичина с буйной рыжей бородицей. Сам-то, небось, не желает вспоминать, как сбежал из Румы, предпочитая отступление прямой схватке с непобедимыми гирканцами. — Корону пускай носит, это закон позволяет! Хозяйством занимается, как девице и положено! Чтоб войску фураж давать, кормить, зимовку обеспечить. А командовать надо человеку знающему поручить!

— Уж не вам ли, месьор Алаш? — покраснев лицом, заорал в ответ Эттен, стоящий рядом с Данквартом. — Не изволите ли вспомнить, кто драпал триста с лишним лиг, едва углядев единственного гирканца?

— А ну повтори, молокосос! Коли не понимаешь своим воробыиным разумением науку тактику, так и вовсе молчи!

— Ведь что удумала, — поддержал эрла Алаша высокий худощавый старикан с гербами танов Звечских, — какая вылазка? К чему? Только людей положим ни за что, ни про что! Окопаться в Кернодо и носа не высовывать!

— Да, а жрать что? Комаров? Или своего жеребца заколете, когда в кишках пусто будет?!

— Я своего жеребца в Туране за пятьсот золотых ауреев купил!

— На блошином рынке, сударь? То-то он у вас на четыре ноги спотыкается!

Собравшиеся увлеченно внимали. Данкварт морщился и почему-то поглядывал на лесок к

восходу от Кайна-Горы, будто чего-то ждал. Сва-
ра разгоралась.

— Нигде в уложениях не сказано, что девица,
пускай даже законная преемница погибшего гер-
цога Юстиния, может мужчинами командовать!
Не доросла еще!

— Верно, месьюры! Пускай с куклами сидит!

— Так и противоположного в законах не ука-
зано! Вспоминаете герцогиню Рагимунду? И в
походы ходила, и победы одерживала...

— Точно, точно. Заодно, помнится, как-то
тинг разогнала, когда ей возражать принялись!

— То когда было! А коли госпожа Соня воз-
желает против нас слово сказать, без защиты ос-
танется!

— Вот как? Не больно-то вы ее защищаете,
светлейший эрл! Дальше побежите прятаться?
Куда? В Пограничье? Так вас там и ждут! Гля-
дишь, король и пожалует титул государева золо-
таря, хозяйское дерьмо выгрести!

— Месьюры! — тщетно воззвал Данкварт. — А
сиятельные месьюры! Здесь вам тинг или что?

Данкварт сделал ошибку. Внимание разбуше-
вавшихся эрлов мигом перенеслось на его скром-
ную персону.

— Лучше бы помолчали, господин Данкварт
из Бергиса! — владетель Румы, светлейший эрл
Алаш от возбуждения аж поднялся с бревна, на
которое для удобства наложил кожаных поду-
шек. — Вы вообще в тинге голоса не имеете, а
взялись председательствовать! Титула лишились,
вот и помалкивайте!

— Я керлат Рудны, — едва пытаюсь сдержать-
ся, процедил Данкварт. — Звание даровано кер-
нодским таном.

— Так и различайте титул со званием! Пока
вы бегали незнамо где, да умные книжки чита-
ли, много воды утекло!

— ...И за какие такие заслуги госпожа Соня
вас при себе держит? Не изволите просветить?
Звание ночного герцога вам еще не пожалова-
ли?

Это было уже прямое оскорбление. Данкварт
схватился за меч, на его плечах повисли Эттен с
приятелями.

— Тише, месьюры, тише! Придерживайте не-
достойные слова! Алаш, сядьте или не миновать
поединка!

— Да с удовольствием! — подался вперед
Румский здоровяк. — А тебе, умник, повторяю
— утри молоко с губ, засунь язык в задницу и
помалкивай! Не будем под девицей ходить! Да
еще и под низкорощенной!

— Да уж, вы привыкли над девицами завсе-
гда сверху находиться...

— Вельможные господа! Здесь же тинг!

И так далее. Данкварт не бросился в атаку
только потому, что понимал — Рыжая Соня та-
кого поступка не одобрит. Нынешняя хозяйка
Кернодо отлично знала, во что может вылиться
так называемое «дворянское собрание», где Дан-
кварту поручалось сформировать конный отряд.
И намекнула, что примет кой-какие меры. Дан-
кварт даже предполагал, какие именно.

Бесспорно, рудненский керлат мог без осложнений создать небольшой, но действенный отряд из людей наподобие молодого Эттена, числом до трехсот всадников, включая как самих дворян, так и дружины, ходящие под их рукой, но все равно — останется вечно недовольное большинство, которое будет только мешать. Нет ничего опаснее неверного союзника.

Конечно, райдорские таны не переметнутся к гирканцам или варварам-пиктам, но станут действовать по своему невеликому разумению и однажды испортят все дело. Если судить строго, и барон Румский, и все, кто стоит за его спиной — люди неплохие, да только любят не вовремя погалдеть и терпеть не могут подчиняться приказам. Соня рассудила верно: если господа не хотят ее слушаться и согласиться с ее решениями добровольно, их следует добротнo припугнуть. Так, чтобы впредь и вякнуть не посмели против решений кернодского тана.

В подробности замыслов Рыжей Сони Данкварта не посвятили, но велели любой ценой продержаться от полудня до второго колокола, и вот тогда...

Колокол на донжоне Кайна-Горы отбил два удара. Ненужные споры вовсю продолжались, причем толпа увеличилась — подходили родственники участников тинга, создавшие вокруг бревен плотный круг. Это только добавляло шума и неразберихи. После того, как перемыли косточки Данкварту, твердо решив, что лишенному титула и наследства человеку, будь он хоть

десять раз керлатом, доверять руководство не следует, приступили к выборам командующего, но вновь перессорились.

— Страшно смотреть, — тихо сказал Данкварту молодой Эттен, убирая со лба темные волосы. — Будто никакой войны нет... Знаете, как я получил титул тана? Очень просто — вся родня погибла. А восемнадцать мне исполнится только следующим летом. Едва успел вывести часть дружины в леса Пограничья, потом по тайным тропам отступить в Кернодо. Спасибо оборотням — помогли.

— Сочувствую, — кивнул Данкварт. — Вам повезло, месьор Эттен.

— Называйте меня по имени, господин керлат — Босан. И можно на «ты».

— Спасибо.

— Знаете, мне ужасно хочется взять клинок и порубить всю эту орушую шайку в мелкую-мелкую крошку. Разве так можно? Любой благородный человек прежде всего должен отомстить врагу за утерянное, а они... Боюсь, у госпожи Сони ничего не выйдет, даже если ее поддержат колдовские силы.

— Какие силы? — переспросил Данкварт.

— Не прикидывайся. Все видели, как вчера альбы приехали. Слухи по лагерю мигом распространились. Только что такое десяток альбов, пускай и волшебных, против наших взбесившихся эрлов? Да ты глянь! Все-таки подрались!

И точно — кто-то из мелкопоместных танов вцепился в бороду вельможному господину Ала-

шу. Их начали растаскивать, действие сопровождалось негодующе-восторженными криками и разудалым свистом. Данкварт, заинтересованно посматривающий на драку, недовольно отмахнулся от Босана, теребящего собеседника за рукав.

— Данкварт! Поглядите! Да плюньте вы на поганого Алаша! Надеюсь, у него вся харя будет расквашена, а я, если что, добавлю! Данкварт, опять чудеса начались!

Войт среагировал только на слово «чудеса».

К опушке, возле которой происходило столь замечательное заседание тинга, неся вынырнувший из чащобы конный отряд. Всадников двести, не менее.

— Господа! Месьоры, остановитесь! — Данкварт сбросил ладонь Босана с плеча и заорал так, что ветви на деревьях задрожали. — Себя не уважаете, так благородную госпожу Соню уважьте!

Его, конечно, не слышали. Потасовка была в самом разгаре.

— Замрите, не шевелитесь, — Данкварт попятился, потянув за собой Босана. Приближающиеся всадники натягивали луки. — Похоже, это альбы. Видите синее знамя с изображением розы, окруженной звездами? Точно, альбы. Откуда их столько?

Беззвучно поднялась в небеса туча лучных стрел и в стволы деревьев, поваленные бревна, в землю ударили наконечники. Затрепетали белооперенные древка, досточтимые дворяне внезап-

но замерли в изумлении, почуяв неладное. Ни одна стрела никого не ранила, смертоносные острия проходили на палец от человеческих тел, пронзали почву у самых подошв, расщепляли дерево рядом с пальцами сидящих на бревнах, но не причинили никому и единой царапины.

— Здорово! — восхитился Босан, поднимая одну из стрел. — Альбово колдовство! Вот не думал, что Древние вернутся и я когда-нибудь их увижу... Ах, зараза!

Тонкое тисовое древко стрелы, зажатое в пальцах тана Эттена, неожиданно начало расширяться, обращаясь чешуйчатым телом змеи. Босан с испуганным вскриком отбросил оказавшуюся в его руках гадюку и едва не споткнулся о носки сапог Данкварта. Повсюду упавшие стрелы принимали облик темных змей с зигзагообразным рисунком на туловище и острой головой. Твери ползали под ногами перепугавшихся господ, сразу несколько десятков ядовитых гадюк обустроились вокруг самых отъявленных буянов, не исключая месьора Алаша. Вдруг стало очень-очень тихо. Только копыта лошадей били о землю, да беззаботно стрекотали сороки в кустах.

Всадники окружили тинг плотным кольцом. Два предводителя выехали вперед.

Соня в своем обычном костюме — белая рубашка, распахнутый колет, солнечно-рыжие волосы стянуты ремешком на затылке, клинок на левом боку. Рядом с ней знакомый Данкварту синеглазый альб — Ллэр. А за их спинами —

множество его сородичей. Видна остроносая физиономия Лайлэ, больше всех пившего минувшей ночью. Улыбается чему-то.

— У-уберите змеюк! — заикнулся эрл Румский.

— Позже, — ответила ослепительной улыбкой Соня. — Данкварт, ты живой? Надеюсь, вельможные месьоры не успели тебя оскопить?

— Ты подросла в самое время, — хмыкнул Данкварт. — Еще немного — и было бы слишком поздно.

— Достойные дворяне, — проникновенно сказала Соня, окинув взглядом тинг, — придется мне вам кое-что объяснить. И не дергайтесь, пожалуйста. Змеи — они твари нервные и кусачие. Первое. Кто не хочет воевать со мной против гирканского кагана, может отправляться на все восемь сторон света и более не возвращаться. Второе. Кто останется, будет выполнять все, что скажу я и назначенные мною керлаты. Третье. Кто захочет бунтовать — умрет. Я доходчиво выразилась? Потрудитесь рассудить до заката. Месьор Данкварт придет ко мне и сообщит о решении тинга. До свидания.

Соня развернула коня, дала ему шпор и вместе с Ллэром отправилась в сторону Кайна-Горы. Змеи еще немножко пошипели, поизвивались, а потом, будто по неслышному приказу их хозяина, исчезли вообще.

— Кхм... — прочистил горло Данкварт, ободряюще похлопав по спине Босана. — Тинг продолжается, месьоры. Кто еще хочет высказаться?

* * *

Досточтимый рудненский керлат оказался в Кайна-Горе лишь к вечеру, как, впрочем, и было условленно. На этот раз Данкварт приехал не один, с небольшой свитой, состоящей из Босана, тана Эттена, нескольких дворян из области Соленых Озер, включая графа Крейна и двух «вольных эрлов», то есть младших и ненаследных сыновей богатых владетелей, не сумевших разделить землю между многочисленными отпрысками.

Вольные эрлы в Райдоре всегда составляли силу, с которой приходилось считаться, ибо именно они, люди нищие, но благородные, служили герцогам в дворцовой гвардии, достигавшей числом трех тысяч всадников. Абсолютная преданность гвардейцев райдорскому владетелю объяснялась просто — вольные эрлы были всем обязаны светлейшему герцогу, который их кормил, поил и одевал, а при удаче и усердии давал возможность выслужиться и получить собственный лен, образовав новую династию со своим гербом.

Большая часть гвардии полегла во время битвы за Пайрогию, а уцелевшие справедливо рассудили, что если где и можно укрыться, так это в Кернодо. Ни один из гвардейцев не считал себя «бывшим», они присягали Юстинию Райдору и его семье. Следовательно, если герцог и преемники рода по мужской линии погибли, значит, клятва заставляет служить госпоже Соне, как

единственной «титульной», а следовательно и законной, наследнице.

Данкварт перебросил поводья конюху, походя приказал выбежавшему на двор каштеляну устроить новых друзей (месьюр Сташув схватился за сердце, тотчас заявив, что в замке и так полно народу, но, уловив свирепый взгляд Данкварта, примолк) и поднялся наверх. Постоял перед дверью в кабинет, подумал, но все-таки легонько ткнул притвор носком сапога. Обычай такой.

Рыжая Соня с видом великого полководца, озирающего взглядом план грядущего сражения, сидела на углу обширного стола и водила пальцем по рисованной карте Райдорского герцогства и Полуночной Бритунии.

Рей стоял рядом, сжимая в руке полупрозрачный кубок, наполненный (невероятно!) молоком.

— Пиво есть? — устало осведомился Данкварт.

— Угу, — отрешенно кивнула Соня. — Боченок на лавке справа, посмотри. Чем кончилось историческое заседание тинга? Надеюсь, вельможные месьюры оценили мой спектакль? Альбы старались от души...

— Где ты набрала столько этих пропойц? — керлат налил себе полную чашу, залпом выпил половину и плюхнулся в свободное кресло. — После истории со змеями и твоего появления наши благороднейшие подданные...

— Наши? — подняла взгляд Соня. — По-моему, это мои подданные. Скажем так, временно...

— Не придирайся к словам. Так вот, я продиктовал им все, о чем мы условились утром. Удивительное дело, хоть бы кто пикнул! Только не знаю, надолго ли хватит их терпения, молчаливости и страха? Хочешь совет? Давай устроим показательную казнь! Например, снесем голову месьюру Алашу из Румы. Он орал громче всех.

— Насилие — плохой способ решения проблем. Своего лучше добиваться только через угрозы и запугивание, — непринужденно сказала Соня. — Данкварт, не вздыхай так умиленно. Это не моя фраза. Я ее слышала однажды от герцога Юстиния, в самом начале войны, когда мы полагали, что гирканцы собираются в обычный набег и не вынашивают планов великого завоевания Заката.

— Ты достойная ученица своего покровителя. В общем, кавалерия у нас есть. Тысяча четырехста всадников. Некоторые отказались, и я посоветовал им покинуть Кайна-Гору. Вроде бы не смирившийся эрл Румский с приятелями собираются уехать в Офир, под защиту монарха Золотой Страны и нашего, бесславно бежавшего от степняков короля... Чтoб его сплющило, труса!

— Эти господа совершают ошибку, — вставил зингарец. — Офир сейчас под серьезной угрозой. Мы с Соней посидели, подумали и решили, что кампанию против государств Полудня каган Бурэнгийн завершит за две луны, если ему ничего не помешает. Удар по двум неожиданным направлениям, Хасгат Степной Ветер отсечет полуночные области Бритунии от хлебных запасов на

полудне... Тогда мы окажемся в полном окружении. За спиной — хребет Граскаальских гор, слева — Кезанкийский хребет, остальные две стороны света заняты степняками. Каган гирканцев Бурэнгийн не успокоится, пока не раздавит Кернодо. Мы для него как шило в заднице.

— Скорее, он просто не обратит на нас никакого внимания, — предположил Данкварт. — Кто мы такие? Богатств особых нет, да, впрочем, эта война ведется отнюдь не ради обогащения, а ради овладения миром... Такое в истории уже бывало — помните нашествие хайборийцев на Кхарийскую империю? Если гирканцы все-таки всерьез решатся уничтожить Кернодо, можно будет отступить по горным тропам на Полночь, к стране оборотней, в Пограничье.

— Ты гений, — усмехнулась Соня. — Идти зимой через перевалы? Скольких людей мы сможем забрать с собой? Сколько уцелеет за время путешествия? Несколько десятков? Даже не думать об этом! Единственное, что мы можем делать — гадить Бурэнгийну по мелочи. Разорять тылы, убивать военачальников. Пугать, наконец! Ты спрашивал, откуда появились альбы? Алэр предводительствует над двумя отрядами своих единомышленников, каждый числом в две сотни. Альбы — это не только мечи, но и колдовская сила, которой Древний народ владеет изначально. У нас магов нет — только ты, со своими малыми способностями, прочие либо разбежались, либо перешли на сторону врага. А вот альбы великие мастера по части иллюзий. Каждый.

С их помощью мы сумеем добиться неплохих результатов в войне.

— Альбы решились помочь просто ради развлечения или же выставили условия? Ты чего-то не договариваешь...

— Я и сама не понимаю, чего они хотят. Алэр несколько раз намекал, что альбы, конечно, патриоты, если, конечно, таковое слово можно применить к этим существам, однако рано или поздно он потребует уплаты. Но какой? Золото? Смешно! Альбы не собирают материальные богатства, золото для них только красивый металл и ничего более.

— Политика, — подсказал Рей. — Альбов мало, они сидят запертыми в своем городе. В случае победы, что, по-моему, невозможно, альбы могут потребовать предоставления земель и равных прав с людьми в райдорских владениях.

— Я с удовольствием даровала бы им такие права, — задумчиво сказала рыжеволосая кернодская госпожа, — но история учит: союзы альбов и людей никогда не приводили ни к чему хорошему. Они живут столетиями, мы — меньше века. Алэр, с которым я могу заключить договор, уйдет из этого мира через полторы тысячи лет, а то и больше. За это время сменится двадцать поколений моих потомков, которые быстро забудут, о чем там договаривалась с долгоживущим альбом их пра-прабабушка. У нас разное ощущение времени. Или альбы нашли способ, как обойти это препятствие? Не знаю... Вдобавок Алэр постоянно твердит: война бес-

смысленна, обречена на поражение, изначально проигрышна, ибо...

Данкварт, не дожидаясь, завершил фразу:

— Мы боремся со следствием вместо того, чтобы уничтожить причину?

— Слово в слово! Однако как бороться с причиной — альбы не представляют. Смещаются плиты материков, континенты постепенно меняют очертания, многие области погрузились в море, варвары невероятно размножились и хапают себе столько новых земель, что хватит на прокорм новых бесчисленных орд. Когда народятся... Мир разрушается! И мы можем приостановить обвал, но не стать преградой на его пути!

— И что нам делать?

Рыжая Соня сжала губы и проронила:

— Сопrotивляться! Иначе нас утопят как крыс.

* * *

— Разрешите пожелать вам доброго вечера.

Сейчас Рэльгонн появился неожиданно — просто возник из воздуха в дальнем углу кабинета. Одет, как всегда, в черное, в озаряемом свечами полумраке глаза каттакана полыхают золотом и белоснежно поблескивают конусообразные зубы из-под приподнятой верхней губы.

— Как я же рада вас видеть! — всплеснула руками Рыжая Соня. — Пива или, может быть, вина?

— Благодарю, — куртуазно поклонился бывший ближе к полуночи упырь. Рэльгонн пе-

реместился ближе к столу, сел на табурет и устался на разложенную карту. — Давайте сразу займемся делом. К сожалению, ваш план несколько неточен, но если лучше наглядного пособия не найти, я сумею указать передвижения вражеских отрядов и на этом рисунке. Вот собственно Райдор, замок герцогов. Полуденные города стоят два тумена, подошедшие со стороны Коринфийской границы. Еще десять тысяч гирканцев и кочевников отошли дальше к полуночи, превратили в пепел Великое Герцогство Хорнет на Восходе Бритунии и остановились в ста лигах от Пайрогии. Примерно вот здесь... Они сосредотачивают силы для мощного удара вдоль полуденных рубежей Коринфии и Офира к морю. Видел Хасгата Степного Ветра — мерзкий тип, но умный человек, это чувствуется.

— Неужели сами видели? — скептически отозвался зингарец.

— Разумеется. Вы бы, молодой человек, не ёрничали, — Рэльгонн, будто походя, чуть шевельнул ладонью с длинными гладкими ногтями, и Рей, внезапно исчезнув из зримого мира, моментально оказался возле двери. — Прогуляйтесь за обещанным вином. Оно ведь хранится в подвалах, не правда ли?

Зингарец, которого впервые за долгое время всерьез удивили — как же так, только что сидел по правую руку от Рыжей Сони, и вдруг за мгновение переместился на пятнадцать с лишним шагов? — посмотрел на Рэльгонна уважительно и отправился восвояси.

— Он сомневался, — улыбнулся каттакан. — Пришлось доказать свои преимущества над обычным человеком. Пожалуйста, во имя Вечности, не обижайтесь на эти слова. У смертных насчитывается гораздо больше преимуществ, чем у нас. Итак, продолжим. Через шесть-семь дней Хасгат минует Бритунийское королевство и окажется за его пределами. Степной полководец полностью уверовал в собственную безопасность, его охраняют две или три сотни гвардейцев, как они называются? Нукеры?

— Именно, — подтвердил Данкварт, хорошо знакомый с наречием Гирканской Степи.

— Значит, я не ошибся. Длинный язык кернодских лесов вдаётся в широкие просторы Полуденного Райдора, рассекая пшеничные поля, вырубки и речные поймы приблизительно на двадцать лиг. Мне кажется, наиболее краткий путь от нынешней ставки Хасгата к офирским границам идет именно по этой заросшей елью полосе. Вдобавок там проложена отличная дорога, кажется, у людей она называется «Дорогой королей»? Мои родичи тщательно следят за всеми передвижениями гирканцев, и если вдруг этот человек, справедливо прозванный Степным Ветром, поедет на Полдень, за Пайрогию, не огибая леса с полуденного заката, то... То с ним может случиться маленькая неприятность.

— А вы сами, почтенный Рэльгонн, не могли бы убить Хасгата? — внезапно спросила Соня. — Если вы говорите, будто можете следить за ним так, чтобы вас не замечали, значит...

— Это ничего не значит, — умиротворяюще сказал Рэльгонн. — Соня, дорогая моя владычица, я прожил в этом мире много лет и знаю, какие возможности предоставляет мне Средняя Сфера, как новая родина. Для того, чтобы следить, шпионить, соглядатайствовать, мне не обязательно перемещать к месту назначения мое тело. Достаточно мысленного взгляда. Господин Данкварт тоже владеет похожими способностями, пусть и в гораздо меньшей мере. Да, я могу перемещаться когда угодно и куда угодно, но предпочитаю не рисковать.

— Пачкаться не хотите?

— И это тоже. Хасгат Степной Ветер просто обманутый человек. Человек, на разум которого могуче воздействуют силы ваших богов, решивших изменить облик Хайбории. Изменить навсегда. В сущности, он ни в чем не виноват — Хасгат просто воин. И он выполняет приказы.

— Мне кажется, — ледяным тоном начал Данкварт, — что прозвище Степной Ветер, который уничтожает все на своем пути, так просто не дают. Обманули его или нет, но всю затаенную жестокость Хасгат обращает против обычных людей, ставших жертвами войны. С полудня Бритунии, из Коринфии, Заморы, приходят очень нехорошие донесения. Убивают всех, сжигают села... Раньше гирканцы брали рабов, теперь их главной целью стало уничтожение жизни. Рэльгонн, если вы настолько могущественны, убейте Хасгата. Вам это нетрудно. А ведь вы даже можете убить кагана Бурэнгийна... Достаточно

но на мгновение возникнуть в его шатре, вонзить нож в сердце и столь же быстро исчезнуть.

Упырь прикрыл желтые глаза тяжелыми дряблыми веками и, выдержав паузу, заговорил:

— Помните, я упоминал об условиях своей помощи? Я не стану нарушать установленные моим народом законы морали. Каттаканы не убивают разумных существ, если такое убийство не требуется нам для продолжения рода. Хотите, я вместе с родичами похищу Хасгата? Доставлю его сюда, в Кайна-Гору, далее вы можете прочищать ему мозги, перевоспитывать и уговаривать... Или, если угодно, торжественно казнить. Убивать я не стану.

— Пойдите, — остановила спор Соня, — Данкварт, Рэльгонн! Умерьте пыл! В настоящее время смерть Хасгата должна произойти не от ножа появившегося в ночи убийцы! Я поняла, что нужно делать!

— Хотелось бы послушать, — заинтересовался упырь. — По-моему, вы первой начали разговор об убийстве. И вдруг изменили свое мнение.

— Простая, объяснимая смерть одного из подручных повелителя гирканцев Бурэнгийнна не станет событием, — горячо сказала Соня. — Его тотчас заменят. Другое дело — внезапный налет, ночная битва... Гирканцы полагают, что теперь они хозяева, господа, которые могут ничего не бояться, которым не оказывается никакого сопротивления. Нужен эффектный, громогласный и запоминающийся всем ход! С криками, пожарами, шумом, магией! Сделать так, чтобы это со-

бытие стало как можно более громким! Пусть все люди на Материке узнают — гирканцы и их Хозяин только лишь создали легенду о непобедимости. Степнякам, терзающим Аквилонию пиктам и нордхеймцам, жаждущим наших земель, можно противостоять. Хитростью, подлостью, ударом в спину, но все-таки можно!

— Соня, — позвал Данкварт, — тебе не кажется, что сейчас твоими устами говорит Судьба нашего материка? Та самая судьба, воля богов — причем не наших, а зверобогов вышедших из вечной тени, которые жаждут непреодолимой ярости, страсти уничтожить противника... Сильных чувств, которые порождают только времена, подобные нашим.

— Самое великое чувство после любви — ненависть, — добавил Рэльгонн. — Частенько они равняются меж собой. Хотя я не вижу особой разницы между пламенной любовью и пепелящей ненавистью. Лучше оставаться посередине.

Данкварт подумал и буркнул:

— Тупик. Сражаться нельзя, склонить голову перед судьбой тоже. Рэльгонн, я не понимаю вашей философии и не хочу следовать собственным чувствам. Последние никогда не приводили к добру. Предпочитаю получить ясный приказ. Соня?

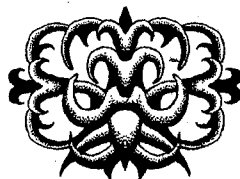
— Сражаться, — отрезала она. — Потом видно будет.

Глава 6

Первая победа

ударь, сударь!

— Войто, паршивец! Еще раз откроешь дверь ногой — отправлю на всю седмицу чистить хлевы!

— А что, месьюр? Для меня это ремесло привычное. У нас в деревне...

— Тогда отошлю к альбам! Пусть они займутся твоим воспитанием. Разве не видишь, что мы с госпожой Сонеи работаем?

Войто подозрительно оглядел стол, кубки с ягодным вином, нарезанный копченый окорок, тарелка с которым прижимала угол заляпанной жиром карты, и подивился. Если благородные господа так работают, то как же они отдыхают?

— Так я, досточтимые господа, по делу.

Данкварт едва сдержался — хотелось попросту выставить настырного Войто за дверь и улечься спать хотя бы на короткое время до полудня. Всю ночь вельможный керлат, Рыжая Со-

ня и Рэльгонн провели за философически-пустыми беседами, поименованными язвительным упырем «неприкладным умствованием». Рассуждали о судьбах мира, древних, новых и будущих временах, делились соображениями и глубокими мыслями, реализовать которые не имелось никакой возможности.

Едва начало рассветать, Рэльгонн, сославшись на врожденную непереносимость к солнечному свету, откланялся, поцеловал ручку Соне и исчез, переместившись в подвалы Рудны, надежно защищающие семейство каттаканов от жарких лучей светила.

Данкварт, кстати, осведомился, что произойдет, если Рэльгонн окажется в ясный день посреди открытого поля. Хотелось развеять еще одну легенду, повествующую о том, что ночные кровопийцы превращаются в живые факелы, едва их коснется свет Вековечного Пламени.

— Сильный ожог, — вздернул плечи Рэльгонн, выпячивая нижнюю губу. — Затем — долгая болезнь. Данкварт, суньте руку в кузнечный горн и поделитесь впечатлениями. На меня не действует обычный свет — свеча, факел... Но близлежащая звезда испускает огромное количество силы, именуемой словом «свет». Мне опасен не сам свет, но несомые его лучами незримые частицы. Долго объяснять, вы не поймете. Невидимые лучи и все такое прочее... Я очень сожалею, что ваше разумное сообщество доселе не сумело развиваться в цивилизацию, имеющую хоть малейшее представление о структуре мира, в

действительности состоящего из мельчайших частиц.

Заметив разгорающиеся глаза Данкварта, упырь замахал руками так, что его желтоватые ногти слились в длинные полосы.

— Нет, нет, никаких объяснений! Я с вами прощаюсь до грядущей ночи. Думаю, мои драгоценнейшие родичи успели разведать что-нибудь интересное. Я вам непременно сообщу...

Рэльгонн картинно запахнулся в плащ и растворился в воздухе. Будто свечу задули. Спустя несколько мгновений в коридоре башни раздался громкий топот. Цокали по камню подковки сапог. Дверной косяк вновь содрогнулся от удара.

— Войто, — устало сказал Данкварт, — что там случилось на этот раз? В рудниках гномы из щелей полезли? Или Эйя решила взять тебя за муж и ты хочешь попросить разрешения у госпожи?

— Скажете тоже, господин... — покраснел Войто. — Каштелян прислал. У него донесения имеются.

— Ты по-человечески можешь говорить?

— Передай господину Сташуву, — не выдержала Рыжая Соня, — чтобы отправлялся со своими донесениями к демону на пирушку! Еще пятый полуночный колокол не прозвонил! Я собираюсь спать, и кто мне мешает...

— Славная госпожа! — взмолился Войто. — То особые донесения! Гонец с дальних застав примчался ночью! Степняки-гирканцы появились!

Опять по Пайрогийскому тракту прут, тьмой неисчислимой! Тыща, не меньше!

Малознакомый с наукой исчисления Войто мог подразумевать под словом «тыща» и полный туман, отправленный на покорение Кернодо, и заблудившуюся сотню гирканцев, случайно сбившуюся с дороги. Но с другой стороны, известие так или иначе неприятное.

Сонливость как рукой сняло. Наконец-то можно проверить едва организовавшуюся кернодскую армию в деле.

— Войто, — Соня, подхватив перевязь со своим памятным мечом, добытым в оружейной коллекции туранского императора во время штурма Аграпура, подняла взгляд на мальчишку, — где альбы стоят, знаешь? Ты у нас все знаешь...

— Как же! Полторы лиги к полуночному восходу, по Водопадной тропе, там ихний лагерь.

— Слушай внимательно. Сейчас берешь коня...

— Месьор Сташув заругается! Конёв брать не приказано.

— Я сказала — берешь коня! Скачешь к альбам, находишь Лэра...

— Да как же я его найду посреди ночи?

— Тогда находишь Эйю, а она ищет Лэра. И не перебивай старших! Лэру передаешь от меня приказ немедленно быть со всеми конниками возле Кайна-Горы.

— А не послушается?

— Бегом!

Обескураженный свалившимся на него ответственным заданием Войто исчез за дверью, как видно, столкнулся с кем-то в галерее, отчего последовало два потока ругани — один молодым дискантом, другой — суровым басом. Притвор вновь распахнулся, содрогнувшись от удара подошвой тяжелого сапога.

— Вельможная сударыня!

— Что?! — в один голос рявкнули Данкварт и Соня. На пороге пыхтел взволнованный каштелян.

— Так оно... Степняки изволили пожаловать!

— Тьмой неисчислимой? — невинно поинтересовался Данкварт. — Тыща, не меньше?

— Больше, — доложился месьор Сташув, у которого внезапно пропало чувство юмора, если оно вообще когда-то имелось. — По донесениям — пятнадцать сотен. Заявились на тракт прошлым вечером, остановились на ночь возле Кобылок...

— Возле кого?

— Деревня такая, в восьми лигах к полудню. Была. Сожгли они ее. Надо полагать, из векового военного озорства или по особой злобе. Теперь наверняка в сторону Кайна-Горы ползут. Прикажете готовить замок к осаде?

— Какая осада? Сдурел? — взвилась Рыжая Соня. — У нас тысяча триста конных да кайнагорская дружина, да четыре сотни альбов!

— А в подвале мышь на аркане, да и та повесилась, — раздраженно отвечивал каштелян. — Дозорных, госпожа моя, надо будет на кол по-

садить! Пропустили вражин почитай в середину танства, теперь гонцов шлют — спасайте! И как погань степная по тракту незамеченной прошла от самих пайрогийских пределов?

— Потом решим, кто прав, кто виноват, — перебила Соня. — Как, говоришь, деревня называется, Кобели?

— Кобылки... — насупившись, бросил Сташув, недовольный тем, что госпожа доселе не сподобилась в точности ознакомиться с географией Кернодо. — Значит, никакой осады? В поле разобьем?

— На ваших полях, вельможный каштелян, — яростно ответила Соня, сражаясь с пряжками ремней перевязи, — если что и можно разбить, так только собственную морду, в яму свалившись! А ну, оба ко мне! Данкварт, вот Кайна-Гора, — молодая госпожа ткнула пальцем в план. — Дикари идут точно с полудня по тракту. Вокруг замка проплешины в лесах. Там, где вчера был тинг, ставь в засаду дворянскую конницу.

— Всю?

— Всю. Альбов спрячем за скалой. Дружина пускай остается в крепости. Когда гирканцы подойдут, ударим сразу с двух сторон. На стенах лучников расставим.

— Ага, — мелко закивал керлат. — Штурм туранской столицы, Аграпура, помнишь? Как накрыли огнем из катапульта собственную конницу? Может, проще их в болото завести?

— Не проще! Нам нужны лошади. Либо прибудим гирканцев сдать, либо перебьем. Наше

превосходство очевидно — замок на скале неприступен, тракт можно перекрыть поваленными деревьями, а если степняки решатся отступить через лес, им конец. Альбы аккуратно перебьют всех до единого. Заодно попробуем использовать магию.

— Не уверен, что у меня получится создать хотя бы десяток огненных шаров, — заметил Данкварт. — Какую-нибудь жуткую иллюзию я обеспечу, но с боевым волшебством пока туговато. Умения не хватает.

— Так готовиться к осаде? — стоял на своем каштелян. — Или понадеетесь не на каменные стены, а на дурную магию? Кто ж в нынешние времена настоящим колдовством владеет, кроме альбов?

— Вам, достойный месьор, — Данкварт раздраженно зыркнул на Сташува, — жаба в штаны никогда не попадала? Так выньте ее поскорее, да не разглагольствуйте о вещах, в которых не смыслите!

Месьор Сташув позеленел, почуяв, как под одеждой зашевелилось что-то большое, живое и холодное, после чего рванул завязку и извлек из правой штанины неведомо как очутившуюся там огромнейшую жабу размерами со щенка волкодава. Мерзкая тварь выражением морды и крупных золотистых глаз имела невероятное сходство с каштеляном.

— Делом, месьоры, занимайтесь, — изрекло бородавчатое чудо, которое потерявший дар речи Сташув держал за заднюю лапу. Жаба извер-

нула, подмигнула и добавила ясным голосом: — Штаны-то поддержите, не то упадут.

— Всеблагие небесные силы, Иштар Славная! — бледный каштелян отшвырнул порождение волшебства Данкварта в угол и левой рукой схватился за сползающие штаны. — Не шутите так над стариком, вельможный керлат! Так осаду-то готовить или как?

— Ворота закрыть, дружину на стены! — командовала Рыжая Соня. — Сейчас же поднять конницу, женщин и старцев перед тем пропустить в крепость! Данкварт, займись! Сташув, когда заявятся альбы, впустите девиц-альбиек. Правда, я не уверена, что Эйя и ее подружки захотят отсидеться за укреплениями. Воевать, стервы, полезут. Ну, чего стоите? Исполняйте!

* * *

К полудню Кайна-Гора целиком приготовилась к встрече противника. Данкварт при помощи тана Босана Эттенского сумел быстро организовать боевое конное построение дворян, палаточный лагерь свернули, небоеспособных отправили наверх, в крепость. По своему разумению Данкварт несколько изменил диспозицию, отдав предпочтение открытому боевому построению у опушки леса. Бритунийские кнехты выстроились полукольцом, отдельный засадный отряд под командой незаменимого Рея и Босана скрылся в перелеске, а главная сила поблескивала под солнцем доспехами и поднимала на копья

ях цветные вымпела. Едва гирканцы завидят врага, они непременно бросятся в атаку, увязнут в сражении с конной тысячей. Когда настанет время — с тыла ударят альбы и всадники тана Босана.

Данкварт понимал, что ставит рыцарство под удар степных стрел, но укрыть всю конницу в густых зарослях, окружавших скалу Кайна-Горы, не представлялось никакой возможности.

Победа так или иначе очевидна — вышедшие с тракта гирканцы окажутся в полном окружении. Крестьяне из близлежащей деревни перекроют дорогу завалом, охотники с луками устроятся на ветвях сосен, альбы непременно исползуют волшебство...

— Сударь!

— Войто, только тебя здесь не хватало!

Доблестный страж тановой крепости примчался к возглавлявшему конницу Данкварту на взмыленном, низкорослом, но могучем жеребце, принадлежавшем досточтимому Сташуву. Надо полагать, Войто понял распоряжение госпожи Сони дословно, и прихватил из конюшни лучшего скакуна, которого нашел. Правда, Войто не успел оседлать лошадь, но легкому всаднику без седла ездить проще.

— Госпожа прислала с сообщением!

— Говори.

— Альбы стоят к полуночи и полудню от скалы. Госпожа просила передать, чтобы битву начинали только после переговоров. Если степняки

откажутся сдаться, поднимите над строем три синих знамени.

— Войто, ты почему кольчугу не надел? И шлем где?

— Так второпях позабыл... Чего прикажете передать госпоже Соне?

— Ответь, что понял. Три синих вымпела над головой отряда. Только не знаю, захотят ли ди-кари вести переговоры. Поезжай. И еще... Войто, ты лучше не суйся в самую гущу.

— Не, сударь, мне интересно. Вы за меня не беспокойтесь, я с альбами буду. Защитят, если случится горячее дело.

Войто ускакал, не слыша, как со стены Кайна-Горы месьор Сташув честит конокрада последними словами. Надо же, наглец, каштелянова коня увел! Теперь Войто десятью розгами не отделается!

— Приказ по цепи, — Данкварт повернулся к одному из вольных эрлов, принявшему на себя обязанности керлатова оруженосца. — Отдельными отрядами в битву не вступать! Только по команде! Выстроиться в три клина — два фланговых впереди, центральный отстает на двести шагов. Возьмем варваров в клещи. Ясно?

Удивительное дело, господа дворяне со своими дружинами послушались — после перестроения образовалось три группы всадников. Если посмотреть сверху, действительно покажется, что на поле брошена клешня речного рака. Красиво: тяжелые доспехи, закрывающие все лицо шлемы с цветными плюмажами, кольчуги переливаются

серебристой рыбьей чешуей, яркие гербы на щитах... Но достаточно вспомнить, сколько раз гирканцы таких красивых кнехтов гоняли как щука окуньков, и предположения об исходе грядущего боя становятся весьма туманными.

Солнце миновало зенит, лошади нетерпеливо топтались, за спиной Данкварта все громче слышался недовольный говорок — мол, лишнюю панику подняли. Коли бесполезное ожидание продлится и дальше, господа кнехты снова начнут буянить, будто на тинге, и наверняка обвинят керлата в том, что гирканцы задерживаются.

Из лесочка справа вынырнули идущие на рысях райдорские всадники, числом до пятидесяти. Под золотистым с черной свернувшейся саламандрой штандартом Румы. Надо же, эрл Алаш появился! А только вчера вопил, что уедет в Офир!

— Позвольте поучаствовать? — прогремело из-под шлема эрла, направившегося напрямик к Данкварту. Металлическая личина по краям укралась прядями не вместившейся рыжей бороды. — А, вельможный керлат?

— А как насчет вчерашнего? — недовольно спросил Данкварт.

— Вы, сударь, не берите в голову. То от горячности крови и природенной резвости характера. Мне чего, извиняться? Тогда покорнейше прошу простить за несдержанность.

— На левую сторону идите, — указал Данкварт. — И чтоб без самодетельности! Иначе не миновать вам плахи, господин Алаш.

— Так мне ее, родимую, так или иначе не миновать. Из-за помянутой окаянной резвости... Тихо!

Алаш сдернул с головы шлем, сверкнул ярко-рыжей бородой и поднял руку. В отдалении послышался ровный топот многих сотен копыт. От просеки Пайрогийского тракта на распаханые поля под Кайна-Горой выходили первые степные сотни.

* * *

Данкварт, участвовавший в великой битве при Аграпуре, и наслышанный о некоторых других сражениях, прогремевших минувшим летом в Туране и Бритунии, неплохо представлял себе тактику гирканцев. Внезапный удар малыми силами, отступление, затем, если противник начинает преследовать легких конников, в бой вводятся свежие тысячи, дожидавшиеся в отдалении. Очень долго такой способ ведения боя себя оправдывал — тяжелая кавалерия бритунцев или немедийцев не в состоянии преследовать быстрых, очень подвижных, вооруженных только саблями и луком степняков, не говоря уж о пехоте.

Сегодня ратников кагана Бурэнгигна лишили возможности совершить свой обычный маневр. Во-первых, гирканцев слишком мало, во-вторых, свободное пространство вокруг Кайна-Горы весьма ограничено. И в-третьих, степняки повели себя неожиданно.

Обычно перед сражением, согласно традициям Вечной Степи, командиры туменов высылали вперед одного всадника, который вызывал на бой самого ловкого и сильного воителя из стана противника. Иногда гирканцы шли на переговоры, в основном предлагая немедленно сложить оружие, еще реже — предлагали обменяться пленными. Но вышедший к Кайна-Горе отряд пренебрег всеми старинными уложениями, и, даже не сумев толком построиться в обычный для конных армий кагана Бурэнгийна полумесяц, рванул на врага оголтелой, плохо организованной толпой.

— Ничего не понимаю, — бормотал Данкварт, наблюдая, как дикари, пустив лошадей в галоп, поднимаются от леса к небольшому войску Кернодского танства. — Их тысячник спятил, не иначе! Это же закон — кавалерия никогда не атакует вверх по склону! Надо ловить момент!

Черно-коричневая лава гирканцев приблизилась на четверть лиги, Данкварт два раза взмахнул рукой, приказывая поднять один синий, один красный и один зеленый вымпел, давая понять засевшим в перелеске лучникам — пора угостить пришлецов несколькими залпами. Густой рой стрел появился, будто ниоткуда, взметнулся к синему небу в кляксах кучевых облаков, затем ринулся вниз, накрывая первую волну атакующих.

Никакого впечатления на гирканцев это не произвело. Конечно, лучные залпы выбили из седла изрядное количество всадников, покалечили

лошадей, однако наползающий бурный поток не остановили и даже не замедлили его движения. Казалось, варвары разъярились еще больше.

— Слу-ушай! — поднял голос Данкварт. — Правое крыло, левое крыло — вперед! Центр — по приказу! С нами Митра Солнцезарный!

Лесок поднятых копий по сторонам от отряда Данкварта опустился, направившись на врага, ощутимо вздрогнула земля под тяжелой поступью боевых лошадей, два фланговых отряда сначала медленно, потом все быстрее и быстрее пошли в бой — клинья едва заметно расходились в сторону от центра, рассчитывая сжать по бокам конницу гирканцев.

Теперь настало время всадников, которыми командовал Данкварт.

— Двинулись! — рявкнул керлат. — Держать строй!

Он рывком опустил забрало нового шлема, выкованного кернодскими умельцами, металл противно скрипнул. Щит закрывает уязвимый левый бок и грудь, клинок вылетел из ножен и блеснул в солнечных лучах, конь недовольно фыркнул, почувствовав толчок шпорами и с места сорвался на довольно резвую рысь.

«Ошибка! Ошибка, которую впредь допускать нельзя! — машинально заметил самому себе Данкварт, озирая через прорези шлема склон, на котором уже начало разгораться сражение. — В стычках с гирканцами никогда не вооружать кавалерию тяжелыми и неудобными копьями, пригодными только для поединков между кнехтами

или атаки на строй пехоты! Надо работать мечами!»

Как и было запланировано в диспозиции, крылья кернодского войска охватили беспорядочную толпу гирканцев, которые сами, повинувшись глупости тысячника или чувству собственного превосходства, лезли на рожон. Небось привыкли легко побеждать. Бритунийцы и рыцари Райдора стиснули варваров с флангов, в центр врубился тяжелый отряд Данкварта, могущий похвастаться не только кольчужными, но и громоздкими металлическими доспехами, неуязвимыми для плохоньких степных сабель. Однако натиск оказался невероятно силен — гирканцы разбили клин Данкварта на две или три кучки, окруженные со всех сторон яростно визжащим врагом

Данкварту везло — спасал доспех. Сабельные удары соскальзывали по наплечникам, отражались окованным щитом, кольчуга была крепка и надежна. Но если его возьмут в круг и начнут рубить со всех сторон — никакая магия не спасет. Уяснив, что варвары находятся под сенью какого-то непонятного волшебства, Данкварт сам машинально начал использовать невеликие знания в колдовском искусстве. Ничего сложного — шепнул заклятье, мысленно представил его действие, отослал силу в нужном направлении... Частенько требуемые сочетания слов ложились на язык сами, почти без участия разума — огненный шар создать крайне трудно, да в такой суете и невозможно, угодишь в кого-нибудь

из своих, однако набросить невидимые арканы на шеи двух или трех гирканцев, стянуть их, рвануть за созданную мыслью веревку... И вот уже враги валяются под копытами напуганных шумом, кровью и запахом смерти лошадей.

Перевес продолжал клониться в сторону гирканцев. Отчего? Силы практически равны, если ударят альбы — степняки не выдержат и побегут. Любой одоспешенный кнехт может уложить десяток варваров, снаряженных лишь войлочными стеганками и кожаными шлемами. Видимо, дикари были твердо уверены в своей победе. Не встречая раньше сколь-нибудь серьезного сопротивления, они разучились быть осторожными, оставаясь при том крайне опасными.

Внезапно, когда Данкварт уже начинал тихо паниковать, небеса раскололись. Грянуло так, что некоторые лошади, обезумев, начали отбивать по залитой кровью земле какой-то невероятный танец, сбрасывая всадников.

По металлу кольчуг зазмеились синие искры, солнце исчезло, закрывшись черной непроглядной тучей. Очень походило на явление какого-либо сочувствующего людям воинственного божества, вроде Эрлика Победоносного, да вот чувство опасности неожиданно сменилось странной радостью. Теперь колдовская гроза не несла смерть и разрушение — в битву вступили альбывы колдуны.

Данкварт и его кнехты ощутили неожиданный прилив силы, будто и не было изматывающей схватки, гирканцы теперь смотрели не ра-

достными глазами самоуверенных победителей, а скорее испуганно и непонимающе, постоянно ревел гром, в котором слышались перестукивания победных барабанов, и ветер нес в лица варваров неизвестно откуда взявшуюся серую пыль, мешавшую взгляду.

Несмотря на удивительную помощь древнего народа, зазевавшийся от неожиданности Данкварт пропустил сильнейший удар эфесом сабли по шлему. Металл надрывно взвизгнул, издал неприятное «кряк!», в глазах потемнело, а среди мрака запорхали разноцветные искры и начали расплываться невиданные соцветия, обращающиеся в круги, кольца, змеящиеся полосы... В последний миг Данкварт понял, что его еще ударили в грудь, пропороли кольчугу, но кольца смягчили удар лезвия, которое не смогло проникнуть через подкольчужник и кожаную рубаху к телу.

Рудненский керлат выпустил поводья и молча, без единого стога, завалился набок. Ступня застряла в стремени, но умная лошадь извернулась, встала над хозяином и впредь оставалась рядом с ним, не желая отходить. Может быть, ее тоже вразумило альбийское волшебство? Непонятно...

— Данкварт? Боги, да что с ним такое? Вроде бы даже не ранен, а бледен, как мертвый!

Солнечный луч в глаза. Спит. Знакомый голос. Рыжая Соня?

— Сударыня, ему бы холодной водички! Принести?

— Какая водичка? — зло ответила госпожа. — Данкварт, очнись!

Войт с трудом разлепил веки. Каждое движение отдавалось невероятной болью в голове.

— Мы... Победа?

— Абсолютная, — твердо и весело сказала Соня. За ее плечом маячила покрытая веснушками физиономия Войто. — Полный разгром. Две сотни пленных, с ними сейчас занимаются альбы. У нас семьдесят погибших и в два раза больше раненых. Что с тобой случилось? Тебя подобрали на поле, полумертвого.

— Голова... — простонал Данкварт.

— Ясно. Твое самое слабое место. Лежи пока здесь, я пришлю Лэра. Оказывается, он неплохой лекарь, а не только альб, трепло и пьяница.

Данкварт с натугой оглянулся, даже моргать было больно. Над головой нависала красноватая скала, поверх тянулась низкая, но такая надежная и знакомая стена Кайна-Горы, в небе, описывая долгие круги, парили два коршуна. Солнце, уйдя из зенита, скатывалось к закату, в сторону Океана.

— Господин, а господин, — Войто потерял Данкварта за плечо. — Может, пивка хотите? Или покушать? А то белый, будто упырь.

— Сам упырь, — прохрипел керлат, мысленно представил себе кружку с пивом и, закашлявшись, вывернул из желудка противно воняющую желчь. Заботливый Войто утер Данкварту губы какой-то омерзительной тряпкой и рассудительно сообщил:

— Тогда вам, сударь, пива нельзя. Я вот, зимы четыре назад с парнями из деревни с горки катался, так тоже головой треснулся. Об корень еловый. С любой пищи блевать тянуло. Давайте я вам мокрую тряпочку на лоб положу...

— Отвяжись, — шепнул Данкварт и вдруг снова отправился в полет между чернотой и фейерверками цветных огней.

Алэр застал его в забытии.

* * *

— ...Его спас шлем, госпожа. Придется полежать несколько дней. Спокойствие, хорошая пища, никакой беготни и хмельных напитков.

— Данкварт этого не переживет. Я не про пиво или можжевельнику — ему хватит брусничного сока. Но стоит хоть на день отказать ему в активной деятельности — немедля начнет тосковать.

— Тогда последствия за свой счет. Я попробую кое-что сделать и, надеюсь, подниму его на ноги побыстрее.

Обнаженной руки Данкварта коснулось что-то холодное. Послышалось непонятное стрекотание, похожее на треск сверчка, кожу больно укололо.

— Вам лучше? — участливо произнес знакомый баритон. — Откройте глаза, посмотрите на меня.

Прямым на керлата взирали огромные желтые очи Рэльтонна. Смотрел упырь заинтересованно.

нанно. Рядом, в ногах, сидела Рыжая Соня. Неподалеку топтался озадаченно-недоверчивый Войто, косо поглядывающий на гостя из Рудны.

— Это что? — Данкварт уставился на свое правое предплечье, оседланное полупрозрачной штуковиной, внутри которой шевелилась неясная тень, изредка помаргивающая зелеными вспышками.

— Не трогайте, — приказал Рэльтонн. — Иногда здоровье человека зависит не только от его жизненных сил, но и от действенной помощи механики. Мы, каттаканы, оказавшись в вашем мире, сберегли все... э-э... особые приспособления, взятые с собой из дома. Если угодно, я когда-нибудь объясню вам принцип действия этого устройства. Не снимайте его пока.

Сознание прояснялось с удивительной быстротой, хотя рука, в которую вцепилось непонятное приспособление Рэльтонна, понемногу начала неметь.

Упырь довольно улыбнулся, сверкнув острыми зубками, отошел к столу (Войто шарахнулся в дальний угол) и опустился в кресло.

— Милостиво прошу простить, уважаемый Данкварт, — сказал Рэльтонн, — я пришел несколько позже, чем того требовало ваше состояние. Сейчас наступает полнолуние, у меня нелады со здоровьем.

— Вот как? — ответила за керлата Рыжая Соня. — Я была уверена, что долгоживущие существа наподобие вас никогда не болеют. Разве такое возможно?

— Более чем возможно, — начал объяснять упырь, посверкивая радужкой глаз, ставшей при пламени свечей желто-оранжевой с темными прожилками. — Мое тело устроено по-другому, чем у вас, почтенная Соня. Но есть и некоторое сходство. Каждые несколько месяцев, когда полная, насыщенная светом солнца луна вашего мира, стоит в зените и одновременно испускает максимум света и силы, каттаканы становятся... Как бы это сказать? Слегка необычными.

— Интересно, — протянул немного воспрявший Данкварт, — а в остальное время вы полагаете себя самыми заурядными и тривиальными? Простые, тихие и привычные каждому человеку вампиры?

— Мы представляем различные расы, — абсолютно бесстрастно сказал каттакан. — Для моих соотечественников я такой, как все. Если вам неинтересно, я могу не рассказывать.

— Очень интересно, — призналась Соня. — Не обращайтесь внимания на Данкварта, его слишком часто били по голове. Так что вы говорили о двойном полнолунии?

— Это воспоминание о моем мире, — журчаще потекла речь Рэльгонна. — У нас, представьте, на небе две луны. Во время их высочайшего подъема к зениту наступает время размножения. Так сказать, месячный цикл.

— Кхм, — кашлянула Рыжая Соня. — Вы серьезно?

— Понимаю ваше смущение. В этом организм каттакана и организм самки человека очень по-

хож. Только вы отправляетесь искать особь противоположного пола, а мне для первоначального развития зародыша нужно... нужно попить крови. Вы, конечно, не знаете, что в крови тепловых существ содержится железо. Так вот, оно необходимо нам для создания потомства. Спустя некоторое время я должен буду подселить свое дитя в организм носителя...

Рэльгонн говорил просто и откровенно, без всякого стеснения, вогнав в краску Соню, которая стала не только рыжей, но и багровой, вызвав интерес у Данкварта и дрожь у Войто, который понял только одно: сегодня упырь вроде как должен кусаться. Легенды о кровавом полнолунии подтверждались целиком.

— Вы живете у нас множество столетий, — Данкварт внезапно сообразил, что между захватывающим повествованием о личной жизни каттаканов и реальностью есть определенные несоответствия. — Абсолютное полнолуние происходит два раза в год. Рэльгонн, в Рудне вы мне представили восемь сородичей. Простите, если я вас обижу, но мне кажется, каттаканов должно быть гораздо больше. Тринадцать столетий удвоить, выйдет две тысячи шестьсот. Столько детей у вас должно было родиться за это время.

— Воздержание, — грустно сказал в ответ каттакан. — И нечего зубоскалить, это совсем не смешно. Вообще-то наша раса, как вы изволите выражаться, долгоживущая, приучилась контролировать собственную численность. Представьте, что произошло бы в нашем мире, производи ка-

ждый из нас по два ребенка в год на протяжении всей жизни? Только люди борются с перенаселением дикарскими методами: сначала вы неудержимо размножаетесь, когда ваша популяция достигает критической отметки, случается голод, война или эпидемия, а чаще — все сразу. Половина вымирает, множество детей не рождается, а оставшиеся снова начинают плодиться до момента следующего кризиса. Иногда я задумываюсь над тем, действительно ли вы разумные существа или очень удачно имитируете разум?

— Мы темные и необразованные, и нам очень стыдно, — фыркнул Данкварт. — Так вы не ответили на мой вопрос: почему у вас только двое... сыновей? Помнится, вы говорили, будто прибыли к нам через Врата втроем. Вы сами, брат и дядя. За огромный срок заточения в нашем ужасно нецивилизованном мире, населенном полуразумными тварями, только и способными е... кхм... плодиться, у трех каттаканов появилось шесть продолжателей рода. Знаете, Рэльгонн, легенда о воздержании не выдерживает критики. Я верю в вашу силу духа, однако сам, даруй мне боги отведенный каттаканам срок жизни, столько бы не выдержал. По одному ребенку за шестьсот пятьдесят лет?

— Вас послушать, так это не у меня проблемы с воздержанием, а у вас, — едко парировал Рэльгонн. — Хорошо, раскрою еще одну страшную тайну. Нас действительно больше. Ненамного, но ощутимо. Я не хотел вам этого открывать, только потому, что вы можете потерять ко мне

всяческое уважение. Милый Войто, вы не могли бы выйти? Сейчас будет разговор для взрослых.

— А я что, дитяtko малое? — внезапно набылся Войто, набравшийся смелости возразить Рэльгонну. — Шестнадцать зим миновало, господин упырь. Посвящение охотника получил. Жениться могу, свой двор заводить.

— Если так — желаю счастья, — усмехнулся эрл Рудны. — Только прошу вас, молодой человек, никому не рассказывать о том, что вы услышите здесь. Обещаете?

— Да ну вас, месьор, пойду я лучше, — Войто бочком прошел к двери кабинета. — Только вы мне скажите, господин упырь: вы нынешней ночью точно кусаться не будете?

Рэльгонн на мгновение потерял самообладание, внезапно растянул бесцветные губы в жутчайшем оскале (Данкварт за время долгих путешествий по побережью Закатного материка и Полуденным морям видывал пару раз страшную рыбу акулу — Рэльгонн сейчас чуточку на нее походил), блики свечей превратили его пасть в зрелище совершенно непотребное и жуткое, в результате чего Войто, сдавленно пискнув, вылетел из комнаты, будто камень из пращи.

— Вот так приходится воспитывать молодежь и прививать уважение к пожилым людям, — как ни в чем не бывало сказал каттакан. — Что ж, удовлетворю ваше любопытство. По моим подсчетам, наша семья, якобы состоящая из девятирх представителей рода, в действительности насчитывает около шести десятков особей... Я

вам говорил, что мы прививали зародышей в тела диких животных?

— Да, — согласился Данкварт, и неожиданно понял, что именно хотел сказать Рэльгонн. — Неужели вы не уследили за некоторыми отпрысками? Не нашли часть своих детей?

— Звери частенько мигрируют, — огорченно сказал упырь. — Простите, если это оскорбит вас, но я раньше предпочитал выбирать в качестве носителей именно людей. За человеком уследить гораздо проще. Я использую его кровь, заражаю... частицей самого себя, спустя две-три седмицы человек заболевает, а к моменту полного развития зародыша умирает. Через сутки после смерти мой потомок покидает мертвый организм, я могу его забрать и начать воспитывать. Кстати, не в последнюю очередь из-за человеческой нетерпимости мы отказались заражать людей. У вас чудовищные предрассудки! Зачастую труп сжигали до того, как рождался каттакан. Естественно, он погибал вместе с телом носителя.

— Вы говорите ужасные вещи, — помотала головой Рыжая Соня. — Честное слово, будь вы, Рэльгонн, человеком, я бы не задумываясь убила вас.

— Следует знать о союзнике все, включая его далеко не лучшие черты, — снова нашелся с ответом упырь. — По крайней мере, теперь я для вас предсказуем. Мне заканчивать?

— Извольте...

— Когда мы отдавались силе инстинкта и заражали животных, в большинстве случаев звери

терялись, уходили умирать в берлоги, пещеры... Найти их было практически невозможно. Рождались наши потомки. Далее следует самое неприятное: каттакан, которого не воспитывают и не обучают сородичи, становится дикой неразумной тварью. Возьмите у человека маленького ребенка, подбросьте в семейство волков, и через несколько лет детеныш утратит возможность говорить, общаться, думать, превратится в бегающее на четвереньках существо, в котором куда более от волка, нежели от человека. Я объясняю не чересчур сложно?

— Вы нас прямо-таки за каких-то дикарей держите, — обиделся Данкварт.

— Простите. Итак, «дикий каттакан» выходит на свободу. Что дальше? Наши инстинкты гораздо более глубоки и совершенны, чем у людей. Каттаканы могут выжить в любой, самой враждебной обстановке, если только они достаточно взрослые. Взрослеем мы быстро — несколько месяцев, и ребенок получает все способности к управлению творящей мыслью, называемые вами магией. Нужно искать пищу, постоянное пристанище... Инстинкт на высоте, но разума нет. И абсолютное полнолуние два раза в год. Понятно теперь, откуда идут сказки про вампиров? Добавьте обостренные чувства, возможность на краткое время изменять форму своего тела, привычку днем прятаться, а ночью охотиться... Такие дикари крайне опасны, и я полностью сознаю, что ответственность за их появление несущ только я и мои сородичи.

— А ваши сыновья, которых я видел? — спросил Данкварт. — Они рождены от людей или животных?

— Один от альба, один от человека, — признался Рэльгонн. — Трое детей моего брата выношены оленями, которых мы ловили и держали в Рудне. Это случилось, когда мы поняли — если не остановиться, не воздерживаться от нападений на людей и безнадзорных животных, три каттакана запросто перевернут этот мир и вызовут катастрофу. Только потому что мы не можем сохранить нашу численность в разумных пределах. Не беспокойтесь, дикий каттакан не может размножаться, он просто этого не умеет — ребенка нужно обучить искусству продолжения рода. Иначе — ошибки и, следовательно, бесплодность неминуемы. Вывод: несколько десятков моих так называемых сородичей, появившихся на свет из-за моего собственного недомыслия; обитают на закатных склонах Самоцветных гор. Выследить и уничтожить их крайне сложно. Они убивают для того, чтобы выжить, не понимая разницы между человеком и зверем. Собственно, главная причина того, что я решился вмешаться в дела вашего мира и помочь вам, состоит не в Нашествии варваров и подвижке материков, а в... помощи. Мы хотим помочь выжить человеческой расе. Лучшей ее части, скажем так.

— Как? Как вы сказали? — дернулся Данкварт. — Вы способны нам помочь преодолеть навалившееся бедствие? Охранить от воли зверобогов-разрушителей?

— Могу, но об этом потом. Дайте договорить. Я хочу искупить свою вину. Потому что именно я и двое моих родственников виновны в том, что на свет появились... упыри. Ваш мир до появления каттаканов не знал этого слова. Единственными кровососами здесь были только комары, пиявки и прочие твари, в чем-то похожие на вашего покорного слугу. Кровь им требуется только для размножения. Надеюсь теперь, когда все объяснено и секретов больше нет, вы не выставите меня за дверь?

— Не выставим, — сказала Соня. — Давайте забудем, дело прошлое. Что вы говорили помощи против Великого Нашествия? Рэльгонн, поймите, это очень важно!

— Нашествие? — упырь оперся острым подбородком на кулак. — Подождите некоторое время. Пока я ничего не скажу о гирканцах, пиктах или нордлингах. Следует понаблюдать за обстановкой — этим занимаются мои родичи. Затем я представлю вам развернутый доклад, в котором сочетаются все наши знания. Мы столкнулись с необычным явлением, которое можно именовать огромным переселением народов, однако назвать сие явление непобедимым я не решусь — Оно не представляет из себя сказочного воплощения Мирового Зла. И еще... Соня, простите за столь вопиюще нечеловеческую просьбу. Если вы откажете сразу то я, конечно, подчинюсь.

— Говорите, — устало махнула рукой Рыжая Соня. — Вам что-то нужно? Продукты? Я немед-

ленно распоряжусь. Месьор Сташув отдаст все необходимое.

— Не совсем, — смущенно произнес Рэльгонн.

— Мне требуется несколько жизней.

— Что?! — Рыжая Соня поднялась с лавки и Данкварту показалось, что ее глаза метнули искры. — Рэльгонн, объяснитесь! Кажется, вы перешли допустимые границы приличий! Я благодарна вам за откровенность, но...

— Мне нужно несколько человеческих жизней, — твердо сказал упырь. — По вполне банальной причине: полнолуние. Такой возможности я упустить не могу. Вы взяли больше двух сотен пленных гирканцев. Подарите мне десяток-полтора. Зачем они вам? Кормить, поить, содержать... Альбы Ллэра может быть и сумеют возродить их разум, затуманенный войной и вашим собственным человеческим зверством, но должно пройти время... Но, конечно, если вы против и я оскорбил вас как представителя человеческой расы...

— Забирайте, — недолго подумав, сказала Соня. — Только об этом никто не должен знать. Кроме меня, Данкварта и ваших родичей. Если необходимо, скажите Ллэру, но и только.

— Благодарю, — Рэльгонн встал и поклонился. — Не ожидал, что найду понимание среди людей. Как видно, вы можете мыслить гораздо шире, чем многие сородичи. Кровь берет свое... А сейчас я уйду. Отдохните. Днем вы воюете, ночью беседуете со мной, иногда нужно и поспать.

— Что он говорил про «затуманенный разум» варваров? — нахмурилась Соня, когда упырь сгинул. — Данкварт, ты слышал? Рэльгонн сделал вид, будто в этой невероятной войне виноваты сами люди... Странно.

— Рано или поздно он объяснится, — устало ответил керлат. — Кажется, каттаканы знают о природе этой войны куда больше нас. Спокойной ночи.

* * *

Войто посчитал, что если уж госпожа и вельможный керлат ничуть не боятся упыря, находящегося посреди ночи в их комнате, то и обычному лучнику дружины страшиться нечего. Бесспорно, он никак не мог доверять хозяевам Рудны, о которых ходило столько леденящих кровь слухов и историй — с очень давних пор главными персонажами сказок рудненских деревень являлись страшные упыри.

Когда зубастый месьор Рэльгонн прогнал Войто прочь, тот спустился на двор, перекинулся парой слов с охранявшими покой госпожи Сони стражниками — речь в основном шла о сегодняшней великой битве под стенами замка, когда конница благородных бритунийских кнехтов и волшебство альбов в один момент смяли дикарей из дальней Степи.

Потом Войто отправился к конюшне (в кармане у него лежали две морковки, заботливо припасенные для коня месьора Сташува, про-

шлым днем носившем молодого дружинника на своей спине).

Сташув, когда Войто вернулся, от переизбытка впечатлений и огорчения — дружина Кайна-Горы так и не вступила в бой, хотя каштелян отменно подготовил осаду — лишь громогласно отругал ворюгу и тотчас убежал по своим загадочным каштелянским делам.

Затем Войто позаботился о господине Данкварте, сидел с ним, бессознательным, полный вечер, а на вражин так и не посмотрел. Очень хотелось глянуть, как выглядит настоящий живой гирканец.

Собственно, почему бы и нет? Спать не хочется, ночь едва началась, упырь сидит в парадной зале и ведет с госпожой умные разговоры... Можно, пока все спят, взять коня месьюра Сташува, съездить в лагерь альбов, благо Древние встали неподалеку от замка и принялись охранять пленных.

Надо найти Алэра или Эйю с приятелями — они наверняка позволят хоть одним глазком взглянуть. Альбы — они добрые. Только сумашедшие немного.

Войто быстро оседлал приземистого и широкогрудого солового жеребца, на котором всегда ездил каштелян. Скотина спокойная и даже немножко похожа на самого месьюра Сташува — такой же укладистый, основательный и сильный. И кличка у него подходящая — Прок. Слово, означающее надежность, прочность, нечто крепкое и годное.

На воротах Войто пропустили тотчас, несмотря на ночное время. Знали, что деревенщина из Рудны вдруг приблизился к самому господину каштеляну, став его порученцем, а вдобавок ему благоволит госпожа и новоназначенный керлат из Бергиса. К тому же узнали Прока — в Кайна-Горе только лишь жеребец каштеляна более походил не на лошадь, а на перекормленного кабана.

Вниз, по дороге со скалы, потом на тропку — все отлично видно. Две луны, одна розовая, одна белая, пылают с невозможной яркостью. Видно, будто днем. Прок топает мелкой рысью, уверенно и тяжеловесно.

Вот они, альбовы огни. Древние не разводят костров, предпочитая обходиться колдовством — синевато-белые яркие шары пламени мелькают за деревьями.

— Кто? Зачем?

Войто, услышав голос, сразу натянул поводья, останавливая лошадь.

— Дружинник Войто из Велинки, — напыжившись, крикнул он в ответ невидимому альбудозорному.

— А-а! — рассмеялись из ветвей. — К Эйе в гости пожаловал? Она тебя ждет — не дождется! Проезжай! Только осторожнее на поляне, там дикари спят!

И точно. Конь вывез слегка смущенного Войто (надо же, и совсем незнакомые альбы знают про него и Эйю!) на обширную прогалину, освещенную волшебными огнями со всех сторон.

Прохаживаются бессонные альбы с луками и длинными обнаженными мечами. Вокруг вповалку спят люди — гирканцы.

Прок неожиданно всхрапнул и приостановился, покосившись на всадника удивленно. Что, мол, такое происходит? Опасности никакой, однако необычно.

— Ну! Поехали! Шагай вперед! — Войто ткнул жеребца пятками, но Прок упрямо застыл — пока не объясните, что происходит, дальше не пойду.

— Ах, зар-паза!

Войто едва не повалился из седла. Под грудной полыхнул снежной остью холодный комок. Была бы возможность заорать — заорал бы. Никак. Воздуху не хватает.

Со звездных небес, где двумя разноцветными глазами пылали круглые луны, на спящих вражин падали огромные, с человека, не меньше размером, крылатые тени. Упыри.

Прок без лишнего беспокойства шагнул вперед, чуть присел на задние ноги, почувяв страх всадника. Войто этого было достаточно — он прошипел что-то невнятно-паническое, пальцы разжались, отпуская ремень повода, и Войто повалился на землю. Падал неудачно, боком и головой вниз. Расшибся бы обязательно, не подоспей чьи-то сильные руки. А тени бесшумно и стремительно налетали.

— Эй, приятель? — насмешливый высокий голос, который может принадлежать только альбу. Один из Древних, оказавшийся рядом, дер-

жал Войто на руках, потом отпустил и поставил на землю. — А-а, узнаю! Ты отчего по ночам шляешься? После заката человеку спать положено.

— Это что? — Войто протянул дрожащую руку. Удивительные крылатые существа подхватывали выбранных ими гирканцев, воспаряли высоко в воздух и исчезали. Странно, но никто из спящих не просыпался — все происходило без малейшего шума.

— Тебя это не касается, — твердо сказал альб. — Эйю ищешь или Ллэра? Отправляйся по дорожке прямо, возлѣ рябины повернешь. И шагай своими ножками. Коня на поводу поведешь. Давай-ка лучше я тебя провожу. Главное — не смотри по сторонам.

Войто, слегка подталкиваемый в спину альбом, покорно отправился вперед. Прок, не ощущавший никакого иномирного зла, пыхтел за спиной, моргая на голубые факела Древних.

Ночь вошла в самую темную свою половину и, не будь на небе сверкающего полнолуния, человек не сумел бы различить даже пальца на своей руке.

Глава 7

По завету предков

Обычно подданные любого правителя, особенно если указанный правитель любим в народе, справедлив и счастлив в битвах, склонны преувеличивать заслуги господина. Происходит сие вовсе не от желания выслужиться, но от векового, унаследованного с кровью и материнским молоком, пиетета к мирскому владыке.

Право управления над людьми и право власти над их телами и душами передается династиям герцогов издревле, от богов, а последние зачастую считаются родоначальниками многих почтеннейших семейств эрлов и танов. Обычному человеку необходимо видеть перед собой символ, пример для подражания, ибо во мнении общества герцог всегда является честным, благородным, в меру воинственным и достаточно трудолюбивым для того, чтобы вести за собой свой

народ. Бывали, конечно, исключения, однако таковые лишь подтверждали правило.

Так почему бы не похвалить господина? Если он действительно отвечает радужному представлению большинства об освященной временем и Силами Незримыми монаршей власти, значит, он ни в коем случае не зазнается, принимая расположение верных слуг как должное.

В общем-то победа при Кайна-Горе никакого особенного стратегического значения не имела. Хиленькая победа, прямо скажем. Почти случайная. Не вмешайся вовремя альбы со своим колдовством, взбесившиеся гирканцы нанесли бы коннице райдорских кнехтов значительно больший урон, а, может быть, и... Но ведь этого «и» не произошло? Значит — хвала на веки веков Рыжей Соне, титульной правопреемнице герцогов из Райдора и тану Кернодо! Заодно — слава ее верным соратникам и союзникам! Ура!

Данкварт, живший несколько лет в Аквилонии, прежде видывал триумфы полководцев тамошнего короля. Конечно, аквилонцы праздновали куда торжественнее, с размахом, внушающим благоговение. Цветы, разбрасываемые монеты, леопарды и тигры на поводках, пальмовые веточки охавками, лавровые — снопами, гуляния, ночные фейерверки и бесплатная раздача вина. Выспренно и пышно. В летописи обязательно заносилось полное описание праздника, с указаниями: сколько дней веселились, сколько золотых кесариев потратили, сколько диких животных перебили на потешных игрищах, и, нако-

нец, как много плебеев умерло с перепоею или погибло по случайности. Величие огромной державы, что тут скажешь!

Ни на что подобное в Райдоре в лучшие-то времена средств не доставало, а сейчас тем более. Но, сколь не помпезны торжества Аквилонии, всегда остается горький привкус ощущения, что подданные Трона Льва устраивают столь роскошные праздники, предчувствуя скорую и неизбежную гибель. И от пресыщенности. Зато в Райдоре — от души.

Широка райдорская душа! Следующим днем восхищенные благородные месьюры, невзирая на слабое сопротивление Рыжей Сони, пронесли ее на сомкнутых щитах вокруг всей Кайна-Горы. Хозяйственный Сташув приказал наварить безмерное количество пива, используя для того любые обнаружившиеся в округе большие котлы и солидный запас ячменя. От восторженных криков опадали осенние листья на деревьях, замок украсили всеми возможными штандартами и знаменами, словно молодую сосенку на праздник Иуле — игрушками и лентами. К вечеру доблестное кернодское войско упилося до такого состояния, что, нагрянь сейчас гирканцы, и битву устраивать бы не понадобилось — бери всех тепленькими.

...Данкварту не спалось, хотя минувший дневной переход через буреломы Кернодо выдался утомительным и тяжелым. Болота, густейший лес, узенькие тропки, на которых еле расходились два всадника, моросящий дождик и холод-

ный, пропахший трясинной гнилью воздух. Противно. Еще противнее ночевать в ямке у еловых корней — влага проникает под войлочный плащ, единственное спасение от холода заключено под пробкой деревянной фляги со жгучей сливовицей, каковая сливовица, увы, начинает иссыхать. И можно бы заснуть, даже на холоде и мокрым плаще, но буквально в десятке шагов несносно галдят альбы, которым, как кажется, нипочем ни сырость, ни болото, ни отсутствие костра — Лэр с компанией зажгли свои синие огоньки, устроились на ветках деревьев и что-то горячо обсуждают на своем языколомном (отнюдь не певучем, как утверждают легенды) наречии. И пьют, конечно. Кажется, альбы прихватили в поход только ягодное вино, забив баклагами мешки под завязку. Иногда слышен голос Рея — зингарец тоже увязался, хотя Соня упрашивала его остаться в Кайна-Горе. Не захотел. Сказал только, что если получит приказ — спорить не будет, но, если приказывать никто не станет — уйдет вместе с отрядом. У Рыжей Сони, похоже, язык не повернулся отдать подобное приказание, оттого неотлучный зингарец покинул кернодский замок вместе с прочими охотниками за головой десятитысячника Хасгата.

Данкварт поворочался в своей яме, удрученно выслушал, как под боком хлупает вода и едва сдержался от того, чтобы плюнуть на собственную подстилку. Он увязался в авантюру, это бесспорно, но он предпочитал участвовать в авантюрах лишь в случае, если предоставляются

более приемлемые условия для жизни и путешествия. Например, свой шатер, готовая горячая пища (стряпать которую, разумеется, должен кто-нибудь другой), теплые попоны, вдоволь хорошего вина, заменяемого нынче сивухой крестьянского изготовления. И летом, конечно. Почему нельзя спасти мир в теплое время года, а вовсе не в середине прохладной и дождливой осени?

Авантюра. Жуткая. Хасгата Степного Ветра они, понимаешь, убивать едут. Данкварта терзали смутные подозрения, что эта затея изначально абсурдна. Убийство одного человека ничего не решит. Просто мелкая гадость. Кагану гирканийцев Бурэнгийну стоит лишь шевельнуть пальцем, и на место Хасгата Разрушителя тотчас встанет другой, не менее талантливый и не менее одержимый жаждой полководец. Гирканцы вообще талантливый народ — захотели бы превратить свою Степь в царство радости наподобие былой Аквилонии, обязательно смогли бы.

Теперь остается ждать, когда наступит *та самая* заветная ночь, когда небольшой отряд под совместным командованием Данкварта, Лэра и Рыжей Сони героически ворвется в лагерь степняков и не менее героически погибнет. Пленных либо посадят на кол, либо... Сажание на кол Данкварт полагал весьма легкой и приятной смертью. О прочих вариантах даже думать не хотелось — подданные Бурэнгийна большие выдумщики на предмет всяких смертоубийственных и болезненных забав.

Разошедшиеся альбы вопили так, что в округе наверняка не осталось ни одного гирканца, не предупрежденного о прибытии врагов. Звуки, особенно высокие, ночью отлично разносятся по лесу. Надо бы встать и рявкнуть на Лэра — пусть умерит пыл. Впрочем, для альба лес — дом родной, Лэр отослал в дальний дозор нескольких родичей, обязанных высматривать противника. Альбы являются изрядными весельчаками и разгильдяями, однако вовсе не дураки и не торопятся так запросто подставлять свои красивые бессмертные и бесшабашные головы под степной ятаган.

— Доброй ночи, — жизнерадостно проворковали откуда-то сверху. Данкварт, стараясь не упустить из-под плаща последние жалкие остатки тепла, высунул голову и осмотрелся. Наверху, в ветвях старой ели, мерцали два желтых глаза. Упырь явился.

— Здравствуй, Рэльгонн. Ты отчего на дереве сидишь?

— Филина изображаю, — легкомысленно отозвался каттакан. — Нет, нет, не вставай. Не хочу, чтобы ты меня сейчас видел — зрелище весьма неприглядное. Пришлось изменить форму тела, мне так удобнее.

Отчасти из вредности, отчасти из интереса Данкварт вылез из своей ямки, вытянул из нее превратившийся в совершенную грязную тряпку плащ и, шепнув давно изученное заклятье, извлек из пальца струйку желтоватого пламени. Нечто вроде свечи.

— Фу! — райдорец содрогнулся, узрев висящего вниз головой Рэльгонна.

— Я же предупреждал — не надо смотреть...

На данный момент упырь являл собой весьма неудачную скользкую помесь самого себя с летучей мышью. Голова каттакана, и без того не блистающая привлекательностью, со всеми ее зубами, горящими зенками и широкими ушами прикладывалась к туловищу бледно-желтой летучей мыши размером с небольшого теленка. Толстенная ветвь ели угрожающе поскрипывала под весом Рэльгонна.

Но ладно бы летучая мышь — иногда эти тварюшки вполне симпатичны: забавная подвижная мордочка, розовые ушки, тело, окутанное мягкой коричневой шерсткой. Рэльгонн, изменяя свою внешность, о симпатичности не позаботился. Голая мокрая кожа в морщинах, складках и каких-то неприглядных бугорках, сложенные крылья напоминают только что выделанный пергамент, когти на сгибах подозрительно напоминают лезвия хорошо отточенных искривленных охотничьих ножей.

— Ты откуда... такой? — выдавил Данкварт и погасил язычок пламени. Лучше уж разговаривать с Рэльгонном в темноте — привидится подобное чудовище во сне, точно седым проснешься...

— Развлекался неподалеку, — усмехнулись сверху. — Гирканцев пугал. Заработал две стрелы в бок. Больно... но не опасно. Я, собственно, с докладом.

— Тогда валяй, докладывай, — обречено вздохнул Данкварт. Немедля пришлось шарахнуться в сторону, ибо с темного неба к небольшой полянке спикировало еще одно крылатое чудовище, с неимоверной точностью уцепившееся за ветку, на которой видел Рэльгонн. — А-а, Сигонн, мое почтение. Тоже веселились?

— Какие наши годы! — развязно прохрипел родственничек хозяина Рудны. — Гирканцы так забавно визжат, когда пролетаешь над их шатрами... Наши остались буйствовать в их лагере и наводить панику.

Данкварт мельком подумал о том, насколько странные союзники ему достались. Альбы пьянствуют и развратничают направо и налево (если не между собой, то с людьми, что, кстати, для них куда привлекательнее из-за необычности). Вампиры обзавелись привычкой каждую ночь насмерть стращать бедолаг-гирканцев или рассекать воздуха прямым над стоянками отряда.

Охрана, впрочем, из них неплохая — отлично приспособленный к ночной жизни каттакан не пропустит даже подбирающуюся к стоянке мышшь-полевку, если та имеет враждебные намерения. Один из сыночков Рэльгонна, очень молодой (по воззрению каттаканов) упырь забавлялся тем, что швырялся с высоты подхваченными на еловых ветках шишками. Поведение «союзников» ставило Данкварта в тупик и добавляло происходящему оттенок безумной абсурдности. Такое впечатление, что развеселая компания из людей, альбов и вампиров собралась не в опаснейшую

экспедицию, а решила прокатиться по Райдору лихим ярмарочным балаганом.

— Кхм-кхм, — напомнил о себе Рэльгонн задумавшемуся человеку. — Милейший керлат, вы отчего такой смурной? Я вам уже сколько раз говорил: невозможно спасать мир с серьезной рожей. Будьте проще, смотрите на происходящее веселее! Берите пример с альбов! Сгоните с лица мрачное выражение...

Ветка, на которой болтались Рэльгонн и его брат, внезапно и громко хрустнула, переломившись аккурат возле ствола. Оба упыря в неопрятном переплетении крыльев, задних лапок и когтей с шумом рухнули на покрытую прошлогодней хвоей землю. Возник жуткий дрыгающийся клубок, из которого доносились недовольные хрипы: «Слезь с моей шеи!», «Ты мне крыло отдал!», «Не пихайся!».

Данкварт, не выдержав, загоготал. На звук прибежали альбы.

— Не вижу ничего смешного! — Рэльгонн извлек голову из-под кожистой перепонки. — Что за конюшня, благородные господа?! Встали во круг и ржут, будто жеребцы, вместо того, чтобы помочь!

— Рэль, ты сегодня невероятно обаятелен, — задыхался, держась за живот, Алэр. — Мужественный профиль, ушки в разные стороны торчат... А эти крылышки! Гы-ы-ы!

— Убирайтесь! — сверкнул клыками каттакан. Впрочем, его гневливость не произвела на Древних особого впечатления. Альбы исчезли лишь

после того, как Рэльгонн начал яростно сквернословить на неизвестных Данкварту языках.

— Вот любопытно... — состроив омерзительно-любезную улыбку, злорадно спросил вельможный керлат у нахохлившегося Рэльгонна, — что это вы, сударь, такой серьезный? Разве можно с таким лицом спасать мир?

Оба упыря метнули в Данкварта глазами желтые молнии. Обидчивый Сигонн начал упрямо карабкаться на голый ствол давно погибшего дерева, чтобы попытаться взлететь.

— Не ёрничайте, — строго указал Рэльгонн и как-то по особенному сложил крылья — уселся на задние лапки летучей мыши, опершись костяком, на которых держались перепонки так, чтобы казалось, будто каттакан стоит. — Просто ветка подвернулась сухая. Ничего особенного, со всеми бывает. Повеселились, и будет. Итак! За последние четыре ночи мы изрядно застращали варваров, разбивших лагерь в округе. Подчиненные Алэру альбы добавили для живописности леденящего душу волшебства и всяких кошмарных иллюзий. Далее. Вы находитесь в шести лигах к полуночи от становища туменчи Хасгата. Остается всего один дневной переход. Если Хасгат Степной Ветер снимется с места и отправится дальше к рубежам Немедии, придется догонять. Я готов обеспечить вашему отряду необходимое прикрытие — как можно больше шума, страха и магии. Вы можете проскочить в центр лагеря, захватить или убить туменчи, а затем безнаказанно скрыться.

Данкварт кивнул. Упырь еженощно докладывал ему о самых малейших изменениях в диспозиции степной армии и передвижениях знаменитого военачальника кагана Бурэнгийна. Хасгат находился почти рядом с крючком рыболова, оставалось лишь подвести сей крючок к его пасти и дернуть за леску. Наживкой служила дворянская конница, которой поставили командовать, как ни странно, вельможного эрла Алаша Румского, давеча больше других оравшего и возмущавшегося на тинге. Алаш, несмотря на склочный характер, отлично показал себя в сражении при Кайна-Горе, оказался стоящим командиром и могучим кнехтом — когда пришедшие на выручку альбы пробились сквозь строй гирканцев, стало ясно, что месьор Румский нагромоздил вокруг себя множество тел врагов, сам получив лишь незначительное ранение в плечо. Присматривать за героическим, но взбалмошным эрлом Алашем поручили Босану из Эттена и его молодым дружкам. Мало ли...

— Рэльгонн, вам не кажется, что мы ничего не выигрываем от этой эскапады? — пессимистично заметил Данкварт, уже без всякого отращения глядя в сторону нахохлившегося катакана. Рэльгонн постоянно ерзал, ему явно было неудобно сидеть на земле из-за необычного строения нынешнего тела. — Мы собираемся убить одного, только лишь одного человека. Но ведь гирканцев многие тысячи! К ним пристали кочующие племена Турана, горцы Кезанкийского кряжа... Вы мне сами доносили, будто Хасгат

создал из покоровившихся нашествию бритунийских кнехтов и дружин заморийцев особый отряд: Мы... мы...

— Обязательно проиграем, это вы хотите сказать? — Рэльгонн недовольно кольхнул тонкой кожей крыльев. — Сколько лет живу среди людей, и все не перестаю удивляться вашей беспредельной глупости и трусливости! Для вас, людей, любая тварь может казаться опасной, пока вы не будете знать, как с ней бороться. В моем мире мы давно поймали бы кагана Бурэнгийна сетью, одели ошейник, посадили на цепь и показывали интересующимся. Но у моего мира свои законы. Здесь — другие. Есть такое умное слово, у вас неизвестное — противофаза. Тотальная противоположность. Главная составляющая этого понятия заключается в невероятной внушаемости разумного существа, именуемого «человеком». Вам можно задурить голову, заставить мыслить не так, как вы хотите, а так, как нужно! Никакой магии, черного и страшного волшебства кагане степняков или предводители армий пиктов, рвущих Аквилонию на части, попросту нет! Они всего лишь обладают способностями воздействовать на разум столь низкоорганизованных тварей, как вы. И ведут за собой человеческие армии, сами движимые честолюбием и гордыней. Не обижайтесь, Данкварт, вы низкоорганизованы только потому, что не прошли многих тысяч лет развития. Подумайте сами, что произойдет, если маленьким человеческим детям дать в руки столь мощное оружие, как, например... э-э... зин-

гарский огонь, эту жуткую смесь, которая горит даже в воде?

— И что? — огорчился Данкварт.

— Поймите, для моей цивилизации горючая смола — даже не позавчерашний день. Такое оружие употреблялось нами во времена, когда в вашем мире еще не появился человек. Вы не можете себе представить, чем владеют каттаканы... Несмотря на врожденную и старательно развиваемую способность творить при помощи мысли, мы умеем обращаться и с мертвой материей, которая способна вызвать чудовищные разрушения... Для вас это далекое будущее. Так вот, если в ваши руки попадут такие игрушки, вы станете с ними обращаться также, как малолетний идиот с арбалетом. Что случится, если выстрелить в своего приятеля по игре в куче песка? Ребенок не осознает, что его друг умрет или будет серьезно ранен. Он не знает, что такое смерть, не понимает всей глубины этого понятия. *Ему интересно. Бурэнгийн*у, которому тоже *просто интересно*, Судьба дала в руки такой арбалет — великую и почти непобедимую армию. И Бурэнгийн начал стрелять. Не по собственной злобе — по неразумию. Итог — вы получили мировую войну. Только из-за любопытства. Вашего, Данкварт, вашего, и лишь отчасти Бурэнгийн^{ова}. Человечество вашего мира не повзросло. Надеюсь, однажды вы поймете, что хвататься за арбалет надо только при самозащите, а не устраивать великие войны только ради призрачной и недолговечной славы нескольких талантливых гордецов-полководцев!

— Я знаю, что мы виноваты! — заорал Данкварт, выходя из себя. — Знаю! И пытаюсь хоть как-то искупить вину неразумного человечества! Хотя, что может одиночка?..

— Так вы не говорите, а делайте, — наставительно сказал Рэльтонн. — Рассуждать мы все горазды. Помните, что проходя через струи собственной крови народы взрослеют. Действуйте. А я вам помогу. Нет такого греха, который нельзя было бы искупить.

* * *

— Войто!

— Чего, сударь?

— Молчи.

— Я и так молчу. Откуда привычка такая, вельможный керлат? Едва господа благородные не знают, что и как делать, то сначала дают пошее Войто, а потом только сорбжажать начинают.

— Закрой рот, я сказал!

— Тогда чего звали?

Сия напряженная беседа между благородным месьором Данквартом из Бергиса и затесавшимся в отряд Войто из Велинки, происходила в глубине подгнивающего бурелома, где оба и пребывали. Нормальный человек совершенно точно не сумел бы уместиться в узкой норке среди палых ветвей, поваленных стволов и груд перепревшей листвы, но эти двое смогли пристроиться вполне удобно, даже почти не впритирку — играли

свою роль привычка молодого дружинника к кернодским чащобам и умение обустроить охотничьи засады.

Войто оказался в отряде Рыжей Сони и Данкварта отнюдь не случайно, что бы там не думал помощник владычицы танства. Его звали альбы, а точнее, очаровательная альбийка Эйя.

Древние, составлявшие костяк ударного отряда, на который возлагалась главнейшая задача: убить или пленить Хасгата Степного Ветра, — самовольно захватили право брать с собой, кого пожелают. Конечно, еще можно смириться с присутствием четверых болтливых и кокетливых альбийских девиц. Во-первых, чем они хуже Рыжей Сони? Во-вторых, управляют с оружием, особенно с луками и маленькими самострелами, получше самого опытного наемника, а в-третьих — альбы-мужчины, как выяснилось, не мыслят себе жизни без женщин. Красавицы, понимаете ли, вдохновляют их на подвиги. Но когда отряд разросся сверх планируемых пятнадцати бойцов аж до тридцати, Данкварт стукнул кулаком по заросшему мхом валуну и твердо заявил: «Хватит! Тут вам не разъездной бордель!». Альбы ужасно огорчились, но были принуждены согласиться.

Охотой на большого зверя, таким образом, занялись рудненский керлат Данкварт и сама госпожа Соня (она, между прочим, не забыла составить завещание по всем правилам, заверенное каштеляном и свидетелями, и передавала в случае смерти кернодское танство и титул Данквар-

ту, после чего за ним прочно укоренилось мало-приятное и совершенно необоснованное прозвание «ночного тана»). С ними отправлялись Алэр, четыре помянутых красоти-лучницы, шестеро самых близких друзей Алэра, Рей, отказавшийся оставаться в замке, и неотвязный Войто, которому хотелось обрести подвиги, приключения и неперемное общество Эйи. Данкварт не сомневался: альбы ввязались в эту авантюру лишь ради острых ощущений и вели себя так, словно впереди маячило не самоубийственное предприятие, но развеселая прогулка с песнями и танцами под луной на лесных полянах.

К тому следует добавить обязательные ночные визиты упырей под командованием Рэльтонна и совсем новых участников охоты — четверых данхан, пришедших вместе с Алэром из Аэльтунна. Последние являли собой малюсеньких карликов-лесовичков, чья макушка едва достигала середины бедра Данкварта. Но если ростом данхан больше напоминали шестилетнего ребенка, то в пронырливости, умении прятаться и пробираться в любые закоулки леса они превосходили и альбов, и людей, вместе взятых. Войто, большой любитель старых деревенских сказок, тотчас определил маленьких разведчиков отряда — карликов с густыми бородами, цепкими ручками, зелеными глазами и манерой все время подслушивать и подсматривать — как баснословных «лешаков».

Вынужденное пребывание посреди буреломного завала объяснялось тем, что Данкварт воз-

желал лично осмотреть место грядущей битвы. Данхан, безусловно, молодцы: лесные карлики разнюхали и подглядели все, что было возможно, в точности выяснив расположение юрт в лагере Хасгата, количество телохранителей и простых нукеров, но все-таки лучше увидеть стоянку дикарей собственными глазами. Взяв с собой Войто как опытного следопыта, Данкварт приказал остальным не высовываться, сидеть в густом березняке, и отправился в дозор.

В этих местах как раз проходила полуденная граница Кернодо и начинались земли короны, принадлежащие не танам и эрлам, а лично королю Бритунии и его семье. Пайрогийский тракт убегал сквозь холмы и леса на Полдень, другая, куда более широкая и наезженная дорога, вводила в обход танства к Пограничному королевству и далее через владения оборотней к Гиперборею. Именно возле перекрестка двух трактов и устроил временную ставку грозный туменчи.

— Что они себе думают? — шипел под нос Данкварт, рассматривая сравнительно небольшое скопление гирканских степных юрт, поставленных в пологой ложбине меж двумя холмами. Данхан посчитали верно — войлочных палаток было ровно двадцать две, выставлены кругом, центр лагеря защищают кибитки. Охраны — от полутора до двух тысяч человек. Над стоящей посередине белой с золотом юртой — темно-зеленый бунчук, цвета самого Хасгата. Данкварт достаточно долго прожил среди гирканцев, чтобы разбираться в незамысловатой степной геральди-

ке. — Разве можно так безалаберно ставить лагерь? Уверены в собственной безопасности так, словно никогда и не покидали Великую Степь!

— Сударь, глядите — дымок, — Войто тронул Данкварта за плечо. — Во-он, на две ладони правее солнца, за распадочком. Наши, не иначе.

— Точно, — прищурился керлат, рассмотрев в указанном направлении очень далекую и тонкую струйку дыма, но не сероватого, как обычно, а голубого, почти теряющегося на фоне вечернего неба. Альбовы шуточки — в конную гвардию к эрлу Алашу Румскому и молодому тану Босану Этгенскому были отправлены трое или четверо Древних, помогать волшебством. Синий дым означал, что все в порядке, конные сотни наготове, зеленый оповещал о возможной опасности, красный — о прямом соприкосновении с противником.

План составили простой до гениальности.

Три крупных отряда — конница Алаша и две группы кернодских лучников, набранных из самых метких охотников, способных ночью попасть в глаз белке, — после заката начинают атаку с трех сторон. Перед нападением на лагерь Хасгата Рэльгонн и его упыри устраивают небольшое представление с применением колдовства и прочих особых способностей каттаканов. Между прочим, Рэльгонн с братией минувшими ночами усердно страшили всех находившихся в округе варваров, но к лагерю туменчи не приближались, дабы не разрушить эффект внезапности.

Начинается суматоха (как, по вашему, поступят нормальные люди, не ожидающие нападения, когда сначала являются жуткие упыри, а потом налетает незнамо откуда взявшаяся конная лава?), во время паники кружащие над юртами каттаканы «пасут» Хасгата, указывая Данкварту и его сумасшедшим альбам направление, а дальше... Остальное пусть решит Митра Солнцезарный.

— Войто...

— Опять ругаться будете, сударь?

— Не мели языком, а слушай. Беги к Соне и Алэру. Передашь им, что встречаемся... Повернись влево. Видишь четыре сосны у самой опушки? Встречаемся возле них сразу, как стемнеет. Я пока останусь здесь.

— Вельможной госпожой бросать вас не веле-но, — насупился Войто. — Сами слышали, госпожа сказала, чтобы вместе возвращались.

— Или ты, балда, исполняешь приказ, или идешь на все восемь сторон света! Рей тебе не объяснял, как выполняются распоряжения вышестоящих в зингарской армии и как наказывают за отказ следовать приказу?

— Рей из незаконного народа происходит, — отползая, пробурчал Войто. — Хуже любого норд-хеймца-дикаря. Ладно, ладно, сударь, не гневай-тесь. Уже иду. Значит, у четырех сосен?

— Катись, кому сказано!

Данкварт снова уткнулся подбородком в мягкий мох и прильнул к щели, образованной двумя толстыми стволами давно погибших берез.

Над ухом лениво пищал припозднившийся осенний комар.

Собственным зрением многое не увидишь, придется попробовать искусство, называемое умным Рэльгонном «силой мысли». Таковая сила дает возможность владеющему ею человеку проникнуть когда угодно и куда угодно, лишь бы точно себе представлять желаемое. Сейчас Данкварт желал увидеть самого Хасгата.

Стоит лишь отвлечься от зримого мира, закрыть глаза, не обращать внимания на запахи и беспрестанный шум леса, в который вплетается как комариное зудение, так и шорох падающей листвы вкупе с потрескиванием деревьев, стрекот сороки, недовольное цоканье белок и отдаленный грохот обрушившегося мертвого ствола, как разумная частица человека воспаряет над телом и, если ты верно направил ее, устремляется к интересующей тебя точке. Сейчас ты видишь не только зримое. Заметны разноцветные, более теплые или более холодные потоки воздуха, мысль окружающих людей обретает собственный цвет — удивительно, но стоящие в четверти лиги от края леса гирканцы обладают вполне обычной человеческой мыслью, зеленоватой с желтым и золотистым. Мыслью цвета степных трав. Одна беда — их разум словно закрашен густой коричневатой краской с непременными розовыми прожилками. А розовый — цвет охранного волшебства. Вязкая пелена не дает разуму человека прорваться наружу, сдерживает его, связывает и пленит.

Какой вывод? Правильно: в отряде Хасгата Степного Ветра есть несколько шаманов-колдунов, которые установили магическую защиту.

Скверно. Остается надеяться, что магия Рэльгонна и его крылатых дружков окажется сильнее.

Данкварт несколько раз ткнулся в юрту туменчи, но перед ним постоянно вставала густая пелена слепящих розовых огней. Проникнуть сквозь завесу невозможно. Маги-шаманы отлично знают свое ремесло. А будешь настаивать — тебя вскоре обнаружат. И пропал столь желаемый упырями «эффект внезапности».

— Эй, харя! Слышишь меня? У? К тебе, к тебе обращаюсь!

Данкварт, вздрогнув от неожиданности, открыл глаза. Голосок тонкий, но в то же время хриплый и дребезжащий.

— Кто тебе здесь харя, недомерок?

Сверху на поваленном дереве восседало существо, слегка похожее на обросший сероватым лишай пень. Данхан. Представители этой расы никогда не отличались почтением к человеку и сдержанностью на язык.

Значит, сказки Войто говорят правду о злонаправленных и пакостных леших. Только леший со временем превратился в легенду, дух зеленой чащобы, а вот малыш-данхан существует реально и является, по выражению Рэльгонна, обожающего бахвалиться своими познаниями в строении окружающего мира, «тупиковой ветвью эволюции».

— Не харя разве? — сварливо гукнул карлик. — Дык рожи ваши человечьи погаже кабаньих будут! Съел?

— Я тебя самого сейчас съем. Говори, для чего пришел?

— Девка твоя прислала. У?

— Зачем? — повторился Данкварт. Если беспутные альбы вызывали у него только легкое раздражение, то данхан светлейший керлат не переваривал всем нутром.

— Дык, просила передать — придет. К сосенкам. А чё? Под сосенками всяко любиться приятней. В кустах задницу наколешь. У?

— Сгинь, зараза! Передай госпоже, что жду.

— Дык. Всяк ждет, да не всем достается. Окромья Древних. Оные завсегда дуло подышут. Дык как, сгинуть или передать? Дык, в самом деле! У?

— Уйти и передать, — стараясь придать голосу максимальное спокойствие, ответил Данкварт. — Исполни.

— Ого, — согласился данхан. — Командовать любишь, харя? У?

— Исполни, сказано! — шикнул Данкварт и передразнил лешачка: — У?

— В штанах у тебя «у», — не остался в долгу данхан и сбежал — Данкварт попытался запустить в него гнилой шишкой. Вот уж точно нечисть, в лучшем виде, почище любых упырей с мантикорами! Хотелось бы спросить у Лэра, как альбы терпели в своем закрытом городе несколько семейств этих лесных мерзавчиков на

протяжении сотен лет? Или у альбов слишком извращенное чувство юмора?

* * *

Солнце, с явным отвращением посмотрев на обитаемую людьми Сферу, закрыло свой красный закатный глаз наползающими со стороны далекого Океана тучами, и кануло за Грань. Копшение смертных ему было неинтересно, все картины светило могло наблюдать бесчисленные тысячи веков, в любых кулисах и декорациях. Лишь сцена не изменилась — старинный Хайборийский мир мужественно переносил очередной кровавый спектакль, разворачивающийся на ее подмостках.

Полтора десятка всадников, надежно укрытых сумерками и молодой порослью лесной опушки, ждали неподалеку от выросших на сравнительно открытом склоне четырех древних сосен. Под корнями вечнозеленых деревьев сидели бородастые лешаки, переругивавшиеся на своем, непонятном даже альбам, гортанном языке. Данхан и знать ничего не хотели о грядущем сражении — они исполнили все, приказанное Древними, и теперь отдыхали, попивая из маленьких тыквенных баклаг брусничную настойку и дуясь в кости.

— Что скажете, светлейший керлат? — невинно осведомилась Рыжая Соня у Данкварта и мимоходом погладила гладкий сверкающий нагрудник доспеха. Месьор Сташув отыскал в Кай-

на-Горе самую лучшую броню для своей хозяйки. — Отчего у вас столь мрачный вид?

— Прощаюсь с жизнью на этой земле, и готовлюсь к путешествию на Серые Равнины, — Данкварт скривил губы в иронической улыбке. — По-моему, двадцатое или двадцать первое прощание за прошедший год. Сие занятие становится мрачной традицией, что мне совсем не по душе.

— Сударь, зачем огорчаться? — подал голос Войто. — Ну, убьют. Всякое же бывает, а на войне — особенно.

— Ах, это непосредственное юношеское отношение к жизни и смерти, — воздел глаза к небесам Лэр. В отличие от людей, альбы не носили доспеха, хотя их тела точно также могли поразить меч и стрела. Данкварт полагал, что они либо бравируют презрением к опасности, либо окончательно свихнулись. Даже Войто раздобыл кольчугу, наручи и шлем, явно ему великоватые. — Почтенные друзья мои, вам-то бояться нечего, душа человека бессмертна и после гибели тела уходит в Залы Отдохновения. Вот нам придется умирать по-настоящему... Альбы покидают этот мир, исчезая в Неизвестность, и никогда сюда не возвращаются. Творец был большим шутником, даровав нам немислимое для людей долголетие, а с ним — черную неопределенность после смерти.

— Никогда не пробовал проповедовать новые религиозные идеи? — огрызнулся Данкварт и похлопал ладонью по шее забеспокоившегося ко-

ня. — Отправься к жрецам Митры Солнечного, они тебя примут с распростертыми объятиями. Монахи-митрианцы очень любят рассуждать о Предопределении.

— Монахи-митрианцы? — в голос рассмеялся альб. — Глупейшая идея! Знал я этих болтунов. Почитают богом великого Духа Природы, которому смертные практически безразличны и ничего более!... Тайны Вселенной просты и объяснимы, милейший господин Данкварт. Раскрыть еще парочку секретов бытия? Или вам не нравится быть разочарованным?

— Не нравится, — отмахнулся керлат. — Смотрите!

От темнеющих небес к земле низринулась крылатая тень. Рэльгонн. Опять в своем омерзительном облике летучей мыши.

Упырь, используя восходящие потоки от нагретой за долгий солнечный день земли, парил над всадниками, выписывая зигзаги.

— Начинаем! — донеслось сверху. — Не забудьте вовремя подать сигнал кавалерии! Желаю удачи!

Рэльгонн тяжело взмахнул широченными перепончатыми крыльями, сделал круг над опушкой леса и поднялся выше. По оценкам Данкварта, на поллиги.

Вскоре в покрывающемся звездами небе к силуэту Рэльгонна присоединились еще восемь бесшумных воздушных призраков — это каттуканы направились к стоянке Хасгата Степного Ветра.

— Упыри и вурдалаки приготовились к атаке, — насмешливо процитировал Алэр, но вернулся к прозе: — Хотелось бы узнать, какие скрипизы породила для варваров болезненная фантазия наших крылатых дружков?

Ждали недолго. Лощина осветилась полыхнувшим на большой высоте багрово-оранжевым шаром, затем превратившимся в распространяющееся по ночному небу кольцо живого пламени, связанное с центром разрыва струями и алыми тающими нитями огня. Замелькали бьющие в землю фиолетовые и зеленые молнии, окрашивая лес и поля в самые фантастические цвета.

— Ух ты! — даже хладнокровный зингарец поразился. — Красиво, между прочим. Как во время фейерверка в Тарантии на праздник Дня Эпимитриуса.

— Слепит, — поморщился Данкварт, прикрывая глаза ладонью. — И, что характерно, мы находимся далеко. Воображаю, каково сейчас дикарям.

Дикарям, наверное, приходилось плохо. Молнии подожгли несколько юрт, насмерть перепугали пасущихся лошадей и превратили округу в огненный кошмар. Пылала даже влажная осенняя трава, а среди вспыхивающих разрядов, прямо над головами, проносились жуткие чудовища на нетопыриных желтоватых крыльях. Твари оглушительно визжали, ударяли лапами, сверкали громадными желтыми глазами и оставляли в воздухе за собой расплывающийся туманный след, на несколько мгновений приобретающий

форму совсем уж непривлекательных призраков — Рэльгонн не зря целую ночь расспрашивал Данкварта, желая узнать у прожившего много лун в Степи керлата, чего именно могут бояться гирканцы. И теперь представлял на суд зрителей бесчисленные и невоплощенные орды демонов степной мифологии. Ведь создать иллюзию так просто!

Рэльгонн извернулся, резко сменил направление полета, пытаясь избежать слабого и неточно-го удара саблей, а перед покусителем на жизнь упыря, нукером из личной охранной сотни Хасгата Степного Ветра, моментально возникла скрюченная и безумно хихикающая магрика — источающая смрад разложения чудовищная ведьма, обитающая на местах захоронений. Степняк, заорав, кинулся в сторону, но справа на него палился Красный Пес Цэн, дух гор, собирающий души неправедных и утаскивающий злодеев в свои мрачные пещеры. Кругом парили жестокие саабдак, мертвые и несущие смерть, шныряли демоны дуд, пожирающие человечину, восставали из земли подобные взбесившимся шакалам божества Мамо, верещали зловредные ньены и скалили зубы дэвы.

— Подавайте сигнал лучникам, господин керлат, — Соня, заинтересованно взиравшая на кавардак в лагере степняков, повернулась к Данкварту. — По-моему, гирканцы достаточно напуганы.

Альбы запустили в воздух три своих факела-шарика, воспаривших над опушкой подобно

синева́тым шаровым молниям. Каттаканы, увидев огни, поднялись выше, чтобы не попасть под лучный залп, из леса показались два отряда кернодцев, с двух сторон подходивших к стоянке, и, наконец, нанесло удар не волшебство, а холодное железо лучных наконечников.

Семь залпов подряд. Полторы тысячи стрел, поражавших как людей, так и запаниковавших степных лошадок, не сумевших понять, что происходит. Сначала пугающий свет, молнии, запах грозы, крики людей, потом в конские бока и спины начали вонзаться стрелы... Однако колдуны-шаманы, находившиеся рядом с Хасгатом, тоже не дремали.

Данкварт, отвлекшийся от весьма занимательной разноцветной картины, вновь попытался использовать мысленное зрение. И в который уже раз увидел пляшущий туман, сотканный из розовых огней. Стена постепенно окутывала гирканцев, защищая их от воздействия магии Рэльгонна. Еще немного — и дикари очухаются.

— Конница, конница пошла! — заверещал Войто, указывая на вышедший со стороны Пайрогийского тракта отряд. Для пущего устрашения Алаш Румский вместе с Босаном вытребовали у альбов сотню бело-голубых огней, а входившие в конный отряд альбы решили добавить в спектакль красок и неслись впереди на чудовищных огнедышащих лошадях. Тоже ничего особенного — обыкновенный скакун, коему рука умелого альбийского колдуна придавала устрашающий вид.

— Ну, пугать так пугать, — выдохнул Данкварт, схватил висевший на цепочке символ Вечного Пламени, приложил его ко лбу и груди, рванул из ножен клинок и скомандовал: — Никому не отставать! Не разбиваться на группы и не теряться! Все за мной!

Эффект внезапного нападения постепенно сходил на нет. Бритунская кавалерия эрла Алаша, разделившись на два отряда, ворвалась в лагерь, но затем откатилась. Потерявшие значительную часть лошадей гирканцы перебороли страх и взялись за луки, отогнав конников пока еще редкими, не сложенными, но чувствительными залпами. По счастью, уцелевшие от огня варвары сосредоточились ближе к полуночной стороне лагеря, те, кто успел поймать не пострадавших от лучного обстрела лошадей, сбивали конные десятки, пытаясь атаковать кернодцев. В суматохе почти никто не обратил внимания на прорвавшихся в круг стоянки чужаков.

Данкварту оставалось лишь сердечно поблагодарить Рэльгонна за то, что было относительно светло — упыри, с огромной скоростью носившиеся над землей, не переставали поддерживать кольцо огня в небесах.

Пошла привычная работа — Данкварт отмахнул лезвием по голове бросившегося к стремям пешего гирканца, сшиб конем другого, третьего поразил в шею... Альбы не отставали — девицы во главе с Эйей мастерски палили из маленьких, будто игрушечных, луков, удерживаясь в седлах с неожиданной легкостью. Им будто не требова-

лось держаться за поводья. Войто, зло поблескивающий глазами из-под конического шлема, довольно лихо управлялся с самострелом, Рыжая Соня и Рей предпочитали мечи. Серьезно помогали каттаканы Рэльгонна, запуская во врагов сверху не убивающие, но способные надолго оглушить тонкие молнии.

Первый и второй круг юрт пройден, остается прорваться через кибитки. По счастью, несколько повозок сгорели дотла, оставив только угольки. За ними — шатер первого военачальника подчиненного кагану Бурэнгину. Один из упырей мечется над округлой крышей юрты, указывая, что Хасгат пока остается на месте.

Слева, в некотором отдалении, загремел конный бой — гирканцы все-таки ухитрились собрать сравнительно небольшой, но вполне боеспособный отряд. Если они дерутся с таким же безумием, как и при Кайна-Горе, эрлу Алашу придется тяжело.

Отряд личной охраны, отмеченный золотыми значками с распахнутым крыльями соколом, сражался насмерть, не помогали даже преимущество всадника перед пешим, колдовство альбов и упыринные штучки.

Против пятнадцати конных и девяти каттаканов, не имевших возможности спуститься на землю, вышло полсотни самых лучших нукеров Хасгата Степного Ветра. Данкварт, попеременно работая то клинком, то собственным волшебством, особо ярко проявлявшимся в минуты опасности, заметил, как неподалеку на утоптанную

траву с размаху шлепнулся нашипигованный стрелами каттакан. Но и тогда странное существо из другого мира не сдалось — упырь бил пытавшихся изрубить его на куски гирканцев когтями крыльев, кусался своими жуткими зубами, однако его поглотила черная волна людей, наотмашь полосующих саблями.

«Надеюсь, это был не Рэдьгонн», — промелькнула и тотчас забылась мысль. По счастью, наверняка погибший каттакан сумел отвлечь внимание полутора десятков варваров.

Убили Лайлэ, близкого друга предводителя альбов. Сам Ллэр оказался ранен в грудь, но продолжал биться. Данкварту, пробив саблей кольчужные чулки, оцарапали ногу. Практически не пострадали Войто и Рыжая Соня — их прикрывали искушенный в ратной науке Рей и несколько альбов. Зингарцу вновь досталось по руке и шрам, полученный при Аграпуре, перекрыла новая рана.

Затоптать отряд Данкварта у гирканцев не вышло. Совместная мощь простого оружия и магии альбов, дополненная необычайными способностями и замысловатыми приспособлениями каттаканов сделали свое дело. Оставалось несколько мгновений для того, чтобы ворваться в шатер Хасгата и...

Данкварт разрубил полог юрты, тут же нырнул внутрь и едва не ослеп. Хладнокровно восседающего на кошме пожилого полноватого степняка окружало яростное розовое пламя. Хасгат будто находился внутри сосуда, сотворенного из

живой мысли Хозяина. За спиной гирканца, получившего прозвище Степной Ветер, столь же невозмутимо стояли двое шаманов-колдунов, творивших заклятия охраны. Их лица выражали такую уверенность в себе, что Данкварт похолодел. Неужели ничего не выйдет?

Щелкнули альбовы самострелы. Эйя с подругами отбросили луки, взявшись за небольшие, похожие на миниатюрные арбалеты, приспособления, укладывавшиеся в ладони. Никакого толку — тяжелые, выкованные альбовыми кузнецами, стрелы бессильно упали на ковер перед Хасгатом.

— Вы смелы, — не меняя величественного выражения на лице, кивнул старый гирканец. — Я не знаю, кто вы, но вижу вашу цель. Меня хранят Заоблачные...

Данкварт попытался ударить Хасгата мечом, но лезвие скользнуло по розовым огням и едва не выскочило из руки.

— Господин, отпусти его, — сказал один из двух степных магов, оставшихся при знаменитом туменчи. — Он уже не сможет причинить нам вред.

Сквозь безумный танец искр Данкварт не сумел рассмотреть лицо говорившего, но подумал, что голос ему знаком. Сейчас не было времени вспоминать всех известных ему ближних Бурэнгийнна. Следовало либо немедленно отступить, либо за несколько мгновений придумать способ убить старого туменчи. И светлейший керлат Рудны всей шкурой ощущал снисходительно за-

бавляющийся взгляд Хасгата Степного Ветра. Тот будто хотел сказать: «Шли бы вы отсюда, сударь, подобру-поздорову... Иголкой медведя не убьешь.»

— Что, что здесь?!

В юрту вихрем ворвалась Рыжая Соня. Сбросила шлем. Выругалась.

— Он?

— Да, — безнадежно ответил Данкварт. — Ты понимаешь... никак!

— Что «никак»? — яростно вскричала Соня. — Что ты возишься?

Она оттолкнула Данкварта, занесла свой меч и, вложив в удар всю доступную силу, низвергла клинок на голову так и не успевшего удивиться Хасгата.

Странное дело: огоньки отпрянули от синева-то-стального лезвия меча Рыжей Сони, пропустив его беспрепятственно. Сталь легко рассекла пушистую, меха черно-бурой лисы, шапку туменчи, раздробила кости черепа, глубоко проникнув под его свод, брызнул короткий фонтанчик темно-багровой крови.

Хасгат, даже не охнув, завалился набок, а розовые искры начали постепенно опадать на ковер, прогорая.

Один из колдунов туменчи прынул было на врага, но его тотчас поразили серебристые болты альбовых самострелов.

На второго накинута отшвырнувший меч Данкварт. Просто не оставалось времени на какие-либо раздумья.

Гирканец, неожиданно высокий и сильный для своего племени, никак не ждал, что противник останется без оружия и пока не пришел в себя, пораженный исчезновением своего волшебства. Удар латной перчаткой в шею, степняк падает...

— Месьор, месьор! — надрывался Войто у входа в юрту. — Где вы копаетесь? Не успеем!

— Успеем, — процедил Данкварт, подхватывая оброненный клинок. — Повсюду успеем! Войто, дурень, хочешь прославиться?

— Кто ж не хочет, господин мой?

— Видишь старого мерзавца с прорубленной башкой? Хватай меч, отруби ему голову!

Войто ошарашенно замер, исподлобья глянул на благородного господина, но все же потянулся за своим мечом. Отсечь голову Хасгата Степного Ветра неопытному дружиннику получилось только с третьего удара.

— Во, удумал! — физиономия Войто посветлела. — Для пущей страсти... А, ладно, побегу да сделаю! Как прадеды учили.

Небольшой отряд все-таки прорвался к лесу. Успели даже выхватить из-под носа гирканцев тела погибших — Лайлэ и еще одного альба из маленькой свиты Ллэра, проигравшего ставку в игре жизни и смерти.

Древние дали сигнал к общему отступлению, и теперь кернодские лучники вместе с изрядно потрепанной в ночном сражении бритунийской конницей эрла Алаша уходили к Полуночи по свободному Пайрогийскому тракту.

Всадники Данкварта предпочли путь по лесным тропам, в обход. Войто, улыбавшийся так, что его лицо светилось в лунных лучах, будто начищенная серебряная монета, тащил тонкое копье с острием, украшенным мертвой головой. В точности как завешали предки.

Глава 8

Победители на отдыхе

льшь, Данкварт, может быть, ты все-таки откроешь глаза и соизволишь ознакомить вельможных господ с последними донесениями? Эй, кто-нибудь, толкните керлата!

— Не надо меня толкать, — Данкварт зевнул и протер глаза. Медленно оглядел собравшихся — заседали в парадной зале Кайнагорского замка, ибо теперь маленький кабинет Сони не вмещал всех желающих посетить госпожу светлейшую герцогиню.

...Да, именно герцогиню, а отнюдь не тана области Кернодо. Несколько дней назад Соня (после невыносимо долгих уговоров со стороны соратников) приняла герцогский титул Райдора и наспех сделанную золотую корону — герцогов венец отлили прямым в Кайна-Горе из офирских золотых монет, ибо, как известно, чеканенные в государстве Золотых Копей деньги отли-

чались малым количеством примесей. На восемь долей чистого золота добавлялось по доле серебра и меди. Возможно, как утверждал достойный эрл Алаш Румский, делать корону из денег, да еще чужестранных, было отнюдь не патриотично, но Соня не решилась просить у дворян отдать немногие сохраненные золотые украшения, дабы переплавить их и создать ненужную сейчас побрякушку.

На коронации, где непременно должна фигурировать корона герцогов, настаивали все — громогласный Алаш, его ближайшие помощники-воеводы, жрецы Вековечного Огня, меньше чем за месяц построившие у подножия Кайна-Горы деревянный храм Солнцезарного Митры...

Альбы с радостью согласились поработать в кузнице, заявив, что герцогиня всея Райдора получит в подарок от Древнего народа такой чудесный венец, что прочие государи перемрут от зависти. И точно, за два полных дня работы Алэр и его развеселые дружки создали идеальное произведение искусства в лучших альбовых традициях — почти невесомый обруч с резьбой по металлу, четыре зубца короны в виде четырехлепесткового клевера осыпаны, будто снежинками, мелкими алмазами, по ободу светятся багрово-красным и алым рубины с темными гранатами, центр каждого зубчика украшен синим камнем ромбовидной формы... Когда готовый венец предъявили Соне, Данкварт сварливо заметил, что теперь в случае провала дальнейших

планов и вынужденного бегства в Зингару или на Закатные Острова найдется, что продать. Или заложить.

Первый день третьей осенней луны ознаменовался торжеством: Рыжая Соня, единственная оставшаяся в живых правопреемница светлейшего Юстиния (никого не смущало, что она не приходится Юстинию даже отдаленной родственницей), изволила принять из рук благодарного народа трон и корону Райдорского герцогства. Все сомнения в правомерности сего действия были отброшены — вездесущие каттаканы постарались. Рэльгонн с родичами несколько ночей подряд шнырял по всей стране, успевая от заката до восхода солнца посетить множество городков, деревень, лагерей степняков и заброшенных хуторов в поисках хотя бы одного-единственного оставшегося в живых после штурма Пайрогии родственника герцога Юстиния. Каттаканы буквально перевернули Райдор вверх дном и принесли в Кайна-Гору неутешительные новости. Горестные слухи о гибели семьи герцога полностью подтвердились.

Соне потребовалось авторитетное свидетельство каттаканов, ибо господа благородные дворяне в кои веки решили выразить единое мнение: государству необходим законный правитель. Немедленно. Пускай территория герцогства Райдор сократилась на четыре пятых, но Кернодо — это тоже Райдор, танство остается свободным, обладает маленькой, однако вполне боеспособной армией, тинг собирается исправно... Значит, и

впредь жизнь должна идти согласно закону и традициям.

— Учтите, — заявила тогда Соня прибывшей в замок делегации тинга, состоявшей из Алаша Румского, тана Босана и еще двоих, не столь знатных дворян, — если выяснится, что я короновалась незаконно и остался кто-нибудь из родичей благороднейшего Юстиния — отрекусь тотчас! И вообще мне эта затея не по душе — терпеть не могу привязывать себя к одному месту!..

— Сударыня, уймитесь, — добродушно прогудел Алаш. — Без государя в нынешние тяжкие времена никак нельзя. Соизвольте внять желанию дворянства и народа! А ежели станет известно, что кто-нибудь из прежней герцогской фамилии живым остался, что ж, отречься всегда можно. Единым росчерком пера. И вообще, замечу: кто смел — тот и съел. Уж коли успели занять трон, то и сидите не рыпаясь.

— Вы редкостный хам, месьор Алаш, — вздохнула Соня. И согласилась.

Короновались в деревянном храме Неугасимого Пламени Митры. Жрецы долго распевали моления к Солнцезарному, принесшему в Сферы Вселенной огонь жизни, госпожа красовалась в длинном золотистом платье, подаренном альбами, и горностаевом плаще (шить плащ поручили скорнякам из близлежащего поселка), Данкварт, Алэр, Рей, вельможный господин Сташув и все приближенные блистали лучшими (то есть не слишком потертыми) нарядами; альбийки из

отряда амазонок, набранного Эйей, нацепили на себя уйму старинных драгоценностей и более смахивали на живые ювелирные прилавки, а на балке под потолком висели вниз головой два приглашенных каттакана, ибо значительная часть церемонии происходила глубокой ночью. Рэльтонн с братом, к их вящему сожалению, так и не дождались самого торжественного момента, потому что по традиции жрец возлагал корону на голову нового правителя в миг восхода солнца, когда Вековечное Пламя заново рождалось и благословляло первыми лучами своего царственного потомка.

Утром после коронации Соня переделалась в более привычный мужской костюм и уже в качестве полноправной герцогини подписала несколько сочиненных Данквартом указов. Во-первых, танов престол Кернодо ныне оказался вакантным и его следовало передать достойному человеку.

Разумеется, старинным танством со всеми правами и обязанностями перед короной герцогов одарили Данкварта. Простодушный месьор Сташув не преминул сообщить, что на нового господина распространяются все обычаи и привилегии Кернодо, включая установку надгробного камня на знаменитом кладбище. Господин каштелян понадеялся, что в некрополе появится хоть одна могильная плита с достойной надписью, повествующей о причине смерти тана. Данкварт сухо поблагодарил государыню и управителя замка за высокое доверие.

Во-вторых, назначались управы — восстанавливать государство, так восстанавливать по-настоящему. Для начала — создать правительство.

— Только чем править будете? — вздыхал господин Сташув. — Кернодскими землями, где половина лесов, половина болот, а все остальное — горы?

За угрюмое ворчание каштеляна тотчас повысили до главы конюшей управы. Теперь в ведомстве Сташува находилось все хозяйство Кернодо: снабжение войска фуражом, работа кузен, мельниц, рудников, всевозможные промыслы, от шерстобитного до оружейного...

Данкварт остался главой тинга. Воеводское звание отдали Алашу Румскому с неперменным условием — говорить поменьше, делать побольше.

Рей-зингарец удостоился сотничества над дружиной Кайна-Горы, Рэльгонн со товарищи превратились в «почтенных господ советников», а Войто из простого дружинного дорос аж до порученца при светлейшей персоне райдорской герцогини, чем немедля возгордился.

Должности рангом пониже раздали особо отличившимся. Например, Босан из Эттена стал полутысяцким, альб Лэр возглавил отряд личной охраны герцога. В остальном изменений не последовало — маленькое танство осталось лишь танством, где правила государыня, величие титула которой превосходило всех эрлов, танов, керлатов и прочих старост. Герцогине надлежит править герцогством!

Но по большому счету Рыжей Соне вовсе и не хотелось никем и ничем править. С каждым днем она все больше начинала скучать. Пока в Кайна-Горе ее держали только обязанности и друзья.

* * *

...Не случись почти блистательной победы в ночном сражении на Сеггедском тракте, Соня никогда не получила бы титул. Пускай многие погибли, пускай кернодское войско лишь слегка укусило огромного степного зверя за лапы и выкололо ему один глаз, пусть оно не нанесло сколь-нибудь ощутимого поражения степнякам, но главной цели достичь удалось: люди поняли, что они могут побеждать. И побеждать всерьез. Убить самого Хасгата, правую руку великого кагана Степи?! Можно!

Теперь голова Хасгата, вернее, то, что от нее осталось после двух седмиц пребывания под ветром, дождем и солнцем, красовалась на металлическом шесте, вбитом над воротами Кайнагорского замка.

Темные, желтовато-коричневые кости черепа проглядывали сквозь разложившуюся скользкую плоть, вороны, сначала потрепав этот чудный трофей, вскоре перестали обращать на него внимание. Видимо, пахло слишком сильно даже для птиц-падальщиц. Но голова первейшего военачальника Степи превратилась в такой же символ победы, как и законная коронация ее светлости

герцогини Райдорской Сони, по прозвищу Рыжая.

Вкус победы слегка портила горькая примесь. «Допустимые потери», как называл Рэльгонн убитых в ночной битве, превысили любые ожидания. Кавалерия эрла Алаша оставила в лошине около тридцати человек, вдвое больше оказались ранеными, нескольких альбов задело стрелами и клинками настолько серьезно, что пришлось отправлять их обратно в таинственный и закрытый Аэльтунн, а двое Древних удостоились погребального костра.

Данкварт не преминул осведомиться у Рэльгонна, кто именно из его родственников погиб. Светлейшему керлату и тану отлично запомнилось, как один из каттаканов, утыканный стрелами, ровно ежик иглами, упал на землю, после чего на упыря, потерявшего большинство своих преимуществ перед людьми, накнулись полтора-два десятка гирканцев.

— Погиб? — удивился Рэльгонн. — Разве? Ах, вы имеете в виду Ритагонна, моего дядюшку? Ему, конечно, повезло меньше других, однако он жив, уверяю вас.

— Но как же?.. — у Данкварта глаза на лоб полезли. — Я лично видел, что пораженный лучными стрелами каттакан затем был изрублен на мелкие куски!

— О, отнюдь не на мелкие, — возражая, замахал руками упырь. — Дядюшке всего лишь отсекли верхние конечности, разрубили грудь, голове и ногу. Пытались обезглавить, но не успе-

ли. Я вместе с сыновьями выхватил его из лап озверевших варваров и мгновенно доставил в Рудну. Успокойтесь, господин Данкварт. Ритагонн цел и почти здоров. Его тело полностью восстановится примерно через две-три ночи. Помните, я говорил, будто представителей нашей расы почти невозможно убить, используя примитивное человеческое оружие?

— Завидую, — вздохнул Данкварт.

Ближе к вечеру состоялся военный совет. Размышляли, что делать дальше. Бесспорно, последнее седмицы ознаменовались началом кровавой тайной войны против степняков, оставшихся в землях полуденнее Кернодо. Маленькие отряды крестьян-охотников по десять-пятнадцать человек устраивали засады на дорогах — несколько точных выстрелов из лука по десятникам и сотникам войска Бурэнгийна, мгновенное отступление в чащу, новый набег... Когда требовалось захватить караваны с продовольствием, в дело вступали каттаканы с альбами: вначале, по испытанному плану, упыри пугают дикарей и наводят панику, затем начинают действовать люди и альбы, угоняя повозки и лошадей. Во время ночного налета даже удалось отбить небольшую деревянную крепостишку, оберегавшую с вершины холма Пайрогийский тракт, но ее бросили тотчас: один из упырей донес, что к укреплению движется не менее трех-пяти тысяч очень разозленных выходками кернодцев степняков.

—...Не надо меня толкать, — повторился Данкварт. — Хотите услышать последние доне-

сения, вельможные господа? Извольте. Паршивые новости. Основное войско степняков почему-то застряло на рубежах Немедийского королевства. Они разграбили пять или шесть графств в Полуденной Бритунии, включая пограничные с Кернодо области, и теперь стоят на месте вместо того, чтобы бодро двигаться дальше, на полуденный закат. словно ждут чего-то. К нам не суются, обложили полуденные рубежи, и не более того.

— Степной дикарь, — со знанием дела заявил вельможный каштелян, — к лесу не приспособлен. Боятся. Дорога среди чащоб узкая, извилистая. Пока не грянет зима и не замерзнут болота, ни один гирканец сюда не заявится. Вот потому... Уж и не знаю, как зимой оборону выстраивать.

— Придумаем, — уверенно кивнула Соня. — Еще что-нибудь умное имеете сказать, благородные господа? Нет? Тогда идите отдыхать. Данкварт, останься. Есть приватный разговор.

* * *

Осень постепенно сдавала свои права зиме. Ночами на стенах Кайна-Горы появлялся иней, и в лунном свете замок на некоторое время становился серебристо-голубым, словно в волшебной истории про альбов и древние времена. Говорят, тогда строили удивительные дворцы из светившегося в темноте камня, продаваемого людям и альбам гномами-торговцами, добывавшими чу-

десный минерал из глубинных штолен под нынешними Кезанкийскими горами.

Этим вечером с пасмурных небес летел редкий колючий снежок, почти сразу таявший на земле. Заходящее солнце скрыли тучи, но в стороне заката облака приобрели холодную желто-алую окраску — зелено-черная линия уходящих в немыслимые дали лесов разительно контрастировала с небом, точно две полосы на знамени.

Войто, услышав четыре удара колокола на башне, глянул в сторону верхних окошечек донжона Кайна-Горы, углядел промелькнувшие темно-красные одежды жреца Вековечного Пламени, следившего за точным отсчетом времени, и спустился с башни барбикена в сарайчик, где грелась стража. Четыре колокола означали для Войто начало свободного времени. Пускай он и состоял теперь порученцем при госпоже герцогине, но суровый месьюр Сташув заставил Войто нести сторожевую службу в крепости наравне со всеми прочими.

Сходить к госпоже, что ли? Может, чего приказать изволит? Или нет, госпожа Соня еще утром сказала Войто, что он волен отдыхать до завтрашнего дня. Не наведаться ли к альбам?

Шествуя через двор и изредка смахивая с ресниц сухие снежинки, Войто заметил выходящих с главного крыльца господ управителей. Вот вам, пожалуйста, лешачья бородаща эрла Алаша Румского, розовощекая физиономия каштеляна, молодой господин Босан, Ллэр... Госпо-

дин Рей из Зингары с самым деловым видом отправился в дом стражи — порядок наводить. Среди кайнагорской дружины въедливого зингарца полагали самым великим проклятьем, свалившимся на замок за последние лет так полтора. Похоже, Рей всерьез решил превратить стражу Кернодо в образцовый боевой отряд.

Альб легко зашагал к конюшне, и Войто устремился ему наперерез. Если Лэр отправляется к своим, в лес, можно увязаться с ним.

— Ага, месьор Войто! — полушутя, полусерьезно сказал альб, заметив мальчишку. Только он и еще главный упырь иногда обращались к Войто уважительно, словно к совсем взрослому, семейному человеку. — Отчего скучаешь?

— Не скучаю, думаю, — улыбнувшись, ответил Войто. — Госпожа Эйя у вас?

— Куда ж ей деваться-то от нас, хорошеньких? — фыркнул альб. — Навестить хочешь? Тогда сядь коня и вперед!

— Опять ночь напролет петь будете?

— Ночью, — поучающе сказал Лэр, — можно не только петь. Еще можно пить. Наши ездили в Аэльтунн за кой-какими припасами, приволокли несколько бочонков с медовой настойкой на корешках. Да ты пробовал уже. Вкусно, правда?

Войто хотел возразить, но осекся. Особенный напиток альбов, очень похожий на мед по вкусу, но жидковатый, словно вино, на людей действовал сногшибательно в самом прямом смысле данного слова. Одного-двух глотков хватало, чтобы позабыть самое себя.

— Наверное, господин Сташув сегодня никуда не поедет, — философски заключил Войто, глядя на пасмурное, темнеющее небо. — Кто ж по такой погоде воюет? Дома надо сидеть, правда, месьор альб?

— Именно, — решительно подтвердил Лэр, открывая высокую дверь конюшни. — Собираешься позаимствовать господского коня? Не влетит?

— Еще как влетит, — огорченно сказал Войто, разглядывая топтавшегося в яслях широкогрудого Прока. — Но если Сташув точно останется в замке, то почему бы не жеребца не прогулять? Ведь застоится.

Ворота Кайна-Горы пропустили двух всадников. Первый восседал на огромном вороном коне с иллюзорной, но очень впечатляющей особенностью: из пасти и ноздрей животного вылетали наколдованные Лэрором язычки холодного пламени. Лошадь, привыкшая к подобному обращению, не обращала никакого внимания на постоянное мелькание перед мордой красноватых огней. Или, что вероятнее, просто их не видела. За Лэрором ехал Войто и пляшущий под всадником каштелянов соловый жеребец счастливо пофыркивал, довольный неожиданной прогулкой.

Древние устроились недалеко — так, чтобы находиться рядом с Кайна-Горой, но в то же время не надоедать людям: многие пока не доверяли альбам, полагая чужаков очередной напастью, порожденной смутными временами. Их костры и фонарики не замечались с тракта или из

замка, но стоит Соне или Данкварту поднять тревогу, альбы примчатся моментально. Вместе с отрядом новоявленных союзников.

Гирканцев.

Войто и Ллэр миновали караулы, выставленные на лесной дороге, объехали несколько больших альбовых шатров, вполне мирно соседствовавших с удивительными для кернодского леса юртами и странными, округлой формы шалашами. Предводители альбов из Аэльтунна предпочитали жить по традиции, на свежем воздухе.

Полянка, окруженная сплошной цепью огней. Посреди разложены ковры, воздух кажется сухим и теплым, как в летний день. Аккуратный очаг из крупных булыжников — не простое кострище, именно очаг, наподобие камина в главной зале тановой крепости.

Войто подумал, что от ветра, снежинок и сырости альбов оберегает волшебство, но слегка ошибся. Древние умели устроиться где угодно, даже в мокром осеннем лесу, со всеми мыслимыми удобствами.

Лица знакомые. Непременная Эйя, которая, как недавно выяснил Войто, доводилась Ллэру младшей сестрой и совсем недавно, шесть лет назад, справила совершеннолетие — двести пятьдесят солнечных кругов от роду. Войто сначала удивлялся долгому сроку жизни Древних и тому, что Эйя родилась во времена, когда Войтова пра-прабабушка считалась глубокой старухой, но после оттаял — уж больно непосредственно вели себя альбы.

Рядом с Эйей на подушках восседали Рингвола — приятель Рея-зингарца, и Кэйро, не похожий на прочих Бессмертных, ибо у него волосы имели не обычный золотистый оттенок, а темно-рыжий цвет лисьей шкурки.

С ними, разумеется, двое томных девиц в длинных платьях, но с неперенными маленькими арбалетами под рукой. Завернувшийся в черный плащ родич Рэльгонна — наверное, его брат. Войто давно перестал бояться упырей из Рудны, однако доселе полагал каттаканов опасными.

И еще один гость — человек.

Человек был высок, локтя три да сверх того две с половиной ладони. Сложением напоминал Рея: сухощав и весьма широкоплеч. Кожа очень загорелая, глаза узки, волосы темные и коротко обрезанные. Но, несмотря на чужую внешность, красив.словно видишь перед собой замечательного хищного зверя наподобие горного барса, принявшего человеческое обличье. Одет в некое подобие короткого, до колен, саккаремского халата. Голову украшает белая, с вышивкой, четырехугольная шапочка.

Гирканец. Первый из плененных при Кайна-Горе степняков, перешедший на сторону тана Кернодо. Звали его Менджин.

— Полагаю, все знакомы, никого представлять не нужно? — с обычной непринужденной развязностью спросил Ллэр, входя на окруженную пламенными шариками поляну. — Эйя, смотри, кого я привез!

— Войто! — ахнула альбова девица. — Наконец-то! Я решила, ты про меня забыл и отдал симпатии какой-нибудь человеческой красоте! Я уже начинала ревновать! А ну, садись! Ты голодный?

Войто, по-деревенски гордому, хотелось сказать, что кушать он не хочет и господин Сташув уже накормил стражу неременной капустой, но от котла альбов тянуло таким головокружительным ароматом, что робкие мысли о сопротивлении сразу пропали.

Гостеприимная Эйя усадила Войто рядом с Менджином, выглядевшим спокойно, но несколько обескуражено, и поднесла стаканчик с ягодным вином.

— Черничное, твое любимое, — пояснила альбийка. — Кушанья скоро сготовятся, потерпи. Побеседуй с почтеннейшим Менгу, вам будет интересно познакомиться ближе.

— Э-э... — Войто опасливо покосился на гирканца, думая, о чем можно завести разговор. — Скажи пожалуйста, у вас в Степи все лошади маленькие и мохнатые?

— Все, — коверкая привычное кернодское наречие и спотыкаясь на многочисленных шипящих звуках, кивнул Менджин. — За морем Вилайет, далеко-далеко на востоке, пасутся несчетные табуны таких лошадей. Если ты здешний, порожден лесом и болотами, и никогда ничего не видел, кроме сизых елок, то поразишься красоте Вечной Степи. Когда все кончится — я имею в виду войну — обязательно приезжай.

Слово за слово, фраза за фразой. Войто неожиданно для себя подумал, что дикари-гирканцы лишь обычные люди. Хорошие, очень вежливые, смущающиеся. Впрочем, в обществе легкомысленных и беспечных альбов любой поначалу будет чувствовать себя не в своей тарелке.

Эйя вскоре подала ужин.

* * *

— Соня, на этот раз ты точно обезумела!

— За последние дни ты бросил мне не меньше сотни подобных обвинений! Заметь, все придуманное мною почему-то приносит ощутимые результаты — Хасгата обезглавили, государство восстановили...

— В пределах одного-единственного заболоченного танства, где нечисти больше, чем людей! Предлагаю навеститься к Ронинским трясиной и взять в союзники трехглавого болотного пса. Надеюсь, фамильное проклятье эрлов Ронинов проникнется идеей спасения мира и станет отличным дополнением к уже собранной компании якобы исчезнувших навсегда альбов, упырей и лешаков.

— Лешаки — герои сказок. Рэльгонн тебе сто раз объяснял, что данхан — отдельная небольшая раса, которую мы, люди, почти истребили.

— Знаю. Что из этого? Леший остается лешим, как его не назови...

— Не заговаривай зубы! Я жду твоего решения.

— Ты еще схвати кинжал и приставь мне к горлу. Соня, не время заниматься подобным баловством! Что значит — уходишь? Почему отречение составлено на мое имя? И потом: я уже немолод для принятия такого титула! Почему я? Тан Босан Этгенский подойдет гораздо больше — молод, силен, красив, смел. Предан нашему общему делу, как собака!

— Балда! Неужели не понимаешь, что Бритунии нужны не только преданные собачки, но люди, способные за уши вытянуть государство из черного омута! Ты принадлежишь к одной из ветвей королевской фамилии, хорошо образован, неплохо знаешь военную науку, владеешь недоступным никому из обитающих в Кернодо людей волшебством. Твоей родословной может завидовать сам король Бритунии...

— Я что-то не понял, — Данкварт грозно взглянул на собеседницу, — при чем здесь моя родословная? Ты лошадь на базаре покупаешь? Честное слово, Соня, я люблю тебя как сестру. Сколько лиг пройдено вместе, сколько авантюры провернули... Ты чудесный союзник, боевой товарищ, друг, прекрасно устроила дела в Кернодо и вдруг хочешь все бросить? И не хочу я быть герцогом, дел невпроворот, мне просто не до того!

— Тебе всегда было не до того! — с оскорбительной насмешкой заявила герцогиня всея Райдора. — Книжки, путешествия, поиски знаний! Между прочим, господин керлат, откройте страшную тайну — когда вы последний раз общались с женщиной постельным образом?

— Ну-у... Честно или вежливо?

— Честно!

— Забыл. Хотя нет, еще до прихода войск кагана Бурэнгийна, в Аграпуре, ходил в дом усад, хотя какое отношение это имеет к твоей безумной затее?

— Самое прямое! — Соня, потряхивая гривой ярко-рыжих волос, возбужденно отмахивала шаги по опустевшей тронной зале. — Тебя что, больше привлекает Рей?

— Вот не посмотрю, что ты девица и коронованная государыня, и врежу по морде, — яростно пригрозил Данкварт. — Оставь Рея в покое! У него другое воспитание, другие традиции и, кажется, он вполне утешился с этим альбом... не помню, как имя. Подумай лучше о другом — ты сейчас возжелала предать всех, кто тебе поверил! Они же не просто нацепили корону на голову простолюдинки, явившейся из ниоткуда с жалованной грамотой герцога Юстиния в рукаве! Ты действительно смогла стать властительницей! И ты понимаешь, что начнется, когда ты... Уедешь?

— Плевать! Итак, ты согласен принять герцогство из моих рук?

— Великие боги и все силы мира! Такое не решается за один вечер! Я ведь должен... подумать.

— Думай, — легко согласилась Соня. — Можешь начинать прямо здесь. Пойми, я уважаю чувства другого человека и понимаю, что означает такая ответственность. Но в нынешние времена любовь к себе, драгоценному, должна обра-

титься на свою страну. Если ты за год успеешь жениться и появится наследник, то не вспыхнут склоки между дворянами, продолжится династия. Право на твоей стороне. Ты, надеюсь, не позабыл — для Райдора выше герцогской власти только власть королевская, каковая ныне отсутствует, сила божественная и древний закон!

— Это вымогательство и насилие! — вяло запротестовал Данкварт. — Принуждать к короне, ссылаясь на войну и тяжелое положение родины! Я всегда знал, что ты сумасшедшая!

— По крайней мере, не ханжа, — смело улыбнулась Соня. — Итак, будешь думать? Делаю одолжение — прошу вежливо. Подумай, *пожалуйста*.

— Кстати говоря, — совсем уж угрюмо произнес Данкварт, — я жду Рэльгонна. Сегодня рудненские упыри должны доставить новые донесения о передвижении степного войска по Бритунии. Забыла?

— Ничего я не забыла. Темнеет, Рэльгонн скоро появится. Почему у тебя на первом месте всегда стоит дело?

— Ох, милочка моя! — возмутился Данкварт. — Глянь на себя! Кто собрался в такие тяжелые времена бросить законно доставшийся герцогский трон и снова отправляться бродяжничать?

— По-моему, — шепнули откуда-то со стороны, — столь образованный и решительный благородный месьор, как Данкварт из Бергиса вполне оправдывает доверие кернодцев и собравшихся здесь дворян Бритунии...

Из полутьмы сверкнули желтые глаза Рэльгонна. Упырь появился, как всегда, незаметно.

— Подслушивал? — гаркнули Данкварт и Соня.

— Подслушивал, — невозмутимо согласился Рэльгонн. — Подслушивать чрезвычайно интересно, всегда узнаешь что-то новое и получаешь массу удовольствия от чужих словопрений. Хотите совет очень пожилого и опытного в мирских делах вампира?

— Ну? — нахмурился Данкварт.

— Возьмите кувшинчик с вином... отсутствует вино — с пивом, и отправляйтесь наверх. Подумайте об этом деле вдвоем, один на один. Там все и решится. И еще, Данкварт... Мне кажется, то если Соня решила уйти, ее ничем не удержишь. У человека всегда должен быть выбор — свой она сделала. Верно, Соня?

— Гори оно все синим пламенем, — безнадежно отмахнулся Данкварт, взял со стола початый кувшин с крепким элем и предложил Соне руку. — Ваш кабинет, светлейшая герцогиня, кажется мне самым уединенным помещением во всем замке. Полагаю, дружине и слугам ни к чему слушать выяснение отношений меж господами?

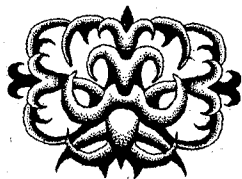
Соня фыркнула и благосклонно наклонила голову:

— Как нельзя более согласна.

Эпилог

Утро зарождалось вязко и грустно. Над неизмеримым пространством лесов и заболоченных пустошей, простиравшихся от герцогского дома до самой полуночной границы танства Кернодо, обрывавшегося в безлюдных пущах «ничейной» земли, висели грязные низкие тучи, в предрассветной полутьме казавшиеся черными. Однако из-за Самоцветных гор уже выбивались первые проблески светила, готового вновь явить свой лик хмурому миру смертных.

В Кайна-Горе еще было темно, хоть глаз выколи. Факела, прогоревшие за ночь, едва теплились, фитили масляных ламп угасали, юркали по прохладным коридорам редкие мыши-полевки, избравшие человеческое жилище местом постоянного обитания — тут тебе и зерно, и вдоволь места для гнезд, да и почтенные хозяева

нерачительно оставляют вкусные хлебные корки... Прирученные хорьки, призванные кернодскими господами охотиться на серую хвостатую нечисть, свое отработали и отправились спать — мышам раздолье.

Рей-зингарец выбрался из своей комнатки-конуры, с неудовольствием приметил шмыгнувшую мышку, и отправился на двор. Выкупался в громадной бочке, специально для него поставленной и ежевечерне наполняемой из колодца, подивился невиданной на Полуденном Побережье холодрыге — пришлось разбивать ладонями тоненький слой льда, образовавшийся на поверхности воды — но остался доволен: ничто так не освежает после ночи, как бодрящий холод. Теперь надо как следует протереть тело грубой холстиной, так, чтобы кожу жгло огнем, одеться и идти проверять караулы.

Удостоившись весьма значительного положения сотника дружины, Рей отнесся к своим новым обязанностям с максимальным рвением. Кайнагорская дружина — это, почитай, личная гвардия госпожи Соне, почти королевы. Но, увидев у дружинных нечищенное, затупленное оружие, старый доспех и уяснив, что кернодцы даже малейшего понятия не имеют о слове «порядок», Рей пришел в ужас.

Он, бывший легионер «Кастельона», лучшего военного отряда Материка, не мог спокойно видеть царившее в Кайна-Горе разгильдяйство и немедленно принялся оное нещадно истреблять, в чем преуспел.

Всего-то десять дней прошло, а кузнецы изготовили для гвардии, сиречь личной охраны ее светлости, новые кольчуги и все, к ним причитающееся — шлема, наручи, поножи, оголовья. Клинки сверкали на солнце, будто серебро, умелые ткачихи из ближайшей деревни буквально за две ночи соткали и вышили новый штандарт и вымпел для каждого десятка, дружинные теперь не потребляли на службе пиво в количестве превесьма безумном, но всевозможно радели и не отправлялись спать, когда захочется.

За свои нововведения суровый Рей получил прозвание «Ведьмачина». Ему стоило возблагодарить богов, что дружинные поименовали нового командира сравнительно мягко, и если возмущались строжайшими порядками, то втихомолку.

Первым делом следует проверить внешние караулы. Стена, ворота, главнейшие проходы внутри замка. Неприятность какая, даже не к чему придрасться... Кернодские воители бдят и сторожат, сна ни в одном глазу, на клинках ни пятнышка ржавчины и, словно нарочно, орут, едва услышав стук деревянных подошв: «Тишина в округе, господин Рей!» Научились распознавать сотника по походке. Засим — стража внутреннего. Здесь вполне может повезти: коридоры Кайна-Горы оберегаются самыми яркими прохвостами и бездельниками, из которых, впрочем, еще можно сделать настоящих легионеров. Кто-то наверняка смылся на кухню, другой отправился к девкам, третий дрыхнет на посту... Посмотрим.

— А ну, встать! — рявкнул зингарец, проходя через второй этаж главной башни. Вот мерзавцы, на службе в кости играют! Наказание палками в Кернодо не приветствовалось, но дальнейшую судьбу преступников решить можно запросто — выгнать из дружины, либо отправить в дальний дозор на полуденные рубежи танства. Еще можно воздать за нарушение установленных Реем правил более мягко: надевай весь доспех, мешок с камнями за спину — и вперед, десяточек кругов бегом вокруг скалы. На третьем круге обычно начинаешь задыхаться, к десятому пока не приходил никто, самое большее — к седьмому.

— Это ж я, Войто! — поднялся дружинный. — Посидел полночки у Древних и вернулся... Кстати, господин сотник, вам привет передавали и спрашивали, отчего давно не заглядываете? Не на службе я вовсе, караулить иду только со следующего заката на полную ночь!

— Тогда почему не спишь? — раздосадовано буркнул Рей. — И почему возле господских покоев отираешься? Кто там с тобой?

— Так то господин упырь. Время коротаем.

— Доброй ночи, Рей, — державший стаканчик с костями каттакан отбросил капюшон и зубасто улыбнулся зингарцу. — Играю с нашим жизнерадостным Войто и не перестаю удивляться: кости — суть простейшая игра с ненулевой суммой и некоррелируемым фактором случайности выигрыша. Однако люди каким-то образом научились обходить жесткие законы исчислительной науки и непринужденно жульничать!

— Вы, господин упырь, меня за руку ловили?
— немедленно возмутился Войто.

— Так, — оторопел зингарец. — Войто, заткнись. Месьор Рэльгонн, я не сомневаюсь, что игра в кости самым ранним утром есть традиционное развлечение вампиров, но, может быть, вы объясните, что вы здесь делаете? И где стража?

— Стражу я отослал спать до рассвета, — ответил каттакан. — Все равно никто не охранит замок лучше меня. Я сам ожидаю, когда госпожа Соня и Данкварт из Бергиса завершат свои дела, после чего намереваюсь с чистой совестью отправиться домой, на заслуженный, но кратковременный отдых.

— Сотня лишних слов вместо того, чтобы сказать просто: жду Соню, — покачал головой Рей. — Она разве не спит? Постучитесь.

— Не спит, — с ироничным смешком подтвердил каттакан. — По причине того, что в Кайна-Горе в противовес традициям стучаться в двери не принято, я предпочитаю обождать до поры, пока утренний свет не станет для меня невыносимым. Время есть — осенью светает поздно, вдобавок облака, способные защитить меня от солнечных ожогов... И потом, обычаи этого чудесного замка предполагают не стучаться в покой ее светлости, но сразу выламывать дверь пинком.

— В общем, сидим, господин сотник, — философски заключил Войто и посчитал в уме, что упырь проиграл ему шесть медных монет и один серебряный немедийский талер.

Рей ничего не понял. Подошел к двери кабинета Соне, ударил в нее два раза кулаком и, не дожидаясь ответа, попросту вошел. И мигом вылетел, как ошпаренный, с глазами на лбу.

— Я предупреждал, — скорбно вздохнул Рэльгонн.

— Заходите, заходите, — проорали изнутри голосом Данкварта. — Рей, ты что ли?

На пороге появился вельможный керлат, укрытый лишь длинной набедренной повязкой из льняной простыни. Выражение лица у него было весьма загадочным — несколько растерянным, крайне самодовольным и недоверчивым одновременно. Будто он только что совершил рискованный поступок, которого от себя никоим образом не ожидал, и теперь размышлял: достанет ли ему нахальства отважиться на повторение?

— Извини, что помешал, — деревянно пробормотал Рей, старательно глядя куда-то в сторону. — Вас... Тебя... Словом, там Соню ждут.

— Доброе утро, — мило ухмыльнулся Рэльгонн, снова оскалив свои замечательные зубы. Войто машинально содрогнулся, но обычного страха не испытал. Сейчас его более глодала другая мысль — собирается упырь расплачиваться или нет?

Вошли. Рэльгонн устроился в своем любимом кресле, Войто топтался у входа, зингарец присел на лавку и безучастно оглядел заваленное мехами ложе, где недавно уютно расположилась светлейшая герцогиня.

Соня, быстро одеваясь в кожаный дорожный костюм, пребывала в состоянии блаженном, чего совершенно не скрывала.

— Рэльгонн, почему ты один? — весело осведомилась она, взглянув на каттакана. — Неужели не вышло выследить гирканийцев?

— Отчего же, мы виделись и расстались чрезвычайно довольные друг другом, — преспокойно ответил упырь. — Среди степного племени уже поползли невероятные слухи о летучих гигантских вампирах, наводнивших всю Бритунию. Кстати, вокруг столицы Коринфии полным-полно гирканцев. Подошла армия Бурэнгийна, двигавшаяся от шемского побережья через Карпашские горы на полночь. Город незащищен и, скорее всего, будет взят в ближайшие два дня. Наместник короля вместе с гвардией благоразумно удрал — кажется, бежал в Офир. Вот и все новости. А вы что решили?

Упырь вопросительно глянул на затягивающую перевязь с мечом Рыжую Соню.

Она молча подошла к столу, развернула несколько внушительного вида пергаментов и аккуратно подписала каждый. Заставила расписаться Рэльгонна и Рея, как свидетелей. Потом с преувеличенной церемонностью поклонилась Данкварту.

— Счастлива приветствовать вашу герцогскую светлость. Отречение от титула и документы на ленные земли составлены в полном соответствии с традициями и уложениями Бритунийского королевства. Итак, я уезжаю.

— Куда? — вытаращился Рей. Данкварт только вздохнул.

— В мире множество дорог, — Рыжая Соня криво улыбнулась. — Одну из них я уж сумею выбрать. Оставайтесь, живите, а я... Только не думайте, я однажды могу и вернуться!

— Только уже не в качестве герцогини, — усмехнулся Данкварт, подошел к Соне, откинул ее рыжие волосы и поцеловал. Она не сопротивлялась. — Но желанным гостем в Кайна-Горе ты будешь всегда.

Соня, подхватив давно собранный дорожный мешок, поправила перевязь клинка, подхватила свой любимый лук и молча вышла из кабинета. Ни одного слова прощания сказано не было. Она предпочла уйти молча.

Рэльгонн, не обращая внимания на огорченные физиономии людей, встал, поклонился и мгновенно исчез. Из пустоты к ногам Войто брякнулся матерчатый кошелек с монетками.

— Надо же, честный... — подивился Войто, поднимая мешочек. — Хоть и упырь.

* * *

Как одинокая всадница выезжала из ворот Кайнагорского замка видела только уныло бдящая и позевывающая на утреннем холодке стража, да господин Сташув, поднявшийся с рассветом на надвратную башню.

— Кого это с раннего утра на Пайрогийский тракт понесло? Дезертир, что ли? Эй, Войто! По-

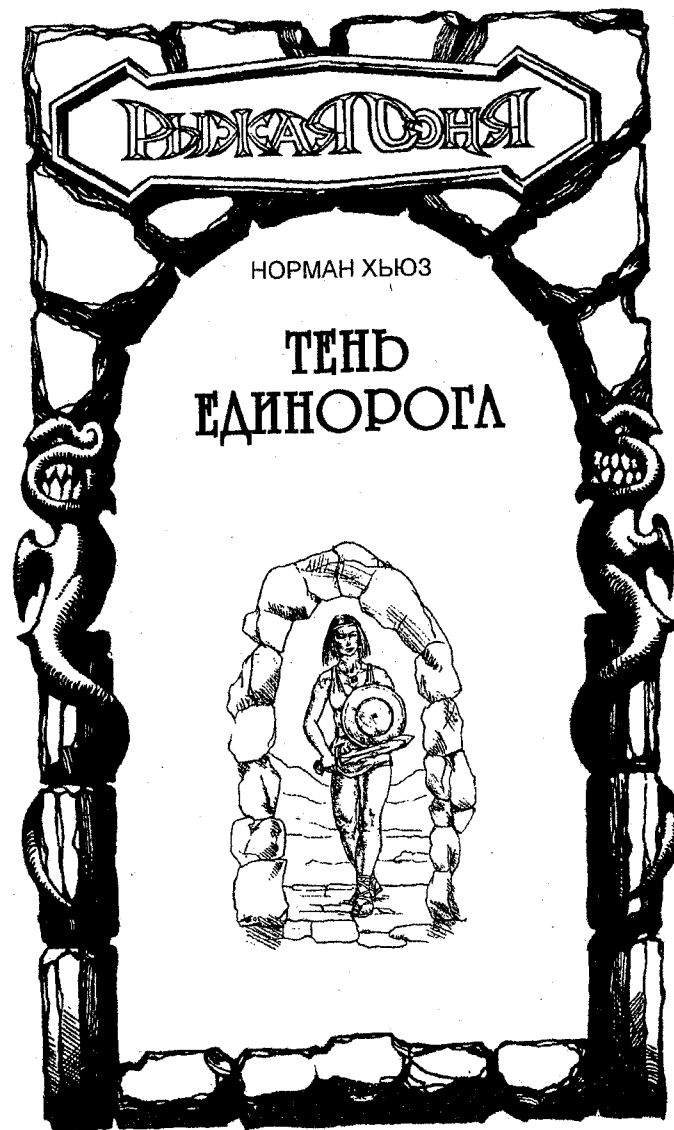

ди разберись, кто лошадь из конюшни без дозволения увел!

— То госпожа уехала, — хмуро бросил Войто. — Чем ей у нас не понравилось? Хорошо ведь жили все вместе!

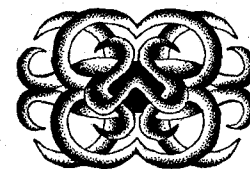
Сташув сначала не понял, о чем толкует Войто, а когда до вельможного каштеляна дошло, что именно случилось, старик схватился за сердце и долго глядел вслед удалявшейся по лесному тракту всаднице.

— Но почему?.. — наконец выдавил Сташув. — Почему? Чем мы ее обидели? Тьфу, ведь только жизнь налаживаться начала! Войто, Соня не сказала, когда вернется?..

Глава 1

Еоне не нравится торговец Раззак... Собственно, он не понравился ей с самого первого взгляда. Не понравились его бегающие глаза, суетливые руки, нервно перепархивающие с места на место, как две неуклюжие старые птицы, не понравилась его манера говорить — то частить словами, едва не захлебываясь слюной, то вдруг надолго замолкать посреди фразы...

И хотя сейчас они сидят в доме купца в офирском городе Келадисе, Соня готова заложить последний золотой, что Раззак родом отнюдь не из Офира, скорее уж с юга Турана или из Иранистана, да и купцом он стал совсем недавно, не набрался еще положенной торгашам основательности, неторопливости в речах и движениях, чувствует себя неуверенно, словно ворюшка, натянувший чужое платье. Насколько

Соня способна оценить эту человеческую породу, Раззак еще совсем недавно находился по другую сторону закона, скорее всего был либо скупщиком краденного, либо даже сам на больших дорогах потрошил неосторожных купчишек...

И сейчас она оценивающим взором окидывает все те богатства, которые Раззак трясущимися руками выкладывает на низкий столик из вместительного, окованного медью сундука. Если бы ей не было из достойных доверия источников доподлинно известно, что все эти предметы происхождения вполне законного, она точно решила бы, что имеет дело с поживой, взятой у ограбленного каравана...

Впрочем, подобные соображения никогда не мешали Соне вести дела. Подобно всякому уважающему себя наемнику, она четко разграничивает человека и деньги, а также дело — и эмоции, которые это дело может у нее вызывать.

Если потребуется, она готова разговаривать с кем угодно, лишь бы добиться своего. Торговаться, быть любезной, даже льстить... и если в душе ее после такого общения и поселяется гадливость, Соня умеет отстраниться от неприятного чувства, иначе в этом мире ей просто не выжить.

Поэтому сейчас ей совершенно наплевать как на происхождение самого Раззака, так и на то, откуда он взял свой товар. Ее прислали сюда с одной-единственной, четко определенной целью, — и этой цели воительница готова добиваться, чего бы ей это ни стоило.

Но торопиться некуда. Небрежным, ленивым взором она окидывает предметы, выложенные на столике, отхлебывает вино, которое налил покупательнице Раззак... Кстати, это еще одно свидетельство его неопытности в таких делах. Плохой купец налил бы самого дешевого пойла, пытаясь сэкономить лишний медяк на угощении. Торговец опытный и бывалый, себя уважающий поставил бы добротное вино без особых претензий, выдержанное, крепкое, но не чрезмерно дорогое, подчеркивая тем самым уважение и к гостю, и к себе самому.

Раззак же угощает ее отменным пуантенским. Сорт этот именуется «Слезой Кометы», ибо виноград для него был выдавлен именно в тот год, когда хвостатая гостья зависла над аквилонским горизонтом. Вино слишком дорогое, слишком изысканное для этого дома, для этого человека и, если уж на то пошло, для самой Сони. Здесь нет ни достоинства, ни уважения, одно лишь желание пустить пыль в глаза. У человека знающего подобное угощение, несмотря на несомненное качество напитка, вызывает только пренебрежительную усмешку.

Впрочем, Соня пьет вино с абсолютно ничего не выражающим лицом. Точно так же, как она смотрит на фолианты, свитки, драгоценности и оружие перед собой.

Впечатление такое, будто человек, поручивший Раззаку продать для него все эти сокровища, просто выгреб из каких-то старых сундуков, подвалов, чердаков — или где там у него все это

хранилось, — самое разное барахло, не задумываясь ни о древности, ни о ценности этих вещей, свалил все в один мешок... и так и приволок к купцу. Иначе как объяснить, что здесь бок о бок лежат не просто предметы совершенно разнородные, от грошовых побрякушек до сокровищ, за которые человек знающий не пожалел бы никаких денег... последних, впрочем, несравненно больше, — но вещи, которые словно бы собирал не один хозяин, а целое семейство, каждый из членов которого интересовался вещами совершенно различными. Впрочем, возможно, так оно и есть, и продавец, торгующий через Раззака, попросту распродает все накопленное многими поколениями своих предков. Почему бы и нет?

Вот великолепные женские украшения: кольца золотые и серебряные, и камни в них — от дешевых пестрых самоцветов, на которые так падки офирские шлюхи, до благородных изумрудов, рубинов и сапфиров; подвески и кулоны самых разных форм — каплевидные, в виде звезд и пирамидок; алмазные диадемы, и наконец восхитительные, тончайшей работы браслеты на щиколотку, с серебряными шариками-колокольчиками...

Рядом оружие, от которого у любого знатока загорелись бы глаза. Соня невольно устремляет алчный взор на парные метательные кинжалы. Не удержавшись, даже берет один из них в руку, проверяет баланс и центровку... разумеется обнаруживая, что нож лежит в руке превосходно, так, словно в ней и зародился изначально, по-

добно тому, как прорастает под ласковыми лучами солнца цветков. Воительница мечтательно проводит указательным пальцем по червленому узору на рукояти... да, так она и думала, вендийская работа. И вот этот завиток здесь, — тот самый, чье значение: «Я несу мир». Точно так же, как на близнеце его должен быть завиток, загнутый в сторону противоположную, и означающий соответственно: «Я несу войну». Эти кинжалы, именуемые также панджайскими близнецами, изготавливают исключительно на заказ для южных владык, ибо оружейники Панджи принадлежат к особой касте храмовых жрецов и должны образом освящают каждый клинок, выходящий из их кузницы. Так что кинжалы сии либо были похищены у законного владельца, либо...

Она вновь переводит взор на украшения, в особенности, на ножные браслеты с колокольцами. Да, пожалуй, ее догадка верна... хотя Соня, разумеется, не знает поименно всех мелких вендийских князьков, чтобы доподлинно установить, кто именно является продавцом, нанявшим Раззака. Если бы это потребовалось для Волчицы, она сумела бы раздобыть необходимые сведения... Но никто ее об этом не просил. Ее задание гораздо проще. Если на то пошло, она, вообще, не помнит, когда в последний раз ей поручали бы нечто столь же незамысловатое...

Решив для себя, что она достаточно оттянула нужный момент, Соня вновь отхлебывает немного вина, с совершенно безразличным видом отставляет бокал и придвигает поближе к себе тя-

желую стопку пыльных, растрепанных фолиантов. Итак, *это* должно быть где-то здесь...

Лениво пролистывая одну за другой, она откладывает книги в сторону. Тут какой-то травник с лечебными рецептами, здесь старинный бестиарий. Картинки неплохи, но едва ли представляют интерес... Вот это для Сони могло бы быть, пожалуй, любопытным, ибо следующая книга содержит описание жизни древнего короля Конана Аквилонского. Но... Волчица послала ее отнюдь не за этим.

Вот, наконец, и искомый том. С трудом разбирая древнюю вязь, Соня читает на смоляно-черной обложке выдавленные золотом буквы: «*Магические арканы и пермутации элементов*».

Да, это оно.

Раззак, которому, видно, неведомо сидеть неподвижно напротив гостя, вновь принимается сучить руками, то теребя пояс халата, то переставляя с места на место бокал и кувшин вина, — и наконец, не выдержав, спрашивает у гостя:

— Неужели госпожу интересуют книги? Я думал, украшения, или хотя бы оружие больше придутся вам по вкусу!

Соня пожимает плечами. Для себя она уже решила, что если книгу удастся сторговать за дешево и от выделенных ей в храме денег останется достаточная сумма, то она непременно в придачу прикупит себе метательные кинжалы. Но сейчас, увы, об этом говорить слишком рано.

— Глупый торгаш! С какой стати ты берешь на себя право решать, что может быть интерес-

но тому, кто соизволил прийти и взглянуть на твое жалкое добро, — выдает она со всем доступным ей презрением, с удовольствием отмечая, как ежится под ледяным взглядом ее серых глаз офирский купец.

Он знает, чье поручение выполняет Рыжая Соня. Знает, и страшится даже не самой воительницы, хотя вид этой вооруженной до зубов девушки, похоже, вселяет в его душу определенные опасения, — но еще больший ужас внушает ему та Тень, которую он ощущает за ее спиной. Осознав, что невинные речи его восприняты как дерзость, он тут же принимается униженно кланяться и извиняться.

— Неважно, — королевским тоном бросает воительница. — Мне интересна вот эта книга. Полагаю, она стоит той пары медяков, с которой я согласна сегодня расстаться.

Смуглое лицо Раззака внезапно сереет, он продолжает кланяться все ниже, не вставая с дивана, что производит впечатление совершенно комическое, и при этом лопочет нечто неразборчивое, принимаясь частить так, что слова налегают одно на другое, превращаясь у него во рту в полнейшую кашу. Соня, наконец, не выдерживает и с силой ударяет по столу ладонью — так, что даже подпрыгивают и начинают испуганно-жалобно звенеть драгоценности.

— Помолчи, глупец, успокойся и объясни толком, что ты обещал и кому.

— Я не мог знать, сиятельная госпожа, никак не мог знать... эта книга, на которую вы изволи-

ли обратить внимание... — Раззак чуть не плачет. Нет, пожалуй, Соня ошибалась, когда, оценив поначалу этого типа, приняла его за бывшего разбойника.

Невозможно представить, чтобы он когда-то на большой дороге был способен приставить нож к горлу случайного путника. Скорее, этот Раззак всегда был таким же жалким червем, и лишь случайная удача помогла ему разбогатеть. Но это даже лучше. С трусами гораздо проще иметь дело, надо только следить, чтобы они не ударили в спину.

— Итак, — чеканит Соня, пригвождая торговца взглядом. — Что с этой книгой? За сколько ты готов ее продать?

— Повторяю, госпожа. Я никак не могу продать вам этот фолиант. Я не думал, что он может понадобиться... тем, кто прислал вас ко мне. Не далее как вчера на него уже объявился покупатель. Наш, местный. Это магик по имени Мерцилий. Он живет на улице Звездочетов, в доме «У черного орла». Он пришел вчера, посмотрел книги и сказал, что готов купить «Арканы». У него немного не хватило денег, но он должен вернуться сегодня на закате. Поймите меня правильно, благородная госпожа. По закону, я не имею права отдать вам товар, который уже заложен другому человеку!

Соня задумчиво чешет подбородок. Конечно, ей не составило бы труда, припугнуть Раззака и заставить отдать книгу ей. Но с другой стороны, тем самым она сразу поставит себя в Келадисе

вне закона, ибо такой поступок противоречит всем положениям торговых гильдий Хайбории.

Если Раззак подаст жалобу, а он непременно сделает это, хотя бы из страха перед тем магиком, который должен нынче явиться за книгой, то торговцы могут объявить Соне настоящую войну. Элементарное чувство самоуважения и собственного достоинства заставят их сделать это, после чего... будет не слишком приятно. Ни один купец не продаст ей припасов в дорогу, ни один торговец оружием не пустит даже на порог своей лавки. Она не сможет купить ни единой нитки, ни даже сухой лепешки.

Причем поразительно, с какой скоростью в подобных случаях, — а Соне не раз доводилось сталкиваться с последствиями подобных гильдийских гонений, по счастью направленных не против нее самой, — описание нарушителя закона в считанные седмицы разносилось по всем странам Заката.

Нарушителю оставалось либо бежать на восток в Гирканию, или еще в какие-то дикарские земли, — либо идти на поклон к гильдийским старшинам, а там на него накладывали такой штраф, что он в следующий раз трижды подумал бы, прежде чем несправедливо обидеть кого-то из торговцев.

Так что следовало поискать выход получше.

— И какую же цену ты назвал этому самому Мерцилию, — с обманчиво ласковой улыбкой осведомляется Соня у купца.

Тот разводит руками:

— Полторы сотни аквилонских ауреев, госпожа моя. И он заплатит эту цену. Сегодня вечером я жду его у себя.

— А если он не придет? — все с той же фальшивой лаской в голосе продолжает допрос Соня. — Если с последним лучом заходящего солнца его по-прежнему не будет в твоём доме?

Раззак колеблется.

— Ну... ну, мне следует подождать еще день...

Соня будто бы и не слышит.

— А если я предложу... — Она производит мысленные подсчеты, вспоминая содержимое кожаного кошель, выданного ей Разарой перед отъездом, — ...предложу тебе две сотни ауреев? Уверен ли ты, что захочешь ждать так долго?

С приторной улыбкой Раззак разводит руками, всем своим видом изображая глубочайшее сожаление.

— Ну, насчет ожидания клиента гильдийские законы не столь уж и строги. Если месьор Мерцилий не соизволит появиться у меня нынче на закате, то, пожалуй, неотложные дела могут заставить меня срочно покинуть город, а при таких обстоятельствах ждать еще сутки никак не возможно, и потому я просто вынужден буду, — против своего желания и вопреки искренней симпатии к месьору Мерцилию, — буду вынужден продать книгу другому покупателю.

— Вот и славно, — констатирует Соня, прикидывая, что за оставшиеся полсотни монет, пожалуй, сумеет убедить торговца отдать ей кинжалы.

Но пока говорить об этом рано. Еще нужно решить вопрос с этим магигом. По счастью, на него никакие гильдийские законы не распространяются, и воительница вольна обойтись с ним так, как сочтет нужным. Так что, для блага самого же Мерцилия, остается надеяться, что он проявит достаточное благоразумие, иначе дело для него может кончиться очень скверно, — ибо для Рыжей Сони порученная ей миссия важнее всего, и неудачи она потерпеть не может...

Воительница небрежно перелистывает толстенный фолиант, чьи пергаментные страницы стали хрупкими от старости. Листы заполнены непонятными письменами и испещрены какими-то странными картинками, символами и диаграммами, но Соня даже не пытается всматриваться в них.

Содержимое трактата ее ничуть не интересует. Более того, на ее вкус, за те деньги, которые храм Волчицы готов отвалить за этот фолиант, можно было нанять две дюжины магиков, каждый из которых изваял бы за год по три таких тома... и еще осталось бы пару медяков, чтобы прикупить дорожной пыли и как следует извалять в грязи их творения, дабы придать книгам вид столь же древний и потрепанный, как у той, что лежит сейчас перед воительницей. Но это ее личное мнение. И, разумеется, она бы поостереглась высказывать его перед жрецами Логова.

Соня медленно поднимается с места, не спуская взгляда с Раззака и выразительно поглаживая рукоять меча в потрепанных ножнах, кото-

рый, как всегда, висит у нее на поясе. Да, пожалуй, для панджайских кинжалов как раз найдется место рядом с верным клинком...

— Я вернусь сегодня после заката, — будничным тоном сообщает она купцу. — Думаю, что другой твой покупатель не явится, разве что только для того, чтобы сообщить тебе, что передумал. Уверена, что эта книга ему совсем ни к чему, а подобные затраты больно бьют по карману...

Раззак понимающе ухмыляется, вскакивает и трезвонит в колокольчик, вызывая слуг, которые должны проводить к выходу дорогую гостью. Соня, не говоря больше ни слова, уходит прочь... И лишь когда ворота дома торговца захлопываются у нее за спиной, воительница несколько раз до боли в легких втягивает в себя прохладный воздух, — ибо у нее такое чувство, будто она надышалась какой-то отвратительной гнили. И теперь не меньше часа ей потребуется на то, чтобы оправиться и вновь почувствовать себя чистой.

Глава 2

Рак Соня и ожидала, гордое название улицы Звездочетов носит хмурый пыльный проулок на краю города, неподалеку от той площади, где устраивается малый рынок, то есть куда свозят весь второсортный, залежалый товар мелкие торговцы, у которых не хватает денег купить себе место на главной ярмарочной площади.

Правда дом «У черного орла» выглядит чуть попримечнее остальных. И — о счастье! — в отличие от прочих обиталищ дешевых шарлатанов, обманщиков всех мастей, гадалщиков и предсказателей будущего, что населяют улицу Звездочетов, здесь не имеется ни намалеванных на стенах изображений небесных светил, ни таинственных символов, якобы призванных отгонять нечистую силу и ограждать хозяев от дурного воздействия, ни свисающих с подоконников

сушеных жаб и прочей дряни, от которой Соне, пока она шла по проулку, безудержно хотелось чихать и плевать...

Поднявшись по ступенькам шаткого крылечка, она уверенно стучит медным молотком в дверь.

Молоток забавной формы, похож на странную птицу с задранной кверху клювом. Возможно, некий загадочный ремесленник пытался изобразить пресловутого орла, в чью честь назван дом. Но в таком случае следует сделать вывод, что мастер этот жил в тех краях, где орлов отродясь не выдывали...

Быстрые, слегка суетливые шаги за дверью, — и скрежет засова. На пороге возникает невысокий худощавый молодой человек, с розовым, почти детским лицом, которое делает его похожим на мальчишку, и взъерошенной копной совершенно белых волос. Соня улыбается ему. Должно быть, либо ученик мага, либо его слуга...

— Проводи меня к своему хозяину, малыш.

— Она с усмешкой бросает ему медную монету.

Но кругляшок, сверкнув в воздухе, с тоскливо-растерянным звоном падает на пол. Соня удивленно провожает монету взглядом, затем переводит глаза на юнца. Судя по его возмущенному виду, она, кажется, допустила ошибку. Что тотчас и подтверждает сам паренек, стремительно багровея от возмущения.

— Позволю себе заметить, госпожа, что в этом доме нет иных хозяев, кроме меня. И если вам нужен маг Мерцилий Саисский, повелитель

Природных Сил и низших Элементалий, то он перед вами.

У Сони не хватает даже сил, чтобы расхохотаться. Боги, да зачем этому сопляку понадобилась ее книга?! Он ведь и не унесет, поди, такую тяжесть...

Не обращая внимания на паренька, по-прежнему кипящего от возмущения, она уверенно делает шаг вперед, заставляя того вжаться в стену коридора, и проходит внутрь дома, с пренебрежением поддев носком сапога, лежащую на полу монету. Мерцилий покорно следует за ней. Оказавшись в небольшой гостиной с камином, Соня беззастенчиво осматривается по сторонам, вновь с удовольствием отмечая отсутствие сушеных жаб и прочих крокодилов, усаживается в самое удобное кресло, прямо напротив камина, которое, как видно, принадлежит хозяину дома, вынуждая его самого пристроиться на трехногом табурете, ибо других мест для сидения в комнате попросту нет.

Еще здесь имеется невысокий столик рядом с креслом, на котором лежат две раскрытые книги, и наклонный стол для письма у распахнутого окна, с чернильницей, набором перьев и растянутым на раме свежееотскобленным пергаментом. В сундуках вдоль стен, вероятно, находятся прочие пожитки мага.

— Итак, госпожа моя, чем обязан подобной честью и чем могу вам служить? — мальчишка, взяв наконец себя в руки, пытается перехватить инициативу. Соня сладко улыбается ему.

— Напротив, мой милый. Это я пришла услужить тебе.

— Как... но что вы... — Он вновь пунцовеет до кончиков ушей, пытаясь осмыслить сказанное, а Соня все с тем же нежным выражением лица заботливо продолжает:

— Да месьор Мерцилий, я узнала не столь давно, что вы — юноша честный и в высшей степени достойный. Тем досаднее было бы, случись с вами беда. А поскольку она непременно случится с вами, то я пришла предостеречь вас от рокового шага.

Паренек, похоже, до сих пор не в силах прийти в себя.

— Госпожа, я не понимаю... о чем вы ведете речь, какая опасность?..

— Звезды подсказали мне, — с видом полной серьезности продолжает Соня, — они подсказали мне, что огромная опасность будет грозить обитателю дома «У черного орла», если он выйдет сегодня за порог, в особенности ближе к закату солнца. — На лице паренька наконец появляются первые проблески понимания, но дабы просветление его сделалось полным и окончательным, Соня продолжает невозмутимо: — И особенно сильна делается опасность для достойного молодого человека, буде он не просто выйдет из дома, но еще надумает посетить квартал торговцев, а в особенности, жилище некоего купца Раззака. Если же у упомянутого юноши будут иметься при себе деньги, и желание приобрести совершенно ненужную для него книгу, то опас-

ность для здоровья и жизни его возрастет неизмеримо. Именно об этом я и пришла вас предупредить месьор Мерцилий. Как вы думаете, стоит ли такое предостережение бокала вина?

Пить ей совсем не хочется, тем более, что у паренька хорошего вина водиться не может просто по определению. Но ей нравится дразнить этого несмышлениша, в особенности после того, как он, сам того не подозревая, заставил ее сегодня понервничать.

Пока Соня не увидела этого Мерцилия своими глазами, она никак не могла быть уверена, что все пройдет гладко. Ведь никогда не знаешь, на что способны колдуны и чернокнижники. Конечно, большая часть из них — самые обычные шарлатаны, и их легко запугать, подкупить... зачастую даже куда проще, чем обычных людей. Но встречаются же ведь в их рядах и подлинные адепты черного искусства. А с такими ухо нужно держать востро, тем более, что фолиант «Магических арканов», судя по всему, и впрямь представляет собой изрядную ценность, иначе Волчица никогда не отрядила бы за ним Соню, заставив воительницу проделать столь долгий путь.

Но этот Мерцилий явно никакой опасности из себя не представляет, и затесался в эту историю, скорее всего, случайно. Так что...

Паренек взирает на гостью с ненавистью. Но к этому Соня вполне готова.

— Слушай, парень, — она отказывается от своего ернического тона, потому что ей наконец

таки становится жаль этого бедолагу Мерцилия. — Я тебе ничего плохого не желаю, просто так уж вышло... Это судьба, такое случается. Если читал всякие умные книжки, то должен знать: таков порядок и закон вещей. Иногда человеку везет, иногда нет. Тебе не повезло, ты нацелился на одну вещь, которую очень сильно хотят заполучить другие люди. И желание их настолько велико, что они не остановятся ни перед чем. А такой мальчишка, как ты, для них — незначительнее мухи, так что... Ты сам скажешь Раззаку, что отказываешься от покупки, или мне сделать это за тебя? Небо свидетель, мне несложно будет оказать тебе такую услугу. Опять же, сэкономишь деньги на покупке... Лучше купи себе пару штанов, или второе кресло в эту комнату, а то вдруг еще кто в гости заглянет, неудобно же право слово!..

Но в ответ на ее дружелюбную улыбку белобрысый мальчишка скалится, точно загнанный в угол лисенок-альбинос.

— Вы... вы... — наконец выдавливают он, — вы явились сюда, в мой дом, незваной и непрошенной, чтобы оскорблять меня и угрожать, чтобы заставить меня...

— Ну, да. Да, конечно, наконец, ты это понял, — невозмутимым менторским тоном подтверждает Соня. — Именно для этого я сюда и явилась... но не для оскорблений, конечно, потому что оскорблять тебя не имею ни повода, ни желания. Но я пришла к тебе, чтобы угрожать, а если понадобится — сделаю и кое-что похуже,

можешь в этом не сомневаться. Но «Магические арканы» ты не купишь. — Она недолго молчит, затем добавляет, вопросительно подняв бровь: — Поверишь мне на слово, или нужны доказательства?

Однако мальчишка, судя по всему, впервые в жизни столкнулся с подобной неприкрытой дерзостью. Похоже, насколько Соня способна судить, он родом из благородных. Либо из обедневших дворян, либо даже из семейства побогаче, но сбежал из дома в поисках запретных знаний. Семейство-то, наверняка, готовило отпрыска к ратным подвигам и выгодной женитьбе, но он решил, что путь его лежит в область запретных знаний и темных таинств... Любопытно узнать имеет ли он к этому хоть какие-то основания?

Сама Соня, увы, лишенная магического дара, не в силах судить о его наличии у других, но готова предположить, что какие-то задатки у мальчишки Мерцилия имеются. Просто так, ни с того ни с сего, высокорожденный мальчишка не стал бы сбежать из дома и не выбрал бы полную превратностей судьбу мага. Правда не понятно тогда, почему он живет один, не имея ни учителя, ни наставника... Впрочем, Соню это совершенно не касается и не интересует.

Тем временем, мальчишка, должно быть, перебрав все доступные ему средства воздействия на грозную гостью, решает испробовать мольбу. С жалобным видом он прижимает руки к сердцу:

— Госпожа моя, я понимаю, что кому-то нужна эта книга, но поверьте, не может быть во всем мире человека, чья нужда была бы сильнее, чем моя собственная. Мне необходимо заполучить «Магические арканы». Я не в силах объяснить вам, зачем и почему, ибо вижу, что вы не владеете волшебным даром, но ... — Лицо его искажается, он то ли судорожно пытается подыскать наиболее убедительные аргументы, то ли попросту тщится удержаться от слез. — Просто поверьте, госпожа моя, что эта книга мне жизненно необходима! Или вы желаете моей гибели?

— Ну, разумеется, нет. — Соня готова утешающе потрепать паренька по вихрастой голове, но он сидит от нее слишком далеко, и она вовремя удерживается от столь нелепого жеста. — Именно потому что я не желаю тебе зла, я и пришла тебя предупредить. Поверь, в обладании этой книгой для тебя гораздо больше опасности, нежели пользы.

Будь перед ней кто другой, Соня сказала бы проще: «Забудь про книжонку, целее будешь, если жизнь дорога!..»

Но с такими, как этот Мерцилий, с благородными и возвышенными душами, можно говорить лишь столь же благородным и возвышенным языком, иного они просто не понимают. Стоит им услышать грубое или недостаточно куртуазное, по их понятиям, слово, как у бедолаг уши словно заклеивает воском, а мозги начисто отключаются и теряют способность вос-

принимать реальность. Так что Соня, превозмогая себя, тщится вспомнить те остатки благородных манер, кои с таким трудом вбивали в нее в юности. Ей по-прежнему хочется надеяться, что с этим мальчишкой удастся обойтись без крови.

Однако любезность гостя магик ошибочно принимает за мягкотелость. Внезапно распрямив плечи и выпятив грудь, он надувает щеки, должно быть, уверенный, что выглядит грозно и авторитетно, и торжественно заявляет Соне:

— Госпожа, заявляют вам со всей определенностью, что фолиант, именуемый «Магические арканы и пермутации элементов» должен принадлежать мне, по нашей договоренности с торговцем Раззаком, и нынче же на закате солнца я намерен его приобрести. И ничто из того, что вы скажете или сделаете сейчас, не повлияет на мое решение. — Внезапно паренек сбивается с напыщенного тона и по-петушиному срывается на крик: — Вот из-за таких, как вы — тупых, самоуверенных, жестоких — все идет наперекосяк в нашем мире! Такие, как вы — они все портят, уничтожают вокруг себя, заставляют, принуждают тех, кто стремится к Свету, к знаниям... заставляют идти по избранной дороге, пытаются преградить путь к Высшему! Вы все — ущербные, ничтожные существа, убийцы знания, губители всего благородного, вы сговорились помешать мне достичь моей цели! Но я клянусь...

Соню начинает раздражать этот докучливый бред, и хотя она прекрасно понимает, что мальчишка оскорбляет сейчас отнюдь не ее саму, а

лишь ведет некий застарелый неразрешимый спор то ли со своими родителями, то ли с прежними наставниками, — но ей на это наплевать. Она, в конце концов, не митрианский жрец, чтобы вселять в мятущиеся души мир и покой, и не обязана выслушивать горячечные вопли обиженного на жизнь сопляка.

Тот еще продолжает что-то выкрикивать, ничего не видя вокруг себя, поминая какие-то сожженные книги, разбитые мечты и растоптанные надежды... не замечая даже, как Соня, плавным движением поднявшись с места, внезапно, словно призрак, перемещается куда-то в сторону, — и оказывается у него за спиной.

Затыкается он, лишь когда ощущает внезапную жгучую боль в области шеи, подносит руку и... изумленно смотрит на пальцы, окрашенные алым.

— К-кровь, — выдавливает он.

— Ну да, кровь, — совершенно будничным тоном подтверждает Соня, и чуть-чуть отстраняет от горла Мерцилия свой кинжал, чтобы дать тому возможность дышать. Паренек, все еще не веря собственным глазам, взирает на перепачканные в крови руки.

— А теперь помолчи, и послушай меня очень внимательно, — произносит Соня и знает, что голос ее звучит достаточно тихо и угрожающе, чтобы наконец произвести на мальчишку впечатление. — Книга о магических арканах тебе не нужна, ты не выйдешь сегодня из дома... да, пожалуй, не выходи лучше и завтра. Ты настолько

надоел мне своими глупостями, что если я, не приведи Небо, случайно я увижу тебя в городе, могу не сдержаться и перерезать твою цыплячью шейку... Вот так. — Она выразительно проводит острием кинжала по горлу Мерцилия, и тот испуганно квохчет, ощутив боль второго пореза. — Я достаточно ясно выразилась, или мне нужно начать резать тебя всерьез?

Молчание длится так долго, что Соня начинает опасаться, не потерял ли паренек сознание от непривычных переживаний. Но, вообще, поразительно, ведь все-таки этих благороднородных должны обучать и владению оружием, и какой-никакой выдержке и самообладанию. А мальчишка раскис от первой же пролитой капли крови...

К таким, как этот Мерцилий, Соня всегда испытывала брезгливую жалость, как к существам совершенно к жизни не приспособленным и, судя по всему, самой судьбой не предназначенным к тому, чтобы уцелеть и дожить до старости. Их наивность и слабость вызывают у нее те же чувства, как вид слепых кутят... или какой-нибудь мягкотелой улитки, потерявшей свой надежный панцирь-укрытие. Они мягкие, розовые, незащищенные, их может убить любой камень, растоптать неосторожный прохожий...

Где-то очень глубоко, на самом доньшке души, у нее еще теплится желание защитить их и чем-то помочь, но приобретенный жизненный опыт говорит о другом. Не можешь выжить — не пытайся.

Если уж мир устроен, так, что существовать в нем могут лишь те, кто закален и защищен, то лучше смириться перед природным законом, который велит уйти в небытие всем прочим.

Пусть этот закон жесток, но он единственно верен в нынешнем мире, ибо весь его упадок, вся его гниль и гнусность происходят именно оттого, что выживают все подряд, что не происходит никакого отбора: ни по силе, ни по уму, ни по жизненной стойкости. Именно поэтому, как учат жрецы зверобогов, — и Соня склонна полностью с этим согласиться, — род человеческий и пришел в упадок.

Именно поэтому люди нуждаются в очищении. И пусть это будет очищение огнем и кровью, оно все же лучше, чем разложение и неминуемая смерть, которая ждет их в противном случае. Если одна конечность человека, пораженная гангреной, лучше отсечь ее, не обращая внимания на боль. Иначе гибель грозит всему организму.

Поэтому Мерцилий не вызывает у Сони жалости, ибо таким, как он видится ей, этот сопляк не достоин уважения и даже сочувствия. По праву сильного, Соня может взять от него то, что пожелает... даже если это будет его собственная жизнь

Впрочем, судя по всему, ей все же не придется положить конец брэнному и никчемному существованию глупого мальчишки-магика. Она была бы готова прикончить его, лишь не дать завладеть бы вожаделенной книгой, если бы ще-

нок продолжал упрямяться. Но, похоже, он все-таки готов сдаться.

— Уберите... уберите кинжал, госпожа, — хрипит он чуть слышно. — Больше не надо, я никуда не пойду.

— Ни сегодня, ни завтра, — твердо произносит Соня, и он безвольно повторяет слово в слово:

— Ни сегодня, ни завтра.

— И отказываешь от договоренности с купцом Раззаком относительно «Магических арканов», — неумолимо продолжает воительница.

Вновь молчание. Удивленная, она опасается новой вспышки неповиновения, но... магик сломен. Посеревшими губами он шепчет:

— Отказываюсь... от книги... ваша взяла.

Пожимая плечами, Соня, вытерев кинжал о плечо Мерцилия, прячет его в ножны. Но неужели стоило доводить до такого? Ей обычно не доставляет ни малейшего удовольствия доставлять людям неприятности, а тем более, причинять им боль и страдания. Мальчишке следовало бы сразу понять, что он имеет дело с серьезными людьми. А так... он сам виноват.

Не сказав больше ни слова, Соня разворачивается на каблуках и уверенно направляется к выходу. У дверей она нагибается, чтобы поднять брошенную медную монетку. Не то что та была ей столь дорога, но ни к чему оставлять в доме мага принадлежащую тебе вещь, если этого можно избежать. Едва ли колдун Мерцилий может быть опасен, но кто знает?..

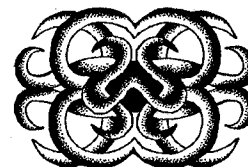

Выпрямляясь, она прислушивается, и ей кажется, что из глубин дома доносится приглушенный всхлип. Вновь пожав плечами, Соня распахивает дверь и выходит на улицу.

До заката остается часа три. Потом можно будет вернуться к Раззаку. Поразмыслив, Соня решает что сейчас самое время пообедать, а главное, выпить вина. Сейчас добрый глоток пришелся бы ей как нельзя кстати.

Глава 3

Некоторое время Соня проводит в поисках подходящего заведения, чтобы пообедать, ибо совсем не испытывает желания возвращаться на тот постоянный двор, где остановилась по приезде в Келадис. Топать на другой конец города далековато, а на закате придется снова добираться до торговых кварталов, чтобы приобрести у Раззака вожделенный фолиант, так что... И тут ее ждет удача.

Неожиданная, но, по мнению Сони, вполне заслуженная, если вспомнить каким отвратительным выдался сегодняшний день. Сперва гадливое послевкусие от посещения торговца, затем эта жалость пополам с брезгливостью, которую вызвало у нее общение с Мерцилием... В общем, толика удачи ей бы совсем не помешала, — и она является Соне в лице Мириадеса, ее старинного приятеля и патрона, еще по тем времена-

ми, когда в молодые годы Соня занималась для охраны караванов.

Мириадес как раз покидает какую-то лавку в окружении целой свиты слуг, прихлебателей, писцов и помощников, — когда вдруг натывается на Соню. Миг изумленного полуузнавания... а затем грузная туша купца с поразительной для его габаритов легкостью устремляется навстречу воительнице. Широленные рукава вспархивают, подобно птицам, он уже почти готов заключить ее в объятия, — но в последний миг оступается, должно быть, вспомнив о приличиях.

Да, с их последней встречи, Мириадес еще больше потолстел и посолднел. Об этом Соня и сообщает ему без малейшего смущения. Купец ухмыляется, донельзя довольный собой.

— А ты как думала? Многое изменилось, Рыжая, с тех пор, как я сам водил собственные караваны. Теперь их водят другие, и не меньше пяти сотен лошадей отправляю я ежегодно во все концы, от Бельверуса до Айодхьи. А по всему Офиру у меня не менее полусотни торговых лавок и агентов. Только здесь, в Келадисе, три шатра на ярмарке и пять лавок, открытых круглый год...

Соня от души поздравляет старинного приятеля, ибо, по ее мнения, он достоин этого более многих прочих. Мириадес, несмотря на всю свою торгашескую сущность, всегда был честным и порядочным человеком. Ни разу ни одного из своих служащих, будь то стражники-караванщики или обычные челядинцы, он не обманул ни

на медную монету. А с удачно проведенных караванов всегда выплачивал положенную мзду от продажи. Кроме того, купец отличался широким, гостеприимным нравом, любил выпивку и веселые застольные байки, был отличным хозяином и другом. Так что Соня может лишь порадоваться его успеху и сказать себе, что, в кои-то веки, боги ухитрились, должно быть, по недосмотру, наградить своей благосклонностью чело- века воистину достойного

Не слушая никаких возражений воительницы, — да та и не слишком пытается сопротивляться, — Мириадес увлекает ее за собой обедать. Они еще не успевают переступить порог таверны, как там слуги уже кидаются сдвигать столы и выставлять яства, словно готовясь к княжескому пиршеству. Соня с удовольствием оглядывает все это великолепие, источающее благоуханный аромат.

— Если ты каждый день так обедаешь, то скоро просвиштишь на ветер все свои богатства, мой друг, — с улыбкой замечает она купцу.

Тот поспешно взмахивает пухлыми руками, торопливо сотворяя знак, отгоняющий злых духов, которые могли подслушать неосторожные слова... лишь теперь Соня вспоминает насколько торговец всегда был суеверен.

— Ладно, прости, не хотела сказать плохого. Но у тебя сегодня, похоже, праздник. Может, я не ко времени?

Купец самодовольно улыбается, и на толстых щеках появляются зазорные ямочки.

— Ну, кое-что отметить, конечно, собирались. Сделку только что провернул — не поверишь! Удачно купил по случаю сотню рулонов отличного кхитайского шелка, как раз такого, по которому в Аквилонии сейчас с ума сходят... Но встреча с тобой, моя дорогая, — праздник куда более значительный, так что будем считать, что никаких иных поводов для радости у меня сегодня и быть не может.

За стол они усаживаются всей компанией, не менее двух дюжин человек. Мириадес пытается познакомиться воительницу хотя бы с половиной, но она даже не делает попытки запомнить их имена. Все равно в таком шуме и гомоне это попросту невозможно.

Нимало не стесняясь, все наливают себе вина, расхватывают куски самых аппетитных блюд и насыщаются с такой жадностью, словно ничего не ели уже, по меньшей мере, целую седмицу. Да, похоже, слуг и друзей, Мириадес выбирает себе под стать.

Впрочем, Соня и сама никогда не страдала отсутствием аппетита, и сейчас она с удовольствием принимается за еду, не забывая при этом кивать в такт речам хлебосольного купца, хотя и не особо вслушивается в его рассказы. Впрочем, Мириадесу этого никогда и не требовалось, лишь бы слушатели вовремя делали большие глаза, вместе с ним улыбались, когда он раздражается громогласным хохотом над собственными шутками, да вовремя всплескивали руками, если чувствовали, что того требует тон рассказчика.

Разумеется, они все не только едят, но и вволю пьют, хотя Соня памятуя о том, что у нее вечером дела, старается соблюдать умеренность. Это нелегко, ибо тосты и здравицы следуют чередой. За дорогую гостью, которую купец так рад приветствовать за своим столом, в своем городе, в Офире, и вообще, повсюду в Хайбории... За удачу многочисленных торговых предприятий, и за безопасный путь для караванов, и за каждого из его друзей и помощников по отдельности...

Соня с трудом улучшает подходящий момент, чтобы, незаметно толкнув Мириадеза локтем, вполголоса осведомиться у него:

— Скажи, любезный мой друг, ты ведь, должно быть, знаешь всех до единого купцов в Келадисе.

— Ну, может, и не всех, — с показной скромностью возражает торговец, всем своим видом демонстрируя, что, на самом деле, мало есть того, что могло бы укрыться от его всевидящего ока. А те собратья по гильдии, чьих имен он не ведает, должно быть, и недостойны упоминания пред ликом Светлых Небес...

— Так вот, скажи, не слыхал ли ты о некоем Раззаке, который живет на Горшечной улице? — продолжает Соня.

— Раззак, Раззак... — толстыми, униженными перстнями пальцами Мириадес чешет в затылке, сдвигая набок маленькую, украшенную шитьем шапочку — его неизменный головной убор с тех пор, как помнит его Соня. — Что-то знакомое,

постой... — перегнувшись через стол, Мириадеc о чем-то начинает шептаться со своим помощником, жилистым стариком с клочковатой седой бородой, в точно такой же шапочке, как у него самого. Затем с самодовольной улыбкой торговец вновь поворачивается к госте:

— Вот видишь, дорогая моя, у Мириадеса можешь спросить о чем угодно, даже о том, как поживают нынче лунные человечки, что обитают на темной стороне ночного светила... Мириадеc на любой вопрос сумеет дать тебе ответ.

Зная, что если его вовремя не остановить, то приятель ее способен пуститься в длинные рассуждения о повадках пресловутых обитателей Луны, Соня торопливым шепотом предупреждает его дальнейшие словоизлияния.

— Ну, так что там с этим Раззаком?

— О, — Мириадеc пренебрежительно машет рукой, — ничтожнейшая личность. Не стоит того, чтобы тратить на него свое драгоценное время, моя дорогая. Все, что он способен предложить тебе, я готов предоставить куда более лучшего качества, и по более доступной цене. Желашь в этом убедиться? Скажи, что ты намерена у него сторговать...

Соня удрученно разводит руками.

— Боюсь, друг мой, что здесь ты мне не помощник. Ибо книга, которую продает Раззак, принадлежит не ему. Он лишь продает ее вместе с еще кое-какими вещами, по поручению некоего третьего лица, о коем мне ничего не известно. Я как раз хотела осведомиться, не слышал ли ты

об этом чего-либо. Мне было бы любопытно выяснить, под чьей рукой торгует Раззак. Полагаю, что это может быть некий вендийский князек. Хотя наверняка поручиться не смогла бы. Но, возможно, тебе что-то известно об этом.

Глубокие морщины прорезают жирный лоб торговца. Глаза, задумчиво прищуренные, превращаются в щелочки. Затем, как видно что-то припомнив, он торжествующе щелкает пальцами.

Прислуга таверны, восприняв это как знак, тут же наперебой кидается поухаживать за дорогим гостем. Одни подливают им с Соней вина, другие уносят грязные тарелки, и ставят чистые, чтобы пирующие могли без помех наслаждаться отменным яствами.

Отмахнувшись от докучливых челядинцев, словно от мух, Мириадеc победоносно провозглашает:

— Знаю я, о ком идет речь. Действительно, пару седмиц назад приехал такой в Келадис. Тощий, сморщенный, будто высохший лимон, в такой огромной чалме, что удивительно, как она сама его не перевешивает... — Купец залиvisto хохочет над собственной нелюдруной шуткой. — Мне говорили, что он пытается отыскать человека, который взялся бы торговать его фамильными ценностями... Уж не знаю, правда, с какой стати ему понадобилось все это распродавать. Ну, да и не мудрено. У них в Вендии князей больше, чем крыс. И все нищие, хуже последних побирушек. Звали твоего парня вроде бы Нял-

мар, а вот где он остановился — не ведаю. Впрочем, если желаешь, могу узнать.

По большому счету, Соню это не слишком интересует. Какая разница, кто продавец, если дело ей предстоит иметь с одним лишь Раззаком, да и то только сегодня вечером, после чего она сможет благополучно покинуть Офир и навсегда позабыть и об этом торговце, и о самом вендийском князьке.

— Да нет, мне просто любопытно было, не краденным ли торгует Раззак, — поясняет она Мириадесу. — Не хотелось бы получить каких-то неприятностей на свою голову.

Купец хмурит брови.

— Вообще, слухи об этом Раззаке ходили не самые хорошие, — нехотя цедит он наконец. Конкуренция конкуренцией, но все же ни один купец не станет с удовольствием порочить честь собрата по гильдии, если только обвинения не вполне доказаны. — Так вот, поговаривали, будто Раззак служит двоим хозяевам сразу...

На этой многозначительной ноте Мириадеc умолкает, но Соне объяснения не нужны. Так торговцы говорят о тех своих собратях, которые имеют слишком тесные связи с гильдией воров или, хуже того, с разбойниками. Разумеется, определенные контакты между тем и другим кланом неизбежно существовали всегда, однако нечего и говорить, что слишком тесная дружба не поощряется. А если относительно Раззака это будет доказано неопровержимо, то членства в гильдии торговцев ему больше не видать, как

своих ушей, — его изгонят с позором. И хорошо еще, если сумеет сохранить жизнь и добро. Предательства купцы не прощают. Однако, судя по тому, что Мириадеc не говорит больше ни слова, то относительно Раззака такой уверенности у него нет.

Впрочем, в данном случае и это неважно. Книга у Раззака явно не краденая, а Соню интересует только она... ну и разве что еще панджайские кинжалы-близнецы, но это так — закуска, лакомство в дополнение к основному блюду.

С Мириадеcом они пируют до самого заката, после чего она прощается с гостеприимным купцом.

Тот никак не хочет отпускать старую боевую подругу, пытается соблазнить ее продолжением пиршества у себя дома и даже — о, редчайшая честь! — знакомством с семьей, со всеми тремя своими женами... но Соня с сожалением отказывается.

Впрочем, Мириадеc все понимает. Купец до мозга костей, он знает главную истину: дело превыше всего.

Слегка пьяная от слишком сытной еды, Соня наконец выбирается на улицу. Последние лучи солнца тают над горизонтом. Факельщики уже предлагают свои услуги запоздавшим прохожим, и бросив одному из них монетку, воительница велит проводить себя на улицу Горшечников.

Путь недолгий. Но внезапно, когда они сворачивают за угол, у нее возникает назойливое ощущение, словно чей-то взгляд упирается ей между

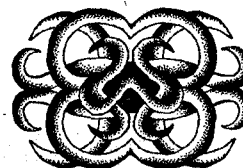

лопатов. Подобным ощущениям Соня давно приучена доверять. И потому, велев пареньку с факелом ждать ее, не сходя с места, она устремляется назад во тьму, сжимая в руках кинжал.

Но как ни быстра Соня, ее неведомый преследователь еще быстрее. Она не обнаруживает ничего подозрительного.

Глава 4

Вечером дом Раззака виден издалека, он сияет всеми огнями, вокруг суетится многочисленная прислуга, и Соня вновь поражается, с каких таких барышей торговец ведет столь роскошную жизнь. Судя по тому, что поведал ей Мириадес, купцы отнюдь не считают Раззака в числе своих самых удачливых собратьев.

Отпустив факельщика, она велит доложить о себе, и вскоре ее впускают внутрь. Раззак принимает ее в той же гостиной, на втором этаже своего дома, что и в первый раз. Бессознательно, по давней воровской привычке, Соня отмечает, что внизу расположены службы, на этом этаже — парадные залы, а на третьем, должно быть, апартаменты самого Раззака, его семейства, и вероятнее всего, комната, где хранятся ценности. Не то чтобы в планы ее входило обворовать ни-

чего не подозревающего купца, но от старых привычек не так уж просто избавиться...

Торговец сейчас еще более любезен и подобострастен, нежели утром. Кланяясь Соне, он проводит ее в небольшую гостиную, где царит зеленый цвет, начиная от шелковой обивки на низких диванах, драпировки на стенах и окнах, и заканчивая малахитовыми вставками на изящном столике черного дерева, который вновь несет на себе все богатства загадочного вендийского князька. Заветный фолиант тоже здесь. Лежит окруженный прочими сокровищами... и Соня с улыбкой поворачивается к купцу:

— Верно ли я понимаю, почтеннейший Раззак, что ваш первый покупатель, этот магик... как там его? ах, да, Мерцилий — передумал?

Изображая на лице досаду, купец разводит руками:

— Молодежь, что с них взять!.. Сегодня надумал, завтра передумал. Никакой ответственности. Не держат слова, — чему только учат их отцы! Мы в свое время не были такими. И куда только катится мир...

Все эти положенные фразы Соня выслушивает вполуха, уже нащупывая на поясе кошель с монетами. Ровно двести, как она и обещала Раззаку. И уже мысленно прикидывает, до какой суммы можно попытаться сбить цену на кинжалы...

— Увы, любезнейшая госпожа, должен сказать, что ныне не только юные покупатели не держат обещаний, но также меняют свои планы

и куда более почтенные продавцы. Это не моя вина, — торопливо вскидывает он руки, заметив недоуменный взгляд Сони, которая уже чувствует некий подвох в его словах. — Клянусь, госпожа, я ни о чем таком не ведал, когда сегодня продавец всех этих чудесных вещей, заглянул ко мне — сразу после вашего ухода. Я и знать не мог что он изменит условия продажи, но...

— Короче, — перебивает Соня купца. Так она и думала, что что-нибудь пойдет наперекосяк, уж слишком гладко все получалось... Интересно, какую цену вздумал заломить вендиец. Конечно, золота у нее припасено изрядно, но кто знает... И, конечно, больше всего она боится, что теперь уж точно денег не хватит на кинжалы.

Однако действительность превосходит все ожидания.

— Он сказал, что ему, вообще, не нужны деньги.

— Как так?!

Вот это новость... Что же ему нужно тогда, этому безумцу, который, как видно, в своих вендийских джунглях окончательно лишился разума?

У Раззака лицо смущенное и растерянное. Как видно, ему до смерти не хочется объяснять Соне, в чем дело, но у воительницы вид такой, будто еще немного — и она примется вытрясать из него искомое, угрожая мечом, рукоять которого девушка уже принимает нервно поглаживать пальцами... И потому купец обречено выдыхает:

— Он хочет просить вас об услуге, госпожа. И за эту услугу он готов отдать вам книгу, без всяких денег.

Соня усаживается в кресло. Ясно, что разговор предстоит долгий, и не получится просто взять товар, расплатиться и уйти, как она надеялась поначалу. Повелительным жестом она указывает Раззаку на диван напротив.

— Сядь и расскажи все толком.

— Это не очень сложная услуга, госпожа, — сбивчиво начинает купец. — Дело в том, что у этого достойнейшего господина была девочка, воспитанница. Две седмицы назад она пропала по дороге из Заморы в Офир. Сиятельный местьор не знает, то ли ее похитили с какой-то неведомой ему целью, то ли девочка сбежала сама. — Он ухмыляется, как видно, пытаясь изобразить на лице понимающее лукавство, но выходит лишь вульгарная пошлость. — У юных особ бывают самые странные капризы, чему уж тут удивляться. Жизнь при воспитателе могла показаться ей слишком суровой, захотелось новых впечатлений...

— Ясно, — резким движением руки Соня отсекает совершенно не интересные ей объяснения. — Как зовут девчонку? Где точно она потерялась, где может быть сейчас? Что, вообще, о ней известно?

Воительница вздыхает. Искать ребенка, пропавшего где-то по пути между Заморой и Офиром... что может быть хуже! Даже если малышка сбежала сама, и ее не похитили торговцы живой

плотью, — она могла угодить им в лапы чуть позже, и те давно увезли ее с караваном невольников куда угодно, хоть в Аквилонию, где некоторые пресыщенные вельможи не брезгают удовольствиями подобного рода, хоть в Гирканию, либо даже в Кхитай. Если девчонка не совсем уж уродлива, покупатель на нее всегда найдется. Но даже если худшего не произошло, и она тихо мирно затаилась где-нибудь в уголке, то как ее отыскать? Соня растерянно качает головой.

Похоже, задание окажется сложнее, чем она предполагала. И тогда придется изыскивать иные возможности, дабы завладеть вожаденной книгой, которую требует от нее Волчица.

— Итак, что ты можешь мне рассказать об этой девчонке? — повторяет она.

Раззак морщит лоб, уголки рта его опускаются, делая уродливую физиономию торговца, похожей на деревянную маску гирканского демона Теймуна, какую Соня однажды видела в далеком восточном храме.

— Я ничего о ней не знаю, совсем ничего, даже имени. Поверите ли? Этот вендиец ничего не пожелал мне сообщить.

Соня с трудом удерживается от смеха.

— И как же он тогда хочет чтобы я отыскала его воспитанницу? Или он полагает меня всемогущей?

Но в душу Сони тотчас закрадывается нехорошее подозрение. Похоже, что вся эта афера с продажей магических книг была всего лишь ловушкой. Загадочный вендиец ждал, чтобы на

приманку клюнул настоящий колдун, которому не составило бы труда отыскать искомое с помощью волшебных чар. А для этого, вполне возможно, и ни к чему знать имя пропавшей девчонки.

Но Соня — воительница, а не ведьма, и при таком раскладе у месьора Мерцилия вновь появляется шанс.

Однако сейчас важно ничем не выдать своих сомнений. Не дать Раззаку ни единого шанса заподозрить, что у покупательницы не хватит способностей выполнить поручение продавца.

— Но не может же он вот так, в пустоту, отправлять меня на поиски?! Хотя что-то он должен был дать тебе, или сказать...

— О да! Да, госпожа, — суетливо кивает купец. Порывшись в широченном рукаве, он достает оттуда легкий шелковый платок, нежно-розовый, с вытканными золотой нитью узорами в виде диковинных птиц, сплетающихся крылами.

— Он сказал, эта вещь принадлежит девочке. Платок был у нее почти с рождения. Он утверждает, что этого должно оказаться достаточно.

Раззак испытующе вглядывается в лицо Сони, словно пытаясь уловить тень колебаний или неуверенности. Но воительница отвечает ему прямым и твердым взглядом, а затем протягивает руку за шелковой накидкой.

— Сколько у меня времени?

— Одна седмица, госпожа. Полагаете, вам это удастся?

— Уверена.

Разумеется, даже тени уверенности Соня не ощущает, а седмица — слишком краткий срок, чтобы ей успеть вернуться в Логово, где храмовые колдуны без всякого труда решили бы эту задачку. Ну что ж, значит придется справляться своими силами. И кажется, у Сони уже появляются зачатки плана, в особенности если она не ошиблась насчет того, кто...

Она поднимается с места.

— Ладно, не будем терять времени. Ровно через седмицу я приведу сюда девчонку, а ты отдашь мне книгу и... — она медлит несколько мгновений, затем резко опускает ладонь на пару кинжалов: — Добавишь и вот это тоже.

И не дожидаясь ответа Раззака, стремительным шагом движется к выходу.

На улице крошечная тьма, и поскольку новолуние было всего пару дней назад, лишь слабый блеск звезд освещает путь девушки по ночному городу. Она вновь ощущает присутствие преследователя у себя за спиной, но на сей раз не оборачивается и не делает попыток отыскать загадочного незнакомца. Пусть думает, что она ни о чем не подозревает, пусть осмелеет немного...

Полчаса спустя она добирается до своего постоянного двора и, проведав в конюшне свою гнедую, прямоком отправляется в отведенную ей комнату, отказавшись даже от ужина, предложившего любезным хозяином... В памяти еще слишком жива мысль о пиршестве, которое закатил в ее честь Мириадес, чтобы Воительница могла даже просто думать о еде.

Но и мысль об отдыхе сейчас бежит ее. Не раздеваясь, девушка во весь рост вытягивается на кровати поверх одеяла, задувает масляный светильник и... ждет.

Ждать приходится долго. Она уже готова решить, что ошиблась.

Шум за окном потихоньку стихает, угасают последние огоньки в домах, напротив, расходятся восвояси самые запоздалые гуляки, и отныне мертвенную тишину на улицах Келадиса нарушат лишь повизгивающие крысы, которые, осмелев, выбирают полакомиться отбросами в сточных канавах, да доносится откуда-то издали топот городской стражи.

Соня ждет. Лежать в темноте вот так, совершенно неподвижно, не позволяя ни на единый миг сну одолеть себя, чрезвычайно трудно. Невозможно также позволить себе отвлечься надолго, ибо можно пропустить неуловимый шорох, знаменующий начало атаки, и, как следствие, поплатиться жизнью. Поэтому воительница напряжена, точно кошка в засаде. И от этого напряжения у нее сводит скулы. Неужели она все-таки ошиблась?

Неужели...

Но нет, конечно же, нет. Она не ошибается никогда.

Скрип чуть слышный... и шорох... Если бы она не ждала этого так нетерпеливо, то, наверняка, ничего не заметила бы, — и уж тем более слабый звук не пробудил бы мирно спящего человека.

Шаги она скорее угадывает, нежели слышит в действительности. Кем бы ни был ее ночной гость, он знает свое ремесло.

Конечно, она могла бы приготовить пару приятных сюрпризов, начиная с того, чтобы поставить у него на пути кувшин для умывания. То-то был бы удивлен бедолага, переполошив грохотом весь постоянный двор... Но, поразмыслив, Соня решила этого не делать, — ей интересно, как далеко он способен зайти.

Черная тень, чернее мрака, мелькает на фоне окна. Легчайшее дуновение ветерка, едва слышный присвист дыхания... Он уже рядом, совсем-совсем рядом.

Соня лежит, словно мертвая, не шевельнув даже мизинцем. Лишь, до боли напрягая глаза, всматривается во мрак, но как ни странно, по-прежнему, ничего толком не может разглядеть. Фигуру ночного гостя словно окутывает сгусток тьмы.

Но вот оно, наконец. В свете звезд голубоватым пламенем вспыхивает клинок, опускается к ее груди. Она не делает даже попытки откатиться в сторону, ибо теперь видит что гость ее пришел не для того, чтобы убивать. Слабая улыбка появляется на устах девушки.

— Проснитесь, госпожа, я хочу говорить с вами. Сейчас вы скажете мне, где храните ту вещь, которую отняли у меня не по праву. Иначе — умрете.

Соня в порыве несвойственной ей жестокости позволяет паузе затянуться до почти болезнен-

ной напряженности. Ночной гость ждет, и клинок в его руке, острие которого застыло в нескольких пядях от горла Сони, начинает едва заметно подрагивать, — как видно, рука незнакомца не слишком привычна к оружию. Улыбка на губах Сони становится еще шире.

— Никогда еще не встречала более неторопливого вора, чем вы, месьор Мерцилий, — произносит она наконец. Кинжал в руке дергается, и лишь сейчас Соня ощущает мгновенный страх. Чего доброго, мальчишка с перепугу и впрямь попытается ударить... Но внешне она никак не выдает своих чувств и, едва заметно сдвинувшись, чтобы острие клинка оказалось подальше от горла, деланно-веселым тоном продолжает: — Я уж боялась что засну, вас ожидаючи. Негоже все-таки заставлять даму так томиться! Неужто в замке вашего батюшки вас не учили правилам куртуазии?

— Причем тут мой... Да что вы, вообще, знаете о... — как она и ожидала, Соне без труда удастся выбить Мерцилия из седла. Паренек смущен и растерян, а это означает, что инициатива вновь принадлежит ей.

Соня легонько похлопывает мага по руке, затем, сев на постели, неторопливым движением высекает искру из заранее подготовленной трутницы и зажигает масляный светильник. В свете лампы лицо молодого колдуна кажется еще более худым и мрачным, чем ей запомнилось. На воительницу он взирает со смесью неприкрытой ненависти и почти суеверного страха.

— Ну, о том, что ты из благородных, особого труда догадаться не составляет, — дружеским тоном поясняет Соня, а затем повелительно показывает пареньку на стул напротив кровати. — Извини, что не могу предложить тебе вина, но кое-чем другим, пожалуй, попотчую...

Он не успевает даже уловить движение... но в руке воительницы, а точнее, в обеих ее руках возникают два кинжала, — непонятно даже откуда она их берет... Короткий замах, взблеск в воздухе, тонкий свист... и два глухих удара, один за другим.

Оба кинжала втыкаются в стену, пролетев справа и слева от головы Мерцилия... и на обоих прибитой к стене остается прядь его волос, срезанная с поистине сверхъестественной точностью, которая не зря служит предметом восхищения среди бывалых наемников, знакомых с Рыжей Сонею. Сравняться с ней по мастерству метания кинжалов не удавалось еще никому.

— Это то, что я могу предложить тебе вместо угощения, — все тем же дружелюбным тоном объясняет Соня. — Если ты парень умный, то оценишь урок. Уверю тебя, он дорогого стоит...

Но Мерцилий лишь таращится на нее испуганными глазами, время от времени оборачиваясь к стене. Торчащие из деревянной обшивки кинжалы только-только прекратили подрагивать, и теперь его белоснежные волосы опадают на пол один за другим, покидая срезавшие их лезвия.

Так что Соня понимает что придется дать некоторые объяснения:

— Видишь ли, Мерцилий, я наемница. Воин. Я не берусь колдовать. Если бы я хотела с тобой сразиться, то последнее, что пришло бы мне в голову, это наводить на тебя чары или применять какое-то иное чернокнижие. Согласись, с моей бы стороны это было бы самонадеянно, и я поплатилась бы за эту глупость. — На лице паренька наконец начинает отражаться понимание, и он медленно кивает. — Вот так то, — продолжает Соня. — Именно поэтому ты допустил глупость, когда вздумал преследовать меня, вторую глупость, когда решил вломиться ко мне в комнату... И третью, которая могла бы стать для тебя роковой, если бы я прежде не догадалась, с кем имею дело, и не была бы уверена, что ты не желаешь причинить мне настоящего вреда, — это когда ты наставил на меня нож. Небом клянусь, если бы я пожелала, мои кинжалы нашли бы твое сердце, едва лишь ты приоткрыл дверь в эту комнату.

Слепая ненависть постепенно уходит из голубых глаз магика, и, как ни странно, приходит на смену ей нечто похожее на уважение.

— Да, я понимаю, госпожа, я был глуп и самонадеян, мне казалось, что чары невидимости должны надежно защитить меня... Но, если это не секрет, как вам удалось обнаружить меня?

Теперь, когда первоначальный испуг прошел и появилась уверенность, что и Соня, в свою очередь, не желает ему зла, пареньком овладева-

ет любопытство. Должно быть, это основная его черта — он жаден до знаний, и Соне это даже импонирует. Пожалуй, зря она первоначально с таким презрением отнеслась к этому мальчишке, он не так уж и глуп... а наивность — ну что ж, это болезнь преходящая. От нее излечиваются очень быстро.

— Я не смогу тебе объяснить, как я это делаю. Скажу только, что никакой магии в этом нет. — произносит она с легкой улыбкой. Затем, поднявшись, подходит к стене и, с силой дернув, вырывает ножи из деревянной панели. Оба кинжала исчезают столь стремительно, что хотя Мерцилий и наблюдает за воительницей во все глаза, он вновь не успевает понять, где же та прячет свое смертоносное оружие.

— Полагаю, дело в том, что воины, настоящие воины, наделены шестым чувством, которое сродни колдовству. Поэтому я и смогла заметить тебя. — Она вновь усаживается на кровать и устремляет пристальный взор на своего ночного гостя. — Ладно, ближе к делу. Ты ведь не просто явился полюбоваться на меня, или пожелать доброй ночи...

Молодой маг смущенно багровеет:

— Боюсь, намерения мои были далеки от идеалов куртуазии, госпожа. Но поверьте, мне очень нужна эта книга. Я грезил о том, чтобы заполучить «Магические арканы», многие годы. Там сокрыта мудрость, которая... — он обречено машет рукой. — Впрочем, что говорить!.. Вы едва ли сможете это понять, и уж тем более едва

ли, в ваших глазах, я заслуживаю теперь снисхождения, поэтому даже не посмею просить...

— Ладно, помолчи, — грубовато перебивает беднягу воительница.

Нет, она определенно недооценила мальчишку. Если уж человек настолько стремиться к вожденной цели, что ради этого даже готов на поступки, несвойственные его природе, из такого может выйти толк. А сейчас ей это на руку. Ради заветной книжицы парень сделает для нее все, что угодно. А у нее как раз такая нужда в послушном колдуне...

— Думаю, мы сможем договориться.

— Договориться? Но... — паренек вскидывает голову, и в глазах загорается надежда.

Соня разводит руками.

— Мы могли бы поговорить об этом, если бы книга была у меня. Увы, ты зря потратил время, когда следил за мной. И напрасно рисковал жизнью, явившись сюда. Книги у меня нет. Она осталась у Раззака.

— Он отказался продавать? — лицо мага озаряется надеждой, он уже готов сорваться и бежать к дому купца, в надежде перекупить заветный том. Соня едва успевает удержать его на месте повелительным жестом.

— Сиди спокойно и не мечись, как подраненная перепелка, — усмешливо приказывает она. Мерцилий покорно оседает на стуле. — Тебе он книжку уж точно не продаст, в этом можешь уж не сомневаться. Я его достаточно запугала, и на этот раз законы гильдии уже на моей стороне.

— Но для чего-то я вам нужен? — проявляет маг несвойственную ему прежде смекалку. Соня кивает:

— Да. Потому что цена за книгу изменилась. Теперь им нужно не золото.

— Но что же?

— Услуга. Отыскать одного человека. Девчонку. Пропала по пути сюда из Заморы. То ли сбегала, то ли похищена. Раззак не пожелал сообщить мне ничего больше. Но он дал мне одну вещь, которая раньше ей принадлежала. — Соня аккуратно, двумя пальцами достает из-под подушки шелковый платок. — Вот, возьми и скажи, сумеешь ли ты с помощью своих чар отыскать хозяйку? Если ты скажешь мне, где девчонка, я отправлюсь за ней, привезу в Келадис и верну Раззаку. Он отдаст мне книгу.

— Но я?.. Я-то что от этого выиграю?! — возмущенно вскидывается Мерцилий. — Если я верно понимаю, этот фолиант нужен вам не для себя. Вы работаете на какого-то заказчика, верно? А это означает, что мне нечего и надеяться получить «Арканы»...

— Как сказать, — Соня пожимает плечами. — Если тебя устроит получить их в свое владение на... скажем, на три дня, то я соглашусь задержаться в Келадисе на этот срок.

По напряженному лицу мага видно, как он судорожно что-то подсчитывает в уме, — должно быть, прикидывает, успеет ли он скопировать то основное, что нужно ему в этой книге. Затем, решившись, наконец обречено машет рукой.

— Три дня — это жалкие крохи, но торговаться я не стану. Понятно, что это лучшее, на что я могу рассчитывать в такой ситуации. Я согласен, госпожа. Кстати, вы-то знаете мое имя, могу ли я узнать ваше?

Соня с легким поклоном представляется ему, и они скрепляют свой союз рукопожатием.

— Сколько тебе понадобится времени, — деловым тоном спрашивает Соня, наблюдая за тем, как Мерцилий бережно сворачивает и прячет на груди заветный платок.

Тот потирает двумя пальцами переносицу:

— Как пойдет. Вообще, это не слишком сложное заклинание. Возможно даже, что уже к утру будут какие-то результаты. Но все зависит от того, насколько далеко от города находится владельца. Если дальше, чем за сотню лиг, то мне понадобится отыскать дополнительный источник силы или установить точку прерывистого равновесия для опорного прыжка... А вот на это уйдет много времени.

Нетерпеливым взмахом руки, Соня прерывает эти бесполезные для нее объяснения:

— Тогда ступай. Нечего здесь прохлаждаться. Я зайду к тебе утром, чтобы узнать как дела. Там и расскажешь мне про свои силы и прочую магическую белиберду... но надеюсь, что ты справишься побыстрее. У нас ведь всего семь дней впереди, а ты заинтересован в успехе не менее моего.

Мерцилий покорно поднимается с места и, не прощаясь, направляется к дверям. Когда шаги

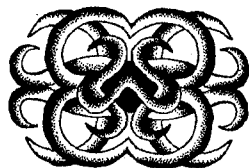

его затихают в коридоре, Соня как есть, не раздеваясь, валится на постель и мгновенно засыпает. До рассвета остается еще несколько часов, и она намеренна выжать из них все, что только возможно. Кто знает, когда ей в следующий раз удастся как следует отдохнуть...

Глава 5

Но наутро лукавая старуха удача, видно еще не до конца пробудившись, как ни странно, продолжает улыбаться Соне. Той не приходится даже отправляться на розыски Мерцилия. Маг заявляется на постоянный двор сам, в тот момент, когда девушка только приступает к завтраку.

Молодой человек изумленным взглядом окидывает стол, на котором стоит кувшин парного молока, мед и теплые лепешки — излюбленный завтрак Сони, вызывавший в свое время немало беззлобных насмешек у ее товарищей по оружию, — но опасливо воздерживается от комментариев. Хотя видно, что от столь грозной воительницы как Рыжая Соня паренек скорее ожидал бы, что на завтрак она вкушает теплую кровь младенцев или, по крайней мере, наслаждается куском сырого мяса.

Дружески кивнув Мерцилию, Соня машет рукой хозяину постоянного двора, чтобы тот принес еще кружку. Но магик столь взволнован, что от угощения отказывается. Вместо этого, расчистив место на столе, он разворачивает перед Соне небрежно начертанную на пергаменте карту. Приглядевшись, Соня узнает Келадис, еще пару окрестных городов, и грубо обозначенные дороги между ними.

— Это что еще за чудеса? Если ты вознамерился из магиков перейти в гильдию картографов, у тебя нет никаких шансов!

Но Мерцилий на насмешку не обращает никакого внимания и пальцем тычет в какую-то едва приметную точку на плане. Соня послушно пялится туда же... но ничего достойного внимания не замечает. Если масштаб карты соблюден сколько-нибудь верно, место это должно находиться лигах в пятидесяти от Келадиса. Но это все, что она может сказать.

— А, погодите, совсем забыл — спохватывается Мерцилий. Достав из кармана пообтрепавшийся розовый шарф, он набрасывает его поверх карты, а затем сдергивается торжествующим жестом фокусника, который готовится поразить зрителей каким-то особо удачным трюком.

Соня наблюдает за его манипуляциями, гадая, рассмеяться ей или отнестись к этому серьезно. Очевидно, что сам магик вполне уверен в себе, и потому воительница пока тоже воздерживается от насмешек.

Тем более, что прямо на пергаменте откуда ни возмись вдруг возникает огненная искорка. Соня тянется к ней, чтобы погасить тлеющий уголек, который, похоже, непонятным образом попал сюда из очага, с другого конца обеденной залы... но Мерцилий перехватывает ее руку.

— Нет, нет, постойте, это *она*.

— Какая еще *она*? — недоуменно переспрашивает Соня и по торжествующему взгляду колдуна понимает, что вид у нее, должно быть, столь же озадаченный, какой был у него самого вчера, когда воительница демонстрировала свое владение кинжалами. Ну что ж, теперь они квиты... — Объясни толком.

— Все просто! — Магик не скрывает торжества. — Эта точка на карте указывает место, где сейчас находится девочка, которой раньше принадлежал платок...

С этими словами, он указывает на жалкую розовую тряпку. Интересно, что нужно было делать с накидкой, чтобы за полночи довести ее до столь отвратного состояния?..

Впрочем, это все пустое. Мгновенно осознав, что предлагает ей Мерцилий, Соня в уме производит нехитрые расчеты.

— Это означает, что если двигаться на юг от Келадиса... Я правильно понимаю что здесь полсотни лиг?..

— Да нет, побольше, — смущенно отзывается колдун. — Вы правы, я не слишком силен в картографии. Это недалеко от местечка которое именуется Саскис.

Название не кажется Соне знакомым, но это и не важно.

— Что-то еще ты можешь мне о ней сказать? К примеру, находится ли она там по доброй воле, или ее удерживают силой? Кто сейчас рядом с ней?

— Увы, — Мерцилий разводит руками. — Конечно, если бы времени было побольше, я сумел бы что-нибудь еще определить, но насколько я понимаю, сроки критичны. А пятьдесят лиг — не столь уж малое расстояние.

— Это верно. Но что мне делать, если к тому времени, как я доберусь до этого самого Саскиса, девочка сбежит?

И вновь лицо мага озаряется торжествующей улыбкой.

— Искорка будет двигаться следом, достаточно лишь на несколько мгновений накрыть карту платком, и она проявится там, где девочка находится в этот момент. Вы никогда ее не потеряете.

Соня с восхищением взирает на Мерцилия. Пожалуй, мальчишке, и вправду, удалось удивить ее, — а она-то считала его шарлатаном или, в лучшем случае, полным бездарем в магии, который просто ищет себе утешение, изучая мудреные колдовские книжки... Но, похоже, парень и впрямь что-то умеет. Верно оценив ее взгляд, Мерцилий смущенно покраснев, сознается:

— Да, кое-какой талант у меня имеется. Все наставники отмечали это. Беда лишь в том, что проявляется он как-то странно. Его, видите ли,

невозможно развивать как обычный магический дар, он может проявиться одномоментно, причем в самый непредсказуемый миг. И тогда я способен исполнить какое-то заклятье очень хорошо, наравне с самыми искусными магами, но потом... — он с досадой хлопает ладонью по столу. — Потом вдруг все исчезает. Я ничего не могу улучшить, не могу пойти вверх от достигнутого. Такое впечатление, что передо мной — огромное грязное зеркало. Протираешь какие-то кусочки от пыли, что-то поблескивает... а потом вновь темнота! Именно поэтому мне необходимы «Арканы», там вроде бы есть особые заклинания для таких, как я...

Соня не слишком хорошо смыслит в делах магических, но ей от души жаль паренька. Самое худшее, что может приключиться с человеком, это когда он всей душой тянется к чему-то, но сознает, что данного богами таланта недостаточно, чтобы достичь в избранном деле хоть каких-то высот. И бьется всю жизнь, как муха об стекло, сознавая собственную беспомощность...

— Ладно, — ободряющее произносит она, потрепав Мерцилия по запястью. — До сих пор, то что я видела, было вполне впечатляюще, так что может ты зря на себя наговариваешь. Может статься, что тебе попросту не попался пока подходящий учитель? Это ведь тоже очень важно, знаешь ли. — Порывшись в памяти она извлекает подходящий пример, который, возможно, приободрит паренька. — Знаешь, когда я только начинала учиться военному делу, мой наставник,

самый первый, твердил что из меня толку не будет. Под конец даже отказался учить меня. Но вся беда была лишь в том, что он обучал владению двуручным мечом, а женщине это совершенно не под силу... Но потом я нашла другого наставника. Он был мастером по стрельбе из лука, ну и по метанию ножей, конечно... — Она мечтательно улыбается, припоминая счастливые былые деньки. Продолжения не требуется. Что касается ножей, то в ее искусстве Мерцилий уже имел возможность убедиться...

— Вот так и ты, — заключает она наконец, — Тебе просто нужен подходящий учитель. Не отчаивайся.

В глазах паренька искренняя благодарность и почти что благоговение.

— Спасибо вам, госпожа Соня. Еще ни от кого я не слышал подобных слов. Вы дали мне надежду... Нет, — поправляется он, — вы вернули мне уверенность в своих силах, а я-то думал, что давно ее лишился.

Ну вот, не хватало только теперь, чтобы он тут раскис и принялся в порыве благодарности целовать ей руки... Соня морщится, допивает остатки молока с медом и деловитыми движениями начинает сворачивать карту и платок, пресекая тем самым дальнейшие излияния.

— Ладно, без соплей, — ворчливым тоном произносит она. Ибо больше всего на свете ненавидит всяческие выражения чувств и еще пуще того — разговоры об этом. — Возвращайся к себе и постарайся никуда не уходить надолго. Для

через три я вернусь... будем надеяться, что с девчонкой. А как только книга будет у меня, сразу приду к тебе.

Она выжидающе смотрит на Мерцилия, гадая, попросит ли он не обманывать его, или все же, как подобает мужчине, сумеет удержать при себе сомнения в искренности новой союзницы. Мерцилий молчит, — и тем самым зарабатывает в глазах Сони еще одно очко. Затем, запинаясь, желает ей удачи и, не оглядываясь, устремляется к выходу из таверны. Соня смотрит ему вслед, затем возвращается к себе в комнату.

Пора собираться в дорогу...

Но прежде, чем ей покинуть Келадис, Соня понимает, что необходимо сделать еще одну вещь. Поскольку, разумеется, она прекрасно может добраться до того места, где находится сейчас маленькая беглянка, — но что потом? Она по-прежнему не знает ни имени девочки, ни ее примет. Бегать по городу, размахивая розовым шарфом, и кричать: «Не вы ли потеряли эту замечательную вещицу?», надеясь что та откликнется, — ничего более нелепого Соня и представить не может. Она, как огня, избегает ситуаций, в которых может выглядеть нелепо или недостойно.

По счастью, всегда любезный и обязательный Мириадес с легкостью соглашается помочь старой подруге. Его люди сноровисты и расторопны. Воительница и торговец не успевают прикончить даже полкувшина вина, очень добротного, но вполне обычного, без изысков, в отли-

чие от того, которым потчевал ее Раззак, как Мириадесу уже спешат доложить: вендиец по имени Ньялмар обитает на постоялом дворе «У трех корон», что рядом с лошадиным рынком. Сейчас он у себя, и наблюдать за ним оставили мальчишку, которому велено бежать за заморским гостем, куда бы тот ни направился...

От души поблагодарив Мириадеса и пообещав непременно заглянуть к нему перед отъездом, Соня устремляется к лошадиному рынку. Здесь шумно, весело, пахнет кожей и навозом, слышно лошадиное ржание, ругань продавцов и покупателей... Словом, все те милые сердцу любого воина запахи и звуки, от которых так млеет сердце.

Соня с радостью бы задержалась, тем более, что краем глаза она замечает пару отменных гирканских жеребцов, которых, должно быть, привезли сюда на продажу из самой Великой Степи, но увы, удовольствие придется отложить. Дело прежде всего!

У дверей «Трех корон» востроглазый патлатый мальчуган, заговорщическим шепотом сообщает воительнице, что «клиент никуда не выходил», и Соня поднимается сразу на второй этаж. На осторожный стук никто не спешит отозваться, и она стучит более настойчиво, уже прикидывая, сумеет ли одним ударом выбить эту проклятую дверь, или лучше сначала поковыряться отмычкой в замке?..

Но по ту сторону двери наконец раздаются шаркающие шаги, и слышится брюзгливый не-

довольный голос, с заметным восточным акцентом:

— Кого там принесли демоны? Кто смеет тревожить мой покой?!

Соня молчит. На такое дерзкое обращение отвечать она не намерена. Если вендийский князек не откроет, дверь она выломает все равно. Так что пусть лучше поторопится!

Словно прочитав ее мысли, вендиец наконец распахивает дверь, — и Соня едва удерживается от смеха. Обладатель грозного голоса оказывается ростом с десятилетнего мальчишку, тощий и — действительно, прав был Мириадес! — сморщенный, словно лимон, месяц полежавший на солнце. На голове у него огромный тюрбан, правда, не белый, а пронзительно-алый, украшенный изумрудным павлиньим пером, и от тяжести этой голова вендийца слегка кренится набок. Кроме того, на нем шаровары и шелковая куртка все того же странного алого цвета, который, по мнению Сони, куда больше подошел бы одной из обитательниц туранского гарема, нежели мужчине и князю. Впрочем, спорить о модах она не собирается

— Кто ты такая, и что тебе тут нужно? — брюзгливо спрашивает ее Ньялмар. — Я же ясно сказал хозяину, что не нуждаюсь в девицах для утех.

Соня пропускает оскорбление мимо ушей. Если бы она каждый раз убивала бы за подобные слова, — хотя рука ее и тянется за кинжалом, — полмира уже покрылись бы трупами неразум-

ных и слишком дерзких мужчин... Впрочем, чаще всего ей удавалось так или иначе отплатить им за оскорбление. И сейчас эти слова она заносит в память, мысленно открывая Ньялмару счет в своей лавке. Когда на счету накопится достаточно... ну что ж, вендийцу будет некого винить, кроме себя самого. Но пока что она вежлива. Изысканно вежлива.

— Месьор Ньялмар, я — та самая покупательница на книгу о магических арканах, которую продает для вас торговец Раззак. Он передал мне новые условия и вашу цену. Я хотела бы кое-что уточнить.

Вендиец меряет ее недовольным взглядом, но все же отступает в сторону, давая Соне дорогу.

— Я уже все сказал Раззаку, — бурчит он. — Не понимаю, что еще вам нужно.

— Чего же здесь не понять? Мне нужно знать, как зовут девочку, и описание ее внешности — поясняет Соня. — Без этого я не сумею ее отыскать.

Пауза, еще более долгая, нежели прежде. Ньялмар смотрит на воительницу, смотрит очень внимательно и как-то по особому, словно взвешивает ее на неких незримых весах. Наконец изрекает:

— Ты не колдунья, у тебя нет дара.

Соня пожимает плечами.

— И что с того? Я никогда и не претендовала на это. Спросите хоть у Раззака... Но какая вам разница?

— Если ты не колдунья, то не сумеешь отыскать Мхаири.

На это Соня лишь презрительно усмехается.

— Я же отыскала *вас*, месьор Ньялмар. По-вашему, это недостаточное свидетельство моих способностей.

Вендиец морщит лоб под тюрбаном, затем отворачивается от девушки.

— У тебя всего семь дней, дерзкая, ты знаешь об этом?

— Раззак мне сказал.

— После этого я предложу книгу кому-то другому. — И себе под нос бормочет: — Проклятый недоумок, я же сказал ему, что мне нужен *маг*, сколько времени мы теперь потеряем...

За ее не столь уж долгую, зато преисполненную самых разных событий и приключений жизнь, Соню упрекали во многом. Чаще всего наниматели были недовольны, что перед ними женщина, а не мужчина... хотя позднее, как правило, меняли свое мнение, убедившись в способностях наемницы. Но в том что она не колдунья, Соню обвиняют впервые.

— Месьор Ньялмар, — отвечает она как можно спокойнее, решив, что срываться сейчас не место и не время. — Я найду вашу Мхаири и думаю, что седмицы будет вполне достаточно. Но если вы хотите облегчить мне задачу, опишите как она выглядит. В конце концов, вас интересует седок — или лошадь у него под седлом? Вам нужна девчонка... так какая разница, кто вернет ее вам?!

Во взгляде, который вендиец устремляет на Соню, впервые за все время мелькает нечто, отдаленно напоминающее уважение.

Похоже, он осознал наконец, что стоящая перед ним воительница прекрасно знает, что делает, и вполне способна исполнить его поручение.

— Ей двенадцать лет, — нехотя выдавливают Ньялмар. — Кожа очень светлая, глаза голубые, белые волосы, длинные, до поясницы. Что ты на меня так смотришь? — вскидывается он, замечая недоуменный взгляд Сони. — Да, она не вендийка. Ну и что с того?!

Соня продолжает смотреть на него пристально и с подозрением, однако воздерживается от того, чтобы высказывать свое мнение, и наконец роняет:

— Особые приметы есть?

На такой простой вопрос Ньялмар почему-то не отвечает очень долго. Он странно мнется, точно хочет сказать нечто важное, но почему-то не решается. Молчит, смотрит... и наконец качает головой:

— Нет, никаких особых примет. Просто девчонка. Моя любимая воспитанница. — Это звучит как-то не слишком уверенно... — Найди ее и привези сюда. Тогда ты получишь книгу.

Без единого лишнего слова, Соня разворачивается и уходит.

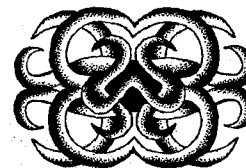
Дело здесь нечисто, и она готова заложить свой меч против соломинки, что и девчонка не так проста, как в том пытался убедить ее Ньял-

мар, и приходится она ему кем угодно, но не воспитанницей. Меньше всего вендиец похож на убитого горем родича или наставника. Но впрочем, Соне до этого нет никакого дела, ей нужна книга. Все остальное — лишь средство к достижению цели.

Глава 6

Вокрестностях Келадиса дождей не было уже добрых пару седмиц. Дорога ровная, сухая, утоптанная и не слишком разбитая многочисленными повозками. Скакать по такой — одно удовольствие. Застоявшаяся гнедая рада размять ноги, и Соня пускает лошадь во весь опор, наслаждаясь резвой скачкой и блаженным одиночеством.

Будучи по природе сугубо городским созданием, она отнюдь не является любительницей сельских идиллий, хотя по роду своей деятельности и вынуждена куда чаще проводить ночи под открытым небом в чистом поле, нежели ей бы того хотелось. Но все же порой города с их шумом, сутолокой и нервотрепкой начинают раздражать ее, и тогда воительнице в радость выбраться на простор, где никто на тебя не давит, никто не указывает, что делать и куда ид-

ти, и нет, по крайней мере внешне, никаких обязательств, кроме одного — скакать вперед, до упора, по дороге, которая словно сама ложиться под копыта лошади.

В пути, к тому же, и думается лучше. Но сейчас Соне не хочется ломать голову над загадками, которые подарили ей последние дни. Она вспоминает Логово, друзей, оставленных там, мечтает о том времени, когда сможет вернуться домой и насладиться долгожданным отдыхом в оживлении новых поручений.

Каждые лиг десять или около того Соня останавливается ненадолго, чтобы развернуть карту, данную ей Мерцилием, и проверить где сейчас находится беглянка. Та тоже движется, хотя и медленнее Сони, постепенно удаляясь от Келадиса по южной дороге. С наступлением сумерек Соня понимает, что сегодня ей девчонку уже не догнать, — ибо остается проделать еще не менее тридцати лиг, — и ищет место для ночлега.

Переночевав на постоялом дворе в небольшом селении, название которого она не удосуживается запомнить, наутро воительница вновь пускается в путь. Светящаяся искорка на карте также продолжает движение, но вскоре после полудня Соня с удовлетворением замечает, что девчонка наконец остановилась. Если верить чертежу Мерцилия, то она находится рядом с небольшим городишком, название которому Лордат.

Удивительно то, что в сам город Мхаири не идет. Искорка намертво застыла у стен поселе-

ния, и не движется дальше. Но это преследовательнице даже на руку: будет проще отыскать пропажу в чистом поле, нежели в городской толчее. Скорее всего, по прикидкам Сони, там какой-нибудь постоялый двор, в котором девчонка нашла приют. Ну что ж, посмотрим...

Однако, достигнув Лордата, отнюдь не постоялый двор обнаруживает она под городскими стенами, когда взирает на окрестности с небольшого холма.

Там ее ждет зрелище абсолютно неожиданное, — бродячий цирк раскинул свой шатер на зеленом лугу, в низине. Довольно большой, ярко-красным пятном он выделяется на изумрудной траве. Вокруг расставлены фургоны циркачей, снуют вездесущие торговцы сладостями и всякой мелочевкой, которые всегда окружают подобные представления. И разумеется, толпятся городские детишки, радуясь неожиданному развлечению. Где-то здесь, похоже, должна быть и Мхаири...

Привязав лошадь у специально устроенной коновязи неподалеку от ручья и кинув монетку мальчишке, присматривающему за лошадьми, Соня отправляется на разведку. Ближе к вечеру народу здесь столько, что не протолкнуться.

Артисты хорошо рассчитали время прибытия. Окрестный люд, закончив сбор урожая, отторговавшись на ярмарке и завершив все дела, готов теперь все свое время, небогатые сбережения и радостное внимание отдать веселью и развлечениям.

В ожидании представления, которое должно начаться в большом шатре ближе к ночи, селяне и горожане степенно расхаживают по лугу, дивятся на зверей в клетках, заглядывают в шатры гадалок и предсказателей, глазект на фокусников, выдыхающих огонь, и акробатов, совершающих ловкие прыжки и кульбиты. Чуть в стороне между деревьями натянул свою проволоку канатоходец, под ним стайка мальчишек, раскрыв рот и толкая друг друга локтями, спорят на последние медяки — упадет или нет...

Чуть дальше зазывала приглашает желающих вскарабкаться на специально врытый в землю столб, чтобы снять закрепленное на верхушке кольцо и получить за это невиданный приз...

В общем, все как и положено на любой ярмарке. В другое время Соня и сама, сбросив бы с плеч груз забот, с удовольствием смешалась бы с толпой, накупила бы себе сластей, польстилась на какое-нибудь медное колечко или талисман... носить бы, конечно, никогда не стала, но в ней, как и во всякой женщине, сильна любовь тратить деньги под влиянием момента, — это улучшает настроение и дарит веселье.

Мужчины, разумеется, уже расселись за столами и хлещут вино, пока жены и дети развлекаются поодаль... Вот только ни у клеток, ни у шатров, ни рядом с канатоходцами Соня не замечает девчонки лет двенадцати с голубыми глазами и длинными белыми волосами до пояса. Жители Офира все больше смуглы и черноволосы. Подобная внешность здесь в диковин-

ку, и девчонка выделялась бы не хуже белой вороны. Однако, сколько ни ищет воительница, все без толку.

А тем временем у входа в большой шатер начинают голосить зазывалы, и народ потихоньку подтягивается к отвернутому пологу и, вручая двум здоровякам в пестрых плащах монетки, проходит внутрь. На лицах смесь предвкушения чуда и сдержанного скептицизма, — мол, знаем мы этих всех циркачей, и нас, людей бывалых, ничем не удивить... Однако удивления хочется, и надежда на чудо, как всегда, неистребима. Поколебавшись, Соня, также в надежде на чудо, хотя и совсем другого рода, вливается в толпу. И также проходит в шатер.

Вокруг арены установлены легкие складные лавки, которые, должно быть, циркачи возят с собой, но большинству зрителей приходится стоять. Соня тоже заплатила за стоячее место, и ей стоит больших трудов протиснуться поближе, туда, где ей все будет хорошо видно.

Зато теперь она оказывается буквально в нескольких шагах от арены. Уж если не удалось пока отыскать беглянку, то хотя налюбуется представлением всласть...

В последний раз в бродячем цирке ей довелось побывать лет, наверное, лет десять назад, еще когда она жила в Хауране. Тогда они с подружками сбежали из под строгого надзора тетюшек и провели удивительный вечер, любуясь на силачей, дрессированных львов и прочие чудеса этой неведомой, но такой яркой и восхититель-

ной жизни... До сих пор тот день вспоминался ей как самый лучший праздник, и даже последующая трепка от наставников ничуть не омрачила детского восторга.

И сейчас, хотя на происходящее она взирает уже совсем другими глазами, видя усталость на лицах циркачей и отмечая их потрепанные костюмы и все прочие, отнюдь не праздничные шрамы нищеты и отметины беспощадного времени, все равно в душе живет предвкушение праздника.

Вместе с толпящейся вокруг детворой она хлопает в ладоши и заливисто смеется над шутками и потешными гримасами обезьянок, замирает и затаивает дыхание, когда балансирует под самой крышей шатра акробат на ходулях, вскрикивает от восторга, когда принимается вытворять свои чудеса фокусник в черном плаще и серебряной полумаске, которого публике представили не иначе как великим стигийским колдуном Менхатапом...

Впрочем, все это мало отличается от того, чем циркачи потчевали публику за стенами шатра, и невольно Соня начинает терзаться удивлением, чего же ради их заставили платить деньги, чтобы увидеть все тоже самое, что до этого показывали совершенно бесплатно. Или же хозяева цирка приберегают некое таинственное угощение напоследок?..

И точно, слуги в блестящих трико принимают гасить все факелы, кроме трех, освещающих самый центр арены, из бокового прохода

выбегает распорядитель, — должно быть, сам хозяин балагана — и громовым голосом ревет:

— А сейчас, благородные месьоры, их прелестные супруги и отпрыски, добрая публика, щедрые господа зрители, позвольте представить вам истинное чудо из чудес. Перед вами не обитатель нашего бренного мира, но создание звезд, истинная фея из детских сказок, она пришла к нам сквозь лунные врата, спустилась в сей грешный мир лишь для того, чтобы подарить вам чудо, мгновение подлинных грез, которые на глазах у вас сделаются реальностью. Она не человек, месьоры и дамы, она почти богиня, небесное создание — и имя ей... Тиания!

Не Мхаири, нет, но для Сони это не имеет никакого значения. Сердце екнуло еще при первых словах распорядителя, и ей не нужно даже видеть ту, что появится сейчас перед ними. Она уже знает, что достигла цели. Таинственная беглянка, пропавшая подопечная Ньялмара перед ней.

Она возникает словно бы из ниоткуда, как будто в темноте вспыхивает слепящий язычок белого пламени. У нее белоснежные волосы и такое же белоснежное просторное одеяние, и вся она белая и точно светится изнутри, похожая скорее на призрак, нежели на живого человека. Рациональное зернышко в сознании Сони говорит, что здесь нет никакого чуда, и девчонка попросту выступила из тьмы на свет, а все прочее — лишь обман зрения, но глаза отказываются верить столь простому объяснению.

Она подобна капельке росы, она вся — звенящая натянутая струна, поющая на какой-то недосыгаемой, высокой, прекрасной ноте... Затем Соня понимает, что девочка и впрямь поет. Ее песня почти лишена слов, лишена мелодии, эта песня скорее похожа на тонкий, очень мелодичный стон или крик, или даже вой, если бы только вой мог быть так невыразимо прекрасен, что от красоты его грозило бы разорваться сердце.

...А затем начинает идти снег.

Откуда-то из-под купола шатра, кружась и переливаясь, медленно, в загадочном танце опускаются к людям крупные сверкающие белоснежные снежинки. Каждая из них светится изнутри, каждая представляется невыразимой драгоценностью. Люди следят за ними, не в силах отвести взора, — так, словно каждый из них выбрал одну, предназначенную именно ему, и вливается в нее глазами, силясь проникнуть в сверкающие, ослепительные глубины льда и света.

Магия невольно захватывает и Соню. Снежинка кружится перед глазами, где-то в невыразимом далеке нарастает песня-плач, песня-вой, — и внезапно все вокруг исчезает, мир закруживается в белой круговерти. Соне кажется, будто земля уходит у нее из под ног... она теряет равновесие... а когда вновь приходит в себя, видит, что оказалась в зимнем лесу.

Но такой лес может привидеться лишь в сладчайшей грезе. Снег лежит пушистыми сугробиками, совсем не холодный, нежный, точно пух. Он покрывает землю, кусты, укутывает де-

ревья, с тончайшим хрустальным звоном осыпается с еловых лап.

Воздух кристально чист, и пахнет чем-то морозно-сладким. Таким, должно быть, он кажется человеку в раннем детстве. И все остальное здесь тоже, как в детстве...

Любопытные пушистые зайцы, выглядывающие из-за куста, бельчонок, держащий в лапах орех и что-то приветственно цвиркающий олененку, который на подрагивающих ножках робко выходит на поляну. Зачарованная, Соня оглядывается по сторонам, силясь вобрать в единый краткий миг всю красоту этого сказочного места, словно перед ней драгоценность, которую нужно попытаться укрыть в самом потаенном уголке души, чтобы хранить там бережно и любоваться лишь изредка, в минуты крайней нужды и печали...

Внезапный шорох за спиной, — и она оборачивается. Оборачивается и застывает в изумлении, ибо прямо навстречу ей, уверенно глядя воительнице в глаза, шествует искристо-белый единорог.

Грива его, переливающаяся, точно тончайший шелк, ниспадает до земли, рог сверкает жемчугом, темно-синие глаза чуточку печальны, но в них такая всепрощающая доброта и мудрость, что Соня, не в силах сдержать порыва, невольно шагает ему навстречу и протягивает руки...

Но тут же страх охватывает Воительницу. Стоит ей сейчас поддаться очарованию этого места, и — она чувствует — ей уже никогда не

удастся вернуться обратно, стать *прежней*, какой надлежит быть Рыжей Соне, если она желает выжить в окружающем ее мире. Она не может позволить себе быть мягкой, она не может позволить себе этой мудрости и всепрощения небожителей.

Нет, она — человек, она — воин, и ей лучше быть беспощадной, лучше ошибаться, лучше быть жестокой к самой себе и другим, но в этом куда больше добра — по крайней мере, на земле.

«Прости», — шепчет она одними губами, и в глазах единорога понимание и чуточка жалости, но воительница уже спешит отвернуться прочь, покуда решимость ее не ослабела. И делает шаг, а затем еще один... подальше от зачарованной поляны.

Двигаться сперва невероятно тяжело, словно сквозь воду или какой-то плотный незримый покров, но по мере того, как крепнет ее решимость, идти становится легче... И вот она уже опять в темном шатре, вокруг нее люди, — с широко открытыми незрячими глазами они смотрят вверх и куда-то вдаль, иные что-то ловят в воздухе, у других на губах бессмысленные улыбки...

А девочка-цветок все поет и поет свою бесконечную ноту, в круге света, посреди вечной крошечной тьмы.

Развернувшись, Соня устремляется к выходу, расталкивая не замечающую ее толпу. Прочь, прочь отсюда. Ей больше нечего здесь делать, ничего нового она не узнает.

* * *

Она бездумно бродит по лугу, подальше от людей, от шатров и повозок циркачей, до тех пор пока зрители не начинают покидать большой шатер. Они расходятся, а затем отправляются на покой и сами артисты.

Соня по-прежнему таится в ночи. Она не думает о том, что было, не хочет вспоминать... ибо, если допустить в свою память воспоминания, то неминуемо придут и слезы, слезы о том, что могло бы быть если бы все сложилось иначе...

Ладно, время действовать. Все вокруг затихло. Люди и животные погрузились в сон, и даже сами звезды как будто задремали на небосклоне. Соня, точно ночная тень, движется между фургонов и угасающих костров, за которыми никто не удосуживается присмотреть. Ручные львы в клетках чуть слышно взрыкивают, но тут же успокаиваются, ибо чуют в воительнице одну из стаи.

Соня не может сказать, откуда ей известно направление, ибо она не видела, в какой из повозок укрылась Мхаири, но все же она идет уверенно и твердо, как будто ее ведет незримая нить. Впрочем, в этом есть доля истины. Во время вечернего колдовства таинственная связь образовалась между ней и девочкой, и теперь Соне кажется, что она сумела бы отыскать ее даже на другом краю света, и без помощи волшебной карты Мерцилия.

Вот и фургон. Неслышно откинув входной полог, Соня заглядывает внутрь, — и тут же отскакивает, ибо внутри явно творится что-то неладное, и прежде чем очертя голову бросаться в бой, надо разобраться, в чем дело. Впрочем, тут же ей становится все ясно. Сдавленные крики доносятся изнутри, жалобный детский писк, и перекрывая все это — громкое мужское сопение, кряхтение и злобная ругань.

— Ах ты, сучка, кусаться вздумала. Да я тебя сейчас!.. А ну лежи тихо, кому сказал! Ах ты...

Все, ждать больше нечего.

Вновь откинув плотную ткань, Соня перекидывает ногу через низкий деревянный бортик повозки, влетает внутрь, устремляется вперед и — наносит единственный, точный и сильный удар рукоятью кинжала в затылок насильника, в ту самую точку, чуть ниже уха, попадание в которую мгновенно лишает человека сознания. Теперь у нее есть несколько минут...

Несчастливая маленькая жертва испуганно затихла на полу, лишь огромные распахнутые глаза смотрят, ничего не упуская, и в них отражается, помимо страха, также живой ум и, наконец, радость, когда девочка осознает, что спасена.

— Ты цела? — шепотом спрашивает ее Соня.

Та торопливо кивает, подтягивается на локтях, выползая из-под обрушившейся на нее тяжелой туши, а затем становится на четвереньки, отряхиваясь, словно собачонка. Одежда на ней порвана, белоснежные волосы взлохмачены, но все равно, даже испуганная, она выгля-

дит очень хорошенькой, по крайней мере, насколько это удастся разглядеть Соне в свете небольшой масляной лампы, что горит в дальнем углу повозки.

Отблеск падает на лицо мужчины, и в насильнике она узнает давешнего распорядителя, который объявлял на арене выход Мхаири.

— Это хозяин балагана? — спрашивает она, деловито разрывая кинжалом на длинные полосы какую-то подвернувшуюся тряпку, служившую, должно быть, девочке покрывалом, и дождавшись утвердительного ответа, принимается связывать бесчувственного пленника.

Скверный оборот. Лучше бы насильником оказался кто-то другой. Тогда был бы шанс закончить дело миром. Но теперь все планы Сони летят в тартарары, девочку не удастся ни откупить от циркачей, ни просто увезти добром. Разъяренный хозяин этого ни за что не допустит.

Впрочем, не хватало ей обращать внимание на такие мелочи! Недобро усмехнувшись, из остатков ткани Соня сооружает кляп, без всяких церемоний вбивает его в рот насильника, так что тот принимается кашлять и задыхаться, а затем, приставив кинжал ему к гениталиям, невозмутимо ждет, чтобы хозяин цирка очнулся. Заметив на себе испуганный взгляд девочки, кивает ей, не отводя взгляда от лежащего на полу мужчины.

— Скажи честно, тебе хочется здесь оставаться?

Вместо ответа, Мхаири мелко трясет головой, и пряди белых волос плещутся, как крылья испуганной чайки.

— Вот и отлично, почему-то я тоже так решила, — бросает Соня небрежно, — У тебя есть две минуты, чтобы собрать вещи. Можешь прихватить то, что тебе здесь дорого, но не набирай лишнего: у нас всего одна лошадь.

По-прежнему без единого слова, девчонка начинает копошиться в дальнем углу повозки, и в этот миг с тяжким стоном приоткрывает глаза хозяин цирка.

Разумеется, сперва он пытается выругаться, но его ждет неудача, поскольку кляп загнан слишком плотно, и широкая повязка мешает ему выплюнуть ему тряпку изо рта. Затем насильник принимается дергаться и извиваться, но руки и ноги у него связаны крепко, и сейчас он похож на отвратительного жирного червя, беспомощно бьющегося на земле.

Соня говорит ему об этом, со всем доступным воительнице презрением, затем посильнее прижимает кинжал к паху. Мужчина сдавленно взвизгивает и затихает.

— Слушай меня внимательно, ублюдок — шипит Соня, глядя прямо в налитые кровью глаза хозяина. — Сейчас мы с девчонкой уйдем, а ты останешься здесь. Думаю, до утра с тобой ничего не случится, а к тому времени мы будем далеко. Но если ты все же окажешься настолько глуп, что отправишь за нами погоню, знай, тогда я вернусь за тобой и... — она нажимает кинжа-

лом еще сильнее, и ей не надо смотреть, чтобы убедиться, что она пустила толстяку кровь. — Я вернусь и довершу начатое, можешь в этом не сомневаться.

Не дожидаясь реакции, она подхватывает девочку под руку, и, низко пригнувшись, обе движутся к выходу из повозки, спрыгивают на землю, а затем так же молча бегут прочь, к коновязи, где Соня оставила свою гнедую. Мхаири ничего не говорит, не задает вопросов, и Соня ободряюще треплет ее по плечу. Чуть позже, когда они остановятся на ночлег, у них будет время обо всем поговорить, но сейчас для этого не время и не место.

Еще несколько мгновений, — и гнедая уносит обеих всадниц прочь во тьму, и ночь поглощает их без остатка, так как тучи скрывают свет луны, и мгла заглушает стук копыт.

* * *

Дорога позади совершенно пуста и остается таковой. Как видно, хозяин цирка так и не сумел освободиться от пут и не выслал погоню за беглецами.

Убедившись в этом, через некоторое время Соня позволяет лошади перейти на шаг и начинает озираться по сторонам в поисках места для ночлега. Продолжать путь в кромешной тьме без крайней необходимости нет нужды, — слишком легко лошадь может повредить ногу. К тому же девочка, что сидит в седле перед Соней,

засыпает прямо на ходу. Светловолосая головка клонится Соне на плечо. Да и самой воительнице отдых, пожалуй, не помешает.

Подходящая поляна обнаруживается очень скоро. Стреножив лошадь, Соня сбрасывает на землю седельные сумки, достает все необходимое и, быстро собрав для костра хворост, которого, по счастью, здесь в изобилии, разводит огонь. Они устроились в небольшом распадке, так что с дороги костер заметить невозможно. Удостоверившись в этом, Соня возвращается на поляну, набрасывает одеяло на плечи девочке, которая сидит совершенно неподвижно, на том самом месте, где усадила ее Соня. Затем сама опускается на землю рядом и наконец прерывает молчание:

— Ты хоть по-нашему говоришь?

Вопрос не такой праздный. Менее всего Соне хотелось бы иметь дело с маленькой вендийкой, которая не понимает ни одного наречия, кроме своего собственного. Но, по счастью, Мхаири медленно кивает.

— Да, я говорю на вашем языке.

— Вот и отлично. Тогда скажу сразу, чтобы не было никаких недоразумений. Меня послал за тобой твой опекун. Мне заплатили, чтобы отыскать тебя и привезти обратно. Но прежде я хотела бы знать, похитили тебя, или ты сбежала сама.

После недолгого молчания девочка пожимает плечами. Взгляд у нее совсем не детский, усталый-обреченный.

— А какая тебе разница, если тебе все равно заплатили, чтобы меня вернуть?

— Просто любопытно. В конце концов, ты мне кое-чем обязана. — Соня кивает в сторону дороги, туда где остался бродячий цирк, и связанный насильник в одном из фургонов. — Конечно, если только я не поняла чего-нибудь неправильно, и все происходящее доставляло тебе удовольствие...

Девочка испуганно вскидывает руки, и в этот миг Соня замечает, что она вся дрожит.

— Нет, конечно, нет. Он давно порывался... Я все время боялась... Подкарауливал меня то и дело, хватал за руки, но... до сих ничего такого не позволял. Я его предупреждала, что мне нельзя...

— Нельзя? — Соня поднимает брови.

— Ну да, — чуть поуспокоившись, девочка начинает говорить более связно. — Мне объясняли, что мой дар связан с этим. Я могу плести иллюзии, пока сохраняю девственность. Стоит мне ее лишиться и, видимо, дар мой тоже уйдет. Впрочем, — она чуть заметно усмехается, робкой несмелой улыбкой, похожей скорее на собственную тень, — Не только поэтому я боялась домогательств Наробу. В любом случае, он мне был отвратителен. Я оставалась с ними только ради людей, которые приходили каждый вечер посмотреть на меня. Мне нравилось колдовать для них. Они были такие... простые, им надо было совсем немного, чтобы подарить радость, и они ничего не требовали от моих иллюзий.

Соня понимающе кивает.

— Значит, насколько я могу понять, тебя все-таки никто не похищал, а ты сбежала сама. И сбежала потому, что тебе не нравилось, как месьор Ньялмар заставляет тебя использовать свой талант.

— Ньялмар? — девочка внезапно начинает смеяться. — Причем здесь он? Ньялмар — никто, пустое место, глупая сморщенная обезьяна, порученец на побегушках у князя. Он не мой хозяин, и никогда не был им.

— А кто же тогда?..

— Его имя Тхевани, он принадлежит к младшей ветви правящего рода айодхийских магараджей, у него свое владение, на северо-востоке Вендии. Там, в его дворце я и жила, с тех пор как его люди похитили меня во младенчестве из родных мест и привезли к нему.

— Так ты родилась не в Вендии?

— Нет, — Мхаири печально поникает светло-волосой головой. — Я родом с севера, не знаю точно откуда. Мне об этом случайно обмолвился стражник князя, один из тех, кто привез меня в его владения. Он просто сказал, что они ехали с севера много дней и ночей... а больше я не ведаю ничего. Ни своего настоящего имени, ни города, где я родилась, ни рода. Я только знаю, что север зовет меня. Именно поэтому все мои грезы — о снеге.

— Понятно... — Соня вспоминает то видение, что сплела для них Мхаири сегодня вечером. Там тоже был снег. Зимний заснеженный лес. И

еще тогда он показался ей каким-то нереальным, словно увиденный восторженными глазами ребенка. — А ты хоть раз видела снег по-настоящему?

Мхаири качает головой. В отблесках костра заметны слезы, что блестят у нее на глазах.

— Нет, никогда, но я так мечтала его увидеть! Именно поэтому я убежала в дороге, когда князь отправился в Замору. Я подумала, что оттуда до снежных краев куда ближе, и однажды ночью просто вылезла в окно на постоялом дворе и... к сожалению, оказалось, что снега нет и здесь тоже. Вместо этого я встретила циркачей. Они быстро оценили, на что я способна, потому что когда я сбежала, у меня совсем не было денег, и я пыталась заработать на хлеб в городе, показывая простенькие иллюзии. Тогда-то они и заманили меня с собой, пообещав кров, сытную еду и защиту. А также сказали, что мы непременно, очень скоро попадем на север, туда где снег...

А вместо этого... двинулись на юг. Понятно, что хозяин балагана не собирался менять свои планы ради какой-то глупой девчонки.

— И долго ты путешествовала с ними?

— Не знаю точно. Около трех седмиц, наверное. Мы выступали каждый вечер. Я им говорила, что мне нельзя так часто, что мне нужен отдых, но они пригрозили, что не будут кормить... Или еще хуже, бросят посреди дороги, чтобы я умерла от холода и голода. Или чтобы меня подобрал бродячий торговец рабами... — Девочку

вновь начинает бить крупная дрожь, и она плотнее закутывается в одеяло. — Я стала очень сильно уставать. Так тяжело плести грезы каждый вечер... Мне было страшно, что рано или поздно я уйду так далеко, что уже не смогу вернуться... но до сих пор всегда удавалось отыскать дорогу назад. А сегодня...

Да, сегодня оказалось, что бояться девочке надо было совсем иного...

— Теперь ты можешь забыть эту историю, как страшный сон. Скоро ты вернешься домой, и все будет хорошо.

Но вместо радости на лице девчушки отражается смертная тоска и страх.

Страх дрожит на донышке темно-синих глаз, плещется там стайкой серебристых рыбок, и хотя Соня пару минут назад мысленно дала себе зарок не вмешиваться в это дело, не проявлять никакого сочувствия и не позволять эмоциям брать над собой верх, не удержавшись, она все же восклицает:

— Да что с тобой такое? Ты боишься возвращаться? Боишься, что тебя накажут за побег?

— Нет, не накажут, — Мхаири вздыхает так горестно, что и у самого жестокосердного человека должно быть, душа разорвалась бы напополам, услышь он ее в этот миг. — Князь Тхевани никогда никого не наказывает, к тому же, думаю, он будет слишком рад моему возвращению, чтобы обойтись со мной сурово. Нет, просто я вернусь — и все пойдет... как обычно.

— Он тоже заставляет тебя плести иллюзии?

— Да, конечно, этому меня и учили с самого раннего возраста. Думаю, именно ради этого дара его люди в свое время похитили меня. — Мхаири молчит, словно собираясь с силами, затем обречено выпаливает: — Конечно, он не так глуп, как эти циркачи, он не заставляет перетруждать свои силы но он... — Внезапно Мхаири замолкает.

Соня ждет продолжения, ждет долго, но ничего не следует, девочка осеклась на полуслове и лишь молча пялится в огонь, явно не собираясь говорить ничего больше. Воительница сперва хочет расспросить ее поподробнее, затем со вздохом отказывается от этой мысли.

Какое ей дело, в конце концов, и до этой девчонки, и до ее хозяина? Вряд ли он был очень хорошим человеком, но, скорее всего, не был и чрезмерно жесток. По крайней мере, девочка не выглядит ни больной, ни изможденной. Она хорошо одета и ухожена. Немногие дети ее возраста могут похвастать тем же самым.

Увы, но в этом мире едва ли можно сыскать человека, у которого не было бы своих проблем, своих жалоб на жизнь, и тягот, которые ему лично кажется невыносимыми. На поверку, они отнюдь таковыми не являются, и каким бы сильным ни было желание собственноручно решить все проблемы окружающих, утереть слезы каждому обиженному ребенку, восстановить поправленное равновесие, увы, но чаще всего это невозможно. Люди обречены на страдания, — так уж устроен мир! — и если кто и способен им по-

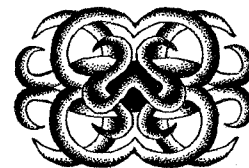

мочь, так это лишь они сами. Если же они этого не могут, то пусть с достоинством и смирением принимают свою судьбу. Так говорит себе Соня, пусть и без особой убежденности, и больше не трогает беловолосую девочку, которая, ежась, сидит у костра, завернувшись в тонкое походное одеяло.

Воительница не решается заснуть, опасаясь, как бы глупая девчонка не вздумала сбежать, и потому, даже когда отдается во власть легкой дремы, все равно остается начеку. Но Мхаири мирно засыпает, положив голову на одну из седельных сумок, и спит до самого утра, пока лучи солнца не начинают щекотать ее лицо, а птички стаи, встречая рассвет, не пробуждают ее своими трелями.

Глава 7

Они вновь отправляются в путь. Соня подчеркнуто неразговорчива с девчонкой и даже немного грубовата. Если бы ей пришла охота проанализировать собственные чувства и поступки, возможно, она поняла бы, что за внешней резкостью пытается скрыть свое нежелание привязаться к этому очаровательному хрупкому существу, так нуждающемуся в ее защите. Но наемница менее всего желает оказаться в ситуации, где будет вынуждена, помимо собственной воли, делать выбор между чувствами и долгом... и этот выбор ей заранее не по душе. Впрочем, возможно, она просто устала и не выпалась...

Наскоро позавтракав, они вновь садятся в седло. На дороге народу немного, лишь изредка встречаются крестьяне на своих телегах, да один раз на встречу попадают трое наемников на-

правляющихся в сторону Лордата. Они провожают взглядом двух всадниц на гнедой лошади, но, по счастью, даже не думают обратиться к ним.

Погони по-прежнему не видно, и ближе к полудню Соня успокаивается окончательно: возможно, хозяин балагана решил, что овчинка не стоит выделки, что беглянки успели уехать достаточно далеко, и нет никого резона тратить время, пытаясь настичь и вернуть Мхаири.

Раз так, то нет особенного смысла подгонять лошадь. Бедняге гнедой и без того приходится нести двойной груз, и Соня позволяет ей перейти на размеренный шаг. К вечеру, рассчитывает воительница, они как раз доберутся до той деревеньки, где она ночевала два дня назад, а уже завтра смогут вернуться в Келадис. При любом раскладе, она отлично уложится в отведенную ей седмицу, а значит, спокойно сможет потребовать искомое вознаграждение.

С Мхаири за все это время они не обменялись и дюжиной слов. Девочка, насуплено глядит прямо перед собой, и в лице ее Соня узнает то выражение, которое в свое время, лет пятнадцать назад, ее собственная мать именovala дочерним «гирканским» взглядом. Именно, так по ее утверждению, смотрела сама Соня, словно желая заявить всему миру: «Да, вы принудили меня слушаться, но я все равно остаюсь при своем мнении и при первой же возможности сделаю все по-своему...»

Мхаири мало чем напоминает Соню в детстве, но этот упрямый взгляд исподлобья вои-

тельнице прекрасно знаком, поэтому, оставаясь внешне расслабленной, она держится постоянно настороже, ожидая от своей подопечной самого худшего.

Однако время идет, они успевают сделать еще два привала, но малышка пока никак не проявляет своего дурного нрава. Она не делает попыток разжалобить Соню и, похоже, даже не настроена на побег: не осматривается исподтишка по сторонам, не пытается отвлечь внимание воительницы... Ничего из того, что могла бы предпринять сама наемница на ее месте. Впрочем, тут же напоминает она себе, Мхаири совсем другая, она владеет магией, а значит, если что то и предпримет, то вполне возможно, это будет связано с каким-то колдовством или чарами. Вот когда Соне придется пожалеть, что рядом нет Мерцилия. Уж он бы сумел справиться с этой обузой... Ей же остается лишь полагаться на свой здравый смысл и чутье.

Тем не менее, до постоялого двора они добьются без всяких приключений. Здесь чуть более многолюднее, нежели два дня назад: пирует какая-то развеселая компания купцов со своими охранниками. Оценив опытным взглядом ситуацию в обеденном зале, Соня морщится недоверчиво и спрашивает у хозяина, нельзя ли им поужинать у себя. Но тот с сожалением разводит руками. Он был бы рад услужить двум прелестным гостям, но Небо свидетель, ему и так не хватает рабочих рук. Недавно уволилась служанка, а вторая беременная, двигается медленно,

неповоротливая, словно медведица, где уж тут поспеть, уследить за всеми... даже в обеденной зале заказы принимают с опозданием, клиенты сердятся, того и гляди скандал поднимут, а если еще они примутся разносить еду по комнатам... нет, нет добрая госпожа, и не просите, и не предлагайте заплатить вдвойне, это никак невозможно!.. Либо вы ужинаете внизу со всеми, либо ложитесь голодными...

Ругнувшись сквозь зубы, Соня идет с Мхаири в общую залу и усаживается за самый дальний столик в углу, надеясь, что тень укроет их от любопытных взглядов. Надежды оправдываются лишь отчасти, ибо обе они обладают слишком яркой внешностью, чтобы можно было их не заметить: одна статная, с огненно-рыжими волосами, да еще и в мужской одежде и при оружии; другая — хрупкая и трепетная, словно лепесток астры, с волосами цвета свежеснеженного снега... Нет, решительно, не обратить на них внимания невозможно. Тем не менее, ужин проходит относительно спокойно.

Конечно, на них косятся, перешептываются между собой мужчины, купцы даже, осмелев, посылают им от своего стола кувшин вина, который Соня отвергает с любезной улыбкой, должным образом отблагодарив дарителей через хозяина гостиницы... Но гости приехали достаточно рано, когда обедающие не успели выпить слишком много, и вино не лишило их остатков приличных манер. Мужчины держат себя в рамках, они не достигли еще той степени опьяне-

ния, когда любая женщина кажется им доступной, словно портовая шлюха.

Именно в тот момент, когда ситуация, кажется, начинает переходить за грань дозволенного, слышатся раскованные шутки, а за столом охранных кто-то затягивает разухабистую песню, Соня со своей подопечной торопливо приканчивают ужин. И едва дождавшись, чтобы девочка проглотила последний кусок, наемница рывком вытягивает ее из-за стола и ведет за собой наверх.

Мхаири подчиняется безропотно, словно кукла. Правда, на несколько мгновений она застывает у выхода из обеденной залы и обводит мужчин странным взглядом — то ли испуганным, то ли оценивающим, — но Соня уводит ее, не дожидаясь, что будет дальше, и потому не видит в происшедшем никакой особой опасности. Впрочем, возможно, что опасности и на самом деле нет, а с ней просто играет шутки расшалившееся воображение и привычка во всем и везде усматривать угрозу.

Как бы то ни было, наемница вздыхает с облегчением, лишь когда, запалив свечу в крохотной комнатенке, которую им отвел хозяин постоялого двора, она задвигает тяжелый засов и, присев на постель, скидывает сапоги:

— Ну, все ложимся спать! — объявляет она с усталым вздохом.

Мхаири покорно усаживается с другой стороны кровати и, немного помедлив, начинает раздеваться

Скинув себя пропыленную дорожную одежду и мечтая, словно о благословении, о том дне, когда они доберутся наконец до Келадиса, и там можно будет отправиться в купальню, чтобы как следует смыть дорожную грязь, Соня задувает свечу и ныряет под одеяло. Она засыпает даже прежде, чем голова ее успевает коснуться подушки.

Ей мерещится, будто где-то далеко-далеко, на самой границе сознания, доносится едва слышный высокий звук, точно монотонное пение... или вой, — как воют волки, приветствуя полную луну... А затем снежинки начинают падать, проникая сквозь сомкнутые веки, — они мягкие и теплые, похожие на пушинки. Они укутывают ее легчайшим облачком, укачивают и убаюкивают, и каждая из них поет свою собственную песню...

Забыв о том, что ей следует дремать сторожко, вполглаза, Соня всем сердцем предается этому наслаждению. Таким крепким и безмятежным сон ее не был с самого детства. И сейчас на заснеженной поляне зачарованного леса, куда она выбегает, залиvisto хохоча и подпрыгивая, словно несмышленная малышка, ей навстречу выходят они, ее давно ушедшие в мир иной родные... сперва мать, высокая и строгая, с огненно-рыжими волосами, уложенными на голове в корону, какую Соня с тех пор, повзрослев, много раз пыталась, но так и не сумела повторить, ибо никто здесь, на юге не ведает, как заплетать волосы в такую прическу... Здесь и отец, плечи-

стый и молчаливый; губы его, как обычно, сурово сжаты, но в чуть раскосых гирканских глазах таится лукавая усмешка.

Кажется, он, как всегда, готов вот-вот рассмеяться и потешить любимую дочурку какой-нибудь новой забавой...

За ними еще три тени, и Соня, даже не видя пока их лиц, уже знает, что это ее братья и сестра. Она уже готова кинуться к ним в объятия, ибо они, остановившись на краю поляны, тянут к ней руки с любящей улыбкой...

— Они могут остаться с тобой навсегда, если ты пожелаешь! — раздается откуда-то сбоку мелодичный голос и, обернувшись, Соня видит единорога.

Какое-то воспоминание начинает брезжить в уголке сознания... странная мысль или догадка... она никак не может ухватить ее, — что-то такое, о чем ей следовало бы знать или помнить...

Внезапно понимание накатывает ледяной волной, и Соня на дрожащих ногах делает шаг к волшебному зверю

— Они же все умерли!

Будь единорог человеком, она могла бы поклясться, что в этот момент он пожимает плечами.

— И что с того? Сейчас они здесь, рядом с тобой! Разве тебе этого мало?

Но воительница уже стремительно вырывается из-под власти колдовского леса. Резким движением она сбрасывает с плеч и волос насыпавшийся снег, затем встряхивает головой

— Они мертвы, и все это ложь... Я не нуждаюсь в твоём обмане!

Единорог отступает на шаг, в сапфирово-синих глазах мелькает искреннее непонимание и обида, а фигуры на краю поляны неумолимо начинают таять, словно подергиваясь искрящейся дымкой.

— Но почему? Это ведь дар тебе! Почему ты отказываешься?

— Я не нуждаюсь в твоих дарах! Вообще, ни в чьих! — восклицает она. — Мне не нужны подпорки, чтобы быть сильной. Мне хорошо и такой, как я есть, без всего этого... — она презрительно обводит рукой зачарованную поляну.

Жалобный звон разносится по лесу. Деревья и заснеженные кусты начинают осыпаться и таять, как изморозь на стекле под лучами солнца. Единорог еще пытается что-то сказать, поймать взгляд Сони... Его пронзительно-синие глаза — это последнее, что она видит, прежде чем начать стремительное падение в черный водоворот, в котором теряются все мысли, эмоции, воспоминания...

А затем она просыпается — и сразу понимает, что в комнате она одна. На всякий случай, чтобы убедиться, хлопает рукой по постели рядом, но покрывала холодны и давно уже не хранят тепло человеческого тела. Мхаири исчезла.

Не помня себя от гнева, Соня вскакивает, торопливо натягивает одежду, в темноте не желая тратить время на то, чтобы зажечь свечу, затем, выхватив меч, стремительно бросается в кори-

дор. Ни души... Она скатывается вниз по лестнице, но в обеденной зале тоже пусто. Шарит глазами по сторонам, — ни тени, ни шепота, ни движения...

Выбегает на улицу...

Затем, словно какая-то неведомая сила подталкивает ее, воительница устремляется на конюшню.

Она уже готова к тому что не найдет в стойле свою гнедую, — но как ни странно, кобыла на месте. Всхрапывает приветственно, тянет морду за угощением...

И тут наверху, на сеновале слышится какой-то шорох. Сломая голову, Соня бросается по шаткой приставной лестнице.

Мхаири, полуобнаженная, с разметавшимися, белыми, как снег, волосами. А с ней — мужчина... кажется, один из тех охранников, что пировали нынче вечером с купцами, один из тех, кто все время косился в их сторону.

Не раздумывая, Соня бросается к парочке, слившейся в объятиях, и приставляет обнаженный меч к горлу наемника.

— Немедленно отпусти ее!

Тот стремительно откатывается в сторону, торопливо шарит в поисках оружия, и в руке его также появляется клинок. Затем, осознав, кто перед ним, мужчина расплывается в сальной ухмылке:

— А, вот и старшенькая пожаловала! Тоже захотелось получить удовольствие — или ревнуешь?

Сони слишком зла, чтобы обращать внимания на оскорбления. Она лишь цедит сквозь зубы:

— Немедленно отпусти девчонку и убирайся прочь!

Но наемник притягивает Мхаири к себе. Та с ничего не выражающим лицом льнет к нему, затем бросает на Соню взгляд, полный вызова и неприкрытой ненависти — мол, убирайся прочь, тебя никто не звал!

— А тебя забыли спросить! Немедленно встань и отправляйся в комнату! Что ты задумала, глупая маленькая дрянь?

— Это не твое дело! — в голосе девочки негодование, но одновременно слышатся и нотки страха. Похоже, она и сама не столь уверена в том, что делает, и лишь из чувства противоречия пытается противостоять Соне.

Мужчина тем временем поднимается, заставляя встать и Мхаири.

— Я то думала, что вчера вызволила тебя из большой опасности! — со всем доступным ей презрением бросает воительница Мхаири. — Но, похоже, ты просто маленькая шлюха, и сама притягиваешь эти неприятности. Ума не приложу, зачем я только так о тебе беспокоюсь?

— Вот и не надо! — со слезами на глазах выкрикивает девчонка. — Я поеду с тобой, вернусь к хозяину, но сейчас оставь меня в покое и дай мне сделать то, что я хочу!..

В этом есть свой резон, ибо теперь Соня видит, что бежать девчонка, и впрямь, никуда не

собирается, но оставить ее вот так, в отвратительных объятиях этого ублюдка, она не может, и воительница гневно трясет головой:

— Ну, вот еще! Если это было и впрямь то, что тебе нужно, клянусь, я не стала бы мешать. Но ты сама не знаешь, чего ты хочешь. В тебе говорит только отчаяние! Так что возвращайся к себе, и хватит глупостей.

Но теперь уже в разговор вмешивается наемник. Загородив собой Мхаири, он надвигается на Соню, — здоровый крепкий мужчина, на полголовы выше воительницы... Судя по шрамам, покрывающим его грудь и руки, — он опытный боец, и сражаться с таким на мечех ей бы очень не хотелось.

— Я то думал, что ты, Рыжая, появилась, чтобы скрасить мне вечерок! — заявляет он, ослабившись, и перехватывает меч поудобнее, — Но если ты вознамерилась лишить меня заслуженного удовольствия то лучше подумай хорошенько... Я все равно свое возьму, а для тебя цена может оказаться высока. К тому же, не дело это для девицы — разгуливать с мечом! Давай-ка я лучше поучу тебя кое-чему из того, что положено уметь женщине... — Он окидывает Соню жадным взглядом и недвусмысленно облизывает губы.

— Клянусь, такая фигуристая девчонка, как ты, мне куда больше по вкусу, чем эта тощая соплюшка! — он презрительно кивает в сторону Мхаири, съезжившуюся у него за спиной, — Так что давай, брось меч и иди сюда! Ручаюсь, не пожалеешь...

Соне достаточно пару мгновений, чтобы оценить ситуацию. Здесь, на сеновале слишком мало места, чтобы развернуться, как следует; к тому же у наемника меч в полтора раза длиннее, чем у нее, плюс еще преимущество в росте, — так что, в общем и целом, положении ее самое что ни на есть невыгодное. Да еще и девчонка у того за спиной... кто знает, как она поведет себя?..

Помедлив немного, Соня растягивает губы в улыбке:

— Ну что ж, пожалуй, ты меня убедил... — неторопливым жестом она опускает меч. — Но хочу тебе сказать, что я не терплю соперниц, и если и уж ты хочешь позабавиться, то это должно быть между мной и тобой — и никаких третьих!

— Это ты о ней что ли? — ослабившись, наемник оборачивается к Мхаири. — Да пусть идет восвояси, на что она мне? Я предпочитаю женщин постарше и поопытнее. Это уж так, польстился с голодухи, да и липла она ко мне... не поверишь! — Он сально хохочет, и беловолосая девчонка пунцовеет от стыда и гнева. Еще немного — и от нее посыплются искры!..

Соня демонстративным жестом отбрасывает меч, вызываясь уставившись на наемника:

— Тогда отправь ее спать. То, что здесь будет сейчас, — не для детских глаз!

— А вот тут ты права, Рыжая! — залиристо гогочет мужчина. Отбросив меч в сторону, он оборачивается к Мхаири:

— Давай, брысь отсюда, крошка! Начались взрослые игры, тебе здесь делать нечего!

Словно побитый щенок, Мхаири, опустив голову, идет к лестнице. Соня не сводит взгляд с девочки все то время, пока та спускается по ступеням, и лишь затем, дождавшись, чтобы она вышла за ворота конюшни, поднимает глаза на наемника, — нельзя терять времени! Кто знает, что еще придет на ум этой маленькой отчаявшейся дурочке?

Стремительный бросок... левой ногой она отшвыривает подальше меч наемника, и тут же в обеих руках ее взблескивают метательные ножи.

— Игра закончена, парень.

На лице наемника искреннее недоумение. Он уже готов метнуться к оружию, но Соня многозначительно взвешивает на ладони кинжал

— И не думай об этом. Небо свидетель, мне бы стоило прикончить тебя здесь и сейчас, но ты не так уж и виноват... хотя впредь стоило бы быть умнее! Не годится взрослому мужчине связываться с девчонкой, даже когда она сама себя предлагает... надо же хоть немного уважать себя, в самом деле!

Она еще надеется, что удастся договорится добром... Соня никогда не была сторонницей бессмысленного кровопролития, но наемник, которого столь грубым образом лишили ожидаемого удовольствия, похоже, утратил всякую способность рассуждать здраво. С яростным ревом он бросается на Соню, в руке его также мелькает нож.

— Ну что ж, парень, хочешь поиграть в эту игру? Будь по-твоему... — Соня бросается вперед, стремительно уходит из под удара, подпрыгивает под правую руку наемника, одновременно делая ему подножку. Мужчина летит на пол, и Соня еще успевает подтолкнуть его в плечо, чтобы он упал как можно дальше от своего меча. Ибо сейчас главное — не позволить мужчине вновь завладеть клинком, чтобы не дать ему ощутимого преимущества.

Тот грузно ударяется об пол, и тут же вскакивает и вновь набрасывается на воительницу. Кинжалы скрещиваются со звоном, высекая искры, но Соня вновь не позволяет столкновению затянуться — кидается вниз и вбок, и нож во второй ее руке прочерчивает болезненную царапину по ребрам нападающего.

— Ах ты, рыжая тварь! — мужчина с воплем бросается следом.

Еще одна подножка и удар. В бою на ножах Соне нет равных. Кровь из неглубоких, но достаточно болезненных порезов окрашивает алым деревянные доски пола и рассыпанное сено.

Наемник, похоже, не слишком обучен драться в темноте и в тесном помещении. Соня без труда уходит от каждой его атаки и еще дважды ухитряется ранить мужчину. А затем, наконец получив возможность, проводит свой коронный захват: отступает в сторону, ухватывает запястье руки, держащей кинжал, проводит вперед по направлению удара, чтобы придать движению вращательный момент, пользуется его же собствен-

ной инерцией и... укладывает нападающего плашмя. Резким движением заламывает руку, заставляя бросить нож, а собственный кинжал лезвием прижимает к затылку.

— Будем играть дальше, или ты готов немного остыть? — спрашивает она таким невозмутимым тоном, словно и не было только что никакой драки, а они просто беседуют в великосветском салоне, за бокалом доброго вина.

— Пусти, слышишь, сука! — хрипит мужчина.

— А вот это ты зря! — Соня не терпит оскорблений, тем более из уст побежденного противника. Руку его она по-прежнему удерживает за спиной и теперь ловким ударом рассекает запястье. Кровь брызжет, заливая наемнику спину, и тот взывает от боли.

— Если мы с тобой сейчас не найдем общего языка, парень, то я просто подожду немного, вот так, покуда ты не истечешь кровью, — будничным тоном замечает Соня. — Что скажешь?

— Ладно, хватит! — хрипит тот. — Пусти!

Словно и не слыша, Соня задумчиво взирает на кровь, хлещущую из перерезанных жил. В полумраке она кажется почти черной, и ее натекла уже целая лужа. Несколько капель попали наемнику на щеку.

— Едва ли я сумею тебя убедить быть впредь повежливее с женщинами, но возможно, ты хотя бы научишься осторожности... — продолжает она задумчиво.

Перепуганный вояка, должно быть, чувствует, как с каждым ударом сердца крови из него

вытекает все больше, и он уже почти потерял рассудок от ужаса. Он может только хрипеть что-то нечленораздельное, даже не пытаясь отбиваться. Удивительно, как столь немудреные приемы действуют на некоторых людей... Этому давным-давно научили ее в Логове Волчицы, и хотя подобные уроки в свое время казались ей чем то недостойным, но с тех пор Соне неоднократно доводилось убедиться в их эффективности, и она благополучно избавилась от свойственной ей прежде брезгливости.

Увы, но в этом мире, где правит лишь грубая сила, женщине нельзя пренебрегать ничем, чтобы утвердиться в своем праве на жизнь и свободу.

Выпустив поверженного наемника, она поднимается на ноги и швыряет ему его же рубашу.

— Завяжи пока руку, чтобы не истек кровью, а я, пожалуй, так и быть, разбужу твоих приятелей — пусть позаботятся о тебе

Наемник ничего не отвечает, торопливо замахивая раненную руку, и лишь чуть слышно ругается себе под нос, не осмеливаясь даже поднять взгляд на Соню. Та, подобрав брошенный меч и спрятав в ножны оба кинжала, не торопясь спускается по лестнице с сеновала и возвращается на постоянный двор. Там по-прежнему царит тишина: похоже, шум поединка никого не потревожил... Поразмыслив, Соня выходит к лестнице, что ведет на второй этаж, и уверенно стучит в дверь рядом с кухней. Наверняка, здесь ночует хозяин либо кто-то из слуганок.

Она угадала верно. Растрепанный хозяин постоянного двора открывает ей, протирая заплывшие со сна глаза.

В нескольких словах Соня объясняет ему, в чем дело, а затем, не дожидаясь ответа, уходит к себе. Пусть хозяин делает то, что считает нужным. Сам ли он позаботится о раненом, или разбудит его товарищей, девушку больше не интересуется. Подобные стычки в пути, увы, не редкость, но неписанный закон дороги гласит, что если женщина сумела отстоять свою честь от посягательств, никто не имеет права предъявлять к ней претензии. Пострадавший сам виноват во всем, что с ним случилось.

Пожалуй, никто не осмелился бы обвинить Соню, даже если бы она прикончила незадачливого наемника. Но если разобраться, парень не так уж виноват. Он лишь пытался взять то, что ему предлагали...

* * *

Девчонка сидит на краю постели, вперившись взглядом в стену. Белые волосы свисают сосульками, руки безвольно повисли между колен.

Соня почему-то была уверена что не найдет ее здесь. Если Мхаири и не сбежала, воспользовавшись переполохом, то, по крайней мере, сгорая от стыда, затаилась где-нибудь и прячется до утра... — но нет, она ждет Соню, как ей и было велено. Впрочем, при появлении наемницы головы даже не поднимает...

Та несколько мгновений медлит в дверях. Первым желанием, конечно же, было наброситься на эту маленькую идиотку с попреками и руганью, но запал уже прошел, и воительница успела успокоиться. В конце концов, она ей не матушка и не нянька. Ее дело — только доставить беглянку опекуну и получить за это положенную награду, причем никто не оговаривал, в каком состоянии должна прибыть девица к своему князьку... и вообще, *девицей* ли... Но все же, не сдержавшись, Соня в сердцах роняет:

— Честное слово, Мхаири, я думала, ты умнее!

Та оборачивается рывком. В глазах неприкрытая ненависть:

— Ты думала! Да о чем ты можешь думать? Что ты можешь знать? Ты, наемница... — это последнее сова она выплевывает, как худшее из ругательств. — Что ты можешь знать о моей жизни? Какое право ты имеешь смотреть на меня сейчас с этим отвратительным видом превосходства, и почему берешь на себя смелость решать, как мне жить, и что для меня лучше? Зачем ты мне помешала?!

Начала-то она бойко, но закончила почти в слезах. Все-таки, хоть она и храбрится отчаянно, но по-прежнему остается двенадцатилетней девочкой, глупой и несмышленной.

Соня примирительно пожимает плечами:

— О правах спорить не будем. Право у того, кто сильнее, и у того, кто *делает*, и если ты что-то взял, и у тебя это не отняли, значит, име-

ешь право... Других законов я не признаю. Что касается тебя... — девушка присаживается на кровать и с усмешкой смотрит на Мхаири. — Мне просто показалась, что ты готова совершить ошибку, и честно говоря, я до сих пор не понимаю.... Скажи на милость, зачем тебе это понадобилось? Только вчера я избавила тебя от домогательств одного ублюдка, как ты тут же нашла себе другого. Или, возможно, хозяина того балагана ты тоже сама пригласила в свою постель? Может быть, я просто что-то не так поняла?

Из сапфирово-синих глаз катятся огромные прозрачные слезы. Лицо девочки при этом совершенно не меняется, она не шмыгает носом, не всхлипывает, губы не кривятся в плаче... просто слезы текут и текут, одна за другой, и она даже не поднимает руку, чтобы их утереть.

— Я сама не знала, что делала... Может, ты и права, может, не надо было, но я просто не могла себе представить, что вернусь к *нему* вот так, и даже не попробую ничего предпринять... Я думала сбежать, но посмотрела на тебя и поняла, что ты меня все равно отыщешь! Я приметная, мне нелегко остаться незамеченной, это я уже проверяла... — она горестно вздыхает.

— И тогда ты решила, что если расстанешься с девственностью, то лишишься и своего дара и станешь бесполезной для своего хозяина — заключает Соня. По расстроенному виду Мхаири она понимает, что попала в точку: именно на это маленькая ведьма и надеялась. — Но ты точно уверена, что с тобой это случится?

— Нет, мне только говорили об этом, но, разумеется, я не могла убедиться наверняка... — неожиданно девочка улыбается. — Это ведь можно проверить только один раз, верно?

— Да, — соглашается Соня. — И уж, во всяком случае, отнюдь не стоит делать это на каком-то деревенском постоялом дворе, на охалках сена, с полупьяным наемником. Худшего способа расстаться со своей невинностью ты, пожалуй, не могла придумать.

— Все равно, — Мхаири упрямо трясет головой. — Ты не имела никакого права вмешиваться. Я должна была попробовать... Все, что угодно, лучше того, что ждет меня во дворце... — Она мнет несколько мгновений, колеблется, но затем, все же решившись, ныряет с головой в свой рассказ. — Ты ведь знаешь о тех чарах, которые я способна наводить, — это иллюзии, но они имеют свою реальность, ими можно управлять... Если я вольна в своих грезах, то чаще всего они добрые и спокойные... Они таковы, каким я хотела бы видеть мир!

— Именно поэтому там столько снега, да? — прерывает ее Соня. — Ты мечтаешь о северных странах?

— Да... — Мхаири никнет, но все же продолжает говорить, хотя бормочет так тихо, что Соне приходится изо всех сил вслушиваться, чтобы разобрать хоть слово. — Но у моего хозяина тоже был дар... Или он просто научился этому за то время, что я создавала ему свои иллюзии. Он научился входить в мои живые картины и изме-

нять там некоторые вещи по своему усмотрению. Более того, тому же самому он мог обучить и других... — она вновь замирает, и Соня уже думает, что рассказ никогда не будет завершен, хотя и без того догадывается о том немногом, что еще осталось поведать Мхаири.

Но девочка решается продолжить, и теперь голос ее звучит гораздо увереннее, словно приняв наконец решение освободиться от этого тяжелого бремени, она обрела неведомые силы из некоего внутреннего источника.

— Так вот, — продолжает она, — то, что он делал с моими видениями... я могла бы показать тебе, но... Даже хотя я зла на тебя сейчас, все равно я не хочу подвергать тебя этому кошмару. Просто поверь мне на слово — это ужасно! Он принес кровь, убийство и насилие в мой маленький уютный мирок. А иногда, когда у хозяина были гости, они делали это все вместе, соревнуясь, кто сможет учинить больше разрушений... И когда они рвали в клочья одну картину, то заставляли меня создавать следующую, а затем еще и еще, пока наконец не пресыщались окончательно или пока я не лишалась чувств... — Помолчав немного, она внезапно усмехается, и это уже совсем не детская улыбка. Пожалуй, даже на лице умудренных опытом женщин Соня редко встречала выражение столь неприкрытого презрения и цинизма. — Знаешь, ты говоришь, что спасла меня от насильника, и я, конечно, благодарна тебе за это, но физическое насилие — пустяк, по сравнению с тем, что мне доводилось

терпеть ежедневно в прошлом, так что, в каком-то смысле, мне уже не привыкать...

Она замолкает и молчит очень долго, но Соня уже знает, что девочка непременно заговорит вновь, и, разумеется, знает ее следующие слова. Однако это ничего не меняет, и поскольку она чувствует себя смертельно усталой, ей хочется спать и совершенно нет сил продолжать этот тягостный спор, она заговаривает первой:

— А сейчас, Мхаири, ты спросишь у меня: неужели я считаю, что твой хозяин имел право так обращаться с тобой, и неужели ты не должна была попытаться сбежать от него, или еще каким-то образом прекратить эти издевательства над собой и над своим волшебным даром? Ты спросишь, как могу я, выслушав твою историю, по-прежнему желать отвезти тебя обратно и передать в руки Ньялмару, который, несомненно, вернет тебя к твоему кровожадному господину? Ты спросишь, как могу я, женщина, твоя сестра, не желать для тебя иной судьбы...

Ей отвратительна вся эта история, ей отвратительно то, что приходится делать сейчас, но Соня не в силах ничего изменить, и поэтому она продолжает говорить, прекрасно сознавая, что с каждым словом подписывает малышке Мхаири смертный приговор:

— И ты, конечно, хочешь спросить меня: теперь, когда я знаю всю правду, когда я знаю, что ждет тебя впереди, если я сделаю то, что намерена сделать... каковы мои планы насчет тебя? Я отвечу просто: они ничуть не изменились. Зав-

тра к вечеру мы будем в Келадисе. Я отведу тебя к купцу, который вернет тебя твоему хозяину, а мне в награду передаст одну очень ценную для меня вещь...

— Но почему? — не выдерживает девочка. Она стойко держалась все это время, но теперь взрывается, пытается даже наброситься на Соню с кулаками, однако воительница с легкостью отбрасывает ее от себя, и та падает на постель, заливаясь слезами. — Почему? Почему ты такая жестокая? Как ты можешь?!

— Это не жестокость, — ровным тоном, словно ничего не случилось, поясняет Соня. — Мне искренне жаль тебя, Мхаири, и клянусь, что будь у меня хоть какая-то возможность поступить иначе, я сделала бы все, чтобы помочь тебе не возвращаться к жестокому хозяину. Но, увы, есть вещи, которые для меня важнее...

— Это бесчеловечно! Аморально!

— Напротив, это в высшей степени морально. Просто ты, как и все люди на свете, хочешь заставить меня смотреть на мораль со своей точки зрения, исходя из которой добро — это то, что идет тебе во благо. Я столкнулась с этим много лет назад, еще когда впервые стала работать по найму. Каждый раз случалось что-то такое, что приводило в конфликт моего нанимателя и других людей, и я долгими днями и месяцами ломала себе голову, пытаюсь соединить несоединимое и сделать так, чтобы были и волки сыты, и овцы целы... пока чуть с ума себя не свела этими совершенно бесполезными терзаниями. И тогда я

вывела для себя одну очень простую истину: если ты кому-то служишь, у тебя не может быть *своей* морали. Добро — это то, что идет во благо заказчику, а зло — это все остальное...

Она говорит это скорее самой себе, нежели девочке, уверенная, что та все равно не поймет — либо, замкнутая на собственные переживания, не пожелает прислушаться... Но Мхаири неожиданно вскидывает голову:

— Но так можно оправдать все что угодно — воровство, убийство, подлог... Нет, конечно, я тебя не обвиняю в таких ужасных вещах... — тут же спохватывается она. — Однако...

— И напрасно, — без всяких эмоций возражает Соня: — Если ты думаешь, что за свою жизнь я никогда не совершала ни краж, ни убийств, ни, как ты выражаешься, подлогов, то ты еще очень наивное дитя, которое ничего не знает о мире, и, вернув тебя к твоему хозяину, я одолжу тебе огромную услугу. Ибо хотя, возможно, он и жесток с тобой, но, по крайней мере, оберегает от всех тягот реальной жизни и тем самым совершает для тебя огромное благо, — пусть даже сейчас ты не способна этого оценить. Что же касается меня, — добавляет она чуть погодя, — то у меня правило одно: если уж я позволила кому-то нанять себя, то должна служить этому человеку верой и правдой, без всяких сомнений и колебаний, делая все, что в моих силах, дабы исполнить порученную мне миссию. Единственная мораль — это сделать свое дело наилучшим образом, а какое это дело — не имеет значения.

— И сейчас твой наниматель — это тот купец в Келадисе, — шепчет девочка, — и ты должна доставить ему *товар* в надлежащем виде? Пусть даже этот товар — живой человек!..

Она вновь принимается плакать, но Соня больше не склонна испытывать жалость. Для этого она слишком устала и, кроме того, боится, что если этот разговор затянется, то впервые за долгие, долгие годы у нее появится реальное искушение отступить от своих принципов, которые только что проповедала с таким жаром.

— Нет, мой наниматель не он, — качает головой воительница. — Купец лишь владеет одной вещью, которую я должна доставить своим хозяевам. К несчастью, ситуация такова, что эту вещь я не могу у него ни выкрасть, ни купить за какую-либо иную цену, иначе, даю слово, Мхаири, я непременно сделала бы это, чтобы дать тебе свободу. Однако, увы, все сложилось так, что цена — это *ты*. А значит, именно эту цену мне и придется уплатить. Надеюсь, ты не будешь столь глупа, чтобы пытаться отговорить меня, поскольку любые слова и слезы бессмысленны, предупреждаю тебя сразу.

Девочка смотрит на воительницу долгим проникновенным взглядом, так что та уже начинает опасаться, что маленькая колдунья вновь готова приняться за свои чары, и с небес вот-вот посыплются пушистые снежинки, — но Мхаири неожиданно отводит глаза:

— Да, теперь я вижу: все бесполезно, — шепчет она обречено.

— Тогда ложись спать. Мы выезжаем на рассвете. У меня нет ни малейшего желания встречаться поутру с твоим незадачливым ухажером и его дружками! — бросает Соня, после чего подходит к дверям и наматывает на ручку веревку каким-то сложным узлом, привязывая ее к специальному крюку в притолоке.

— Это еще зачем? — Мхаири следит за ней взглядом.

— Ты славная девочка, и я доверяю тебе всей душой, точно так же как верю, что каждый человек по натуре добр и порядочен, а волки готовы питаться травкой бок о бок с зайчатами, если дать им такую возможность... — не оборачиваясь, произносит Соня и переходит к окну, чтобы таким же образом закрепить ставни. — Но мне не по душе, когда на меня наводят чары, и еще меньше мне хотелось бы мотаться за тобой по всему Офиру, если ты все же надумаешь сбежать. Нет, не трудись! — пренебрежительно машет она рукой, когда Мхаири пытается что-то возразить. — Не трать понапрасну слова и не сотрясай воздух клятвами. Мне все равно, хочешь ли ты сбежать... или хочешь, но не сделаешь этого, потому что ты честна и порядочна, и держишь слово... Мне абсолютно безразлично, — ты можешь быть лгуньей и обманщицей, или самым чистым созданием какое только носила земля... Я просто сделаю все, чтобы не дать тебе сбежать до утра и обеспечить себе несколько часов спокойного сна... И это не имеет ничего общего с человечностью или моралью.

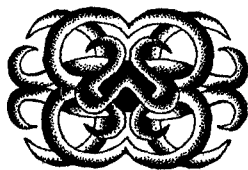

С этими словами она ложится и, задув свечу, тут же засыпает. Она знает, что Мхаири до утра ворочается рядом, возможно даже рыдает в подушку, но Соня спит, и сон ее, как и было обещано, крепок и безмятежен.

Глава 8

Вечером следующего дня Соня, крепко удерживая за запястье угрюмо молчащую Мхаири, стучится в ворота дома Раззака. Слуга, который выходит, чтобы им открыть, не может сдержать изумления при виде этой поразительной пары: рослой рыжеволосой женщины и хрупкой девчушки, с волосами белыми, словно свежавыпавший снег... которого впрочем, в южном Офире никто и никогда не видел.

Соня вырывает его из зачарованного созерцания, довольно грубо напомнив, что она желает немедленно видеть купца, и слуга с испуганным низким поклоном тут же устремляется прочь.

Он возвращается спустя несколько мгновений и, не переставая кланяться, препровождает Соню в уже до тошноты знакомую ей гостиную на втором этаже дома Раззака. Сам торговец

встречает их в дверях и застывает при виде Мхаири... как и все те, кто видит девочку впервые, пораженный ее неземной красотой и странно обреченным, обращенным внутрь себя взглядом. Затем суетливо принимается усаживать обеих на низкий диван, кличет слуг с угощениями и напитками.

Соня отказывается от всего: ей неприятно вкушать любую пищу в доме Раззака. Девочка же, вообще, ни на что не обращает внимания, словно ничего не видит и не слышит вокруг себя. Точно так же она провела весь этот день, покорно трясясь в седле перед Соней, так же покорно спешиваясь на редких привалах не обращаясь к своей спутнице ни взглядом, ни словом. Сама Соня, впрочем, даже не пыталась вызвать ее на разговор. Все, что нужно, они сказали друг дружке вчера...

Но теперь в разговоре наступает неловкая заминка. Соня требовательно смотрит на купца, не понимая, чего тот еще медлит, — ведь она исполнила свою часть сделки, доставила сюда Мхаири... Пора бы уже и ему принести обещанное! И в этот момент девочка устремляет на воительницу взгляд своих сапфировых глаз.

— Я хоть увижу то, за что ты меня продала?

На лице торговца смтение: как видно, он не привык, чтобы живой товар высказывал свое мнение по поводу сделки или обсуждал цену. Однако Соня, ожидавшая чего-то подобного, остается невозмутимой. Она, впрочем, и не полагала, что Мхаири поймет, что именно ею движет,

и потому не пытается ни оправдываться, ни объяснять, что бы то ни было.

— А тебе это так интересно?

— Ну... — Мхаири пожимает плечами. — Почему бы и нет. Впрочем, могу заранее пообещать, что радости от своего приобретения ты не испытаешь.

Соня чуть заметно морщится. Еще бы...

— А радости в этом мире нам, вообще, никто не обещал. Даже боги, когда мы только появились на свет, и они дали нам имена...

Раззак тем временем укладывает на низкий столик тяжеленный фолиант, завернутый в промасленную кожу. Отогнув краешек, Соня убеждается, что перед ней и впрямь «Магические арканы», и потому, подхватив книгу, тут же поднимается с места, чтобы не длить и без того отвратительную сцену. Больше всего, пожалуй, ей жаль сейчас метательных кинжалов, но ей кажется унизительным торговаться здесь, в присутствии Мхаири. Как ни странно купец, словно чувствуя ее замешательство, лукаво косится на воительницу.

— Может быть, госпоже приглянулось что-то еще из вендийских сокровищ? Мы могли бы поговорить об этом... И цена будет назначена в обычных золотых монетах, не сомневайтесь.

Искушение велико... Но Соня презрительно качает головой. Рыжие кудри вспыхивают огнем в свете многочисленных светильников.

— Мне ничего не нужно от твоего хозяина Раззак. Любая вещь, к которой он прикасался,

проклята! Я не хочу навлекать на себя гнев небес.

Купец и не думает обижаться. Ему, впрочем, за свою жизнь доводилось выслушивать кое-что и похуже. Слова он ценит дешевле дорожной пыли.

— Как будет угодно госпоже.

На этом Соня покидает дом Раззака. Тот предлагает ей своего факельщика, чтобы осветить путь до постоянного двора, но воительница отказывается с пренебрежением. Настроение у нее мрачнее мрачного, и прогулка в крошечной тьме будет вполне отвечать такому состоянию духа.

* * *

Наскоро поужинав, Соня поднимается к себе в комнату и первым делом разворачивает сверток, в который завернута книга о магических арканах.

Разумеется, в ее планы не входит читать сие творения древних мудрецов. Она не питает ни малейшего интереса к колдовским и философским изысканиям, да и язык, на котором написан этот труд, ей незнаком. Более того, она не знает даже, какому народу принадлежат эти странные, похожие на отвратительных насекомых закорючки, которые словно наползают одна на другую на неровных бегущих строчках. Неохотно перелистнув несколько страниц, Соня топчется закрыть книгу. Переплет падает с глу-

хим похоронным стуком... и внезапно сердце воительницы екает.

Может, она ничего и не смыслит в книгах и книжной учености, но зато прекрасно разбирается в товарах, в покупке и продаже, — а книга, в конце концов, это тот же товар. Соня всегда, еще с ранней юности, отличалась почти сверхъестественным чутьем на обманщиков, ухитряясь в любых, даже в самых невероятных обстоятельствах, невзирая ни на какие усилия купца, определить, не пытается ли тот ее надуть, всучив что-либо негодное...

Вот и сейчас, просто гляди на эту книгу, что лежит у нее на коленях, Соня явственно чувствует обман.

В чем он заключается, ей неизвестно, и хуже того, она ломает голову, каким же образом это проверить, и не находит ответа. Но обман кроется где-то здесь, столь же явный, как единственная туча посреди чистого горизонта...

Потерев тонкими пальцами виски, Соня взвешивает фолиант на ладонях, словно на вес возможно определить неладное, затем принимается вертеть книгу в руках. На вид ничего не обычного... Толстый переплет из грубой черной кожи, на котором золотым тиснением изображены некие неизвестные значки. По углам переплета золотые треугольнички, чтобы кожа не трепалась, а в них самоцветы, причем, судя по всему, не поддельные... Да и, собственно, ее дурные предчувствия к этим самоцветам не относятся, ведь, наверняка, отнюдь не ради богато изукрашенного

переплета жрецы Волчицы прислали ее за этой книгой.

Подняв тяжеленный том на уровень глаз, Соня принимается вертеть его так и этак, и наконец терпение ее вознаграждается.

Ровно в середине книги страницы расходятся как-то странно, они не прилегают друг к другу плотно, а, кажется, чуть изогнуты, словно в толстенный фолиант было вложено что-то еще. Снова положив книгу на колени, она дает ей раскрыться, — и разумеется, страницы расходятся на этом самом месте... На вид ничего подозрительного, но стоит воительнице прикрыть глаза и чувствительными подушечками пальцев легонько пробежаться по пергаменту, как она тут же нащупывает продолговатую вмятину ближе к корешку.

Да, здесь совершенно определенно было вложено что-то еще. Либо какие-то листы, либо, возможно, тонкая дощечка... Ничего подобного Соня не помнит, когда видела книгу впервые раз у купца Раззака, но, во-первых, у нее не было особых причин приглядываться к этому фолианту, а во-вторых, недостающая часть рукописи могла быть изъята уже тогда.

Но как узнать, что это было, и насколько ценна пропажа?

Разумеется, можно плюнуть на все это и просто привезти книгу в Логово. Пусть уже там Фарима разбирается со своими жрецами, что к чему. Это, в конце концов, их дело, а не Сонино. Мысль сия кажется тем более соблазнительной,

что оставаться в Келадисе дольше необходимого девушке просто отвратительно. Этот город навсегда будет связан для нее с самыми дурными воспоминаниями...

Но есть два соображения, которые мешают поступить таким образом. Во-первых, она не привыкла бросать дело на половине, не доведя его до конца, — это противно самой природе воительницы. Если уж за что-то берешься, то делай это хорошо, — так всегда говорила она сама себе, повторяя слова, которые все время твердил ей отец, еще с самого раннего детства:

«Дело не бывает выполненным наполовину, оно может быть либо сделанным, либо нет.» Маленькой, Соня этого не понимала, и все пыталась с детской горячностью доказать хмурому гирканцу, что это сущая глупость. Как это так, не может быть сделано наполовину?! Если человек, к примеру, копает яму, то он может выкопать ее по пояс, а может — по грудь... Не бывает так, чтобы мгновение назад ямы не было вовсе, а потом она появилась целиком...

Отец тогда не спорил с ней и лишь, доводя дочь буквально до иступления, повторял эту фразу, словно надеялся навсегда вбить ее в память непокорной маленькой упрямце. И надо сказать, добился своего, ибо спустя многие годы Соня осознала всю его правоту.

Более того, много позже она и сама точно так же стала учить молодых волчат в Логове, только примеры были иными... Она могла позволить себе сказать им то, что, разумеется, никогда не ос-

мелился бы сказать своей малышке-дочери суровый гирканец.

— Если вас наняли, чтобы убить человека — объясняла Соня новобранцам, — то вы должны прикончить его и убедиться в том, что он мертв. Если вы просто раните его, то есть сделаете дело наполовину, это значит, что вы, вообще, не выполнили задачу. И хуже того, в таком случае, лучше бы вы за нее не брались вовсе, потому что раненый поправится и восплает жадой мести, и вы получите столько неприятностей на свою голову, сколько не сможете унести...

Конечно, книга это не недобитый мертвец, но какая разница? Все равно, перед ней некое дело, которое необходимо довести до конца.

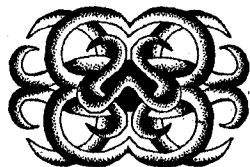
Так что это одна из причин, почему она не может уехать из Келадиса прямо сейчас, но есть и вторая. Обещание, данное Мерцилию.

И кстати...

Глава 9

Если молодого мага и удивил визит среди ночи, надо отдать ему должное, он не подает вида, хотя, судя по всему, своим громким бесцеремонным стуком воительница подняла его с постели. Он был на диво любезен, когда отпер ей дверь, и, держа в руках свечу, препроводил в гостиную. Впрочем, не последнюю роль, должно быть, сыграл и вид толстого свертка в руках у Сони, в котором маг без труда узнал вожаков «Арканы». Судя по тому, как жадно вспыхивают его глаза, ради обладания этой книгой хотя бы на день-другой, он готов среди ночи приветить и демонов из преисподней Нергала, не то что свою рыжеволосую гостью.

Но Соня не тратит время на любезности:

— Взгляни повнимательней, с ней что-то не ладно, — с этими словами она почти силой вталкивает книгу в руки колдуну.

Тот почтительно разворачивает промасленную кожу, взвешивает толстенный том на ладонях, раскрывает словно бы наугад, — затем с усмешкой смотрит на воительницу:

— Ну, еще бы! Посылать тебя за этой книгой — это все равно, что отправлять выбирать двуручный клинок трубочиста, или кухарку — доброго боевого коня.

Но Соня не настроена на праздную болтовню и еще менее ей хочется сносить насмешки этого сопляка:

— Так, хватит болтать! В чем дело? Раззак надул меня?

— Ну, разумеется! — Мерцилий пожимает плечами. — Сама по себе книга, конечно, хороша, здесь масса умных рассуждений и даже паратройка заклинаний, которые могут позабавить начинающих магов, но по сути своей, ценности она не представляет, ибо служит лишь шкатулкой, хранилищем для главного сокровища.

— И что же это такое?

— Таблицы. Таблицы положения звезд... Это пергаментные листы числом двенадцать штук, которые должны были быть вложены вот сюда, — он указывает ровно в то место книги, которое и показалось Сони подозрительным. — Должно быть, Раззак увидел, что имеет дело с человеком совершенно несведущим, и решил прикарманить таблицы, чтобы продать их кому-то еще во второй раз... Потому что когда книгу смотрел я, они, разумеется, были на месте.

Несмотря на то, что за последние дни их отношения потеплели, сейчас Мерцилий не может скрыть своего торжества. Еще бы, ведь в первую встречу, воительница унизила его... А теперь, как ему кажется, он получил шанс отыграться за прошлое.

Но Соня быстро пресекает это мальчишество.

— Будешь сильно радоваться — таблиц не получишь! И не надейся, что как только я уеду, Раззак продаст их тебе. Уж это-то я постараюсь обеспечить!

Магик мгновенно серьезнеет.

— Да, нет, честное слово, я и не думал тебя обманывать! Но что ты будешь делать? Пойдешь к Раззаку требовать, чтобы вернул недостающее?

В другое время Соня, возможно, именно так бы и поступила, и более того, сумела бы добиться от обманщика желаемого, но не сейчас... За такую наглость он должен поплатиться, и Соне уже известна цена, которую уплатит Раззак за свой обман.

— У тебя есть время до утра, — с недоброй усмешкой сообщает она Мерцилию. — И вот что мне от тебя нужно...

* * *

Получив желаемое, она покидает дом мага поутру и занимает наблюдательный пост у дома купца, откуда ей прекрасно видна улица и ворота в его жилище. Перед тем как появиться

здесь, Соня прихватила также из своей комнаты на постоялом дворе длинную крепкую веревку и еще кое-какие инструменты ремесла... Так что теперь остается только ждать.

Как она и полагала, ожидание не оказываются долгим. События ускоряются стремительно, словно воительница подгоняет их собственной волей.

Ближе к полудню на улице поднимается какая-то суматоха, и во двор въезжает отряд конников на превосходных лошадях. Все они одеты на восточный манер, на головах белые тюрбаны, а в ножнах, украшенных изумрудами, красуются кривые сабли... Все они остаются во дворе за исключением одного-единственного, одетого богаче всех, и в тюрбане не белого, а темно-синего цвета.

Этот проходит прямо в дом, и, судя по всему, чувствует себя здесь хозяином.

Пора...

План действий успел созреть у Сони в голове давно, пока она томилась в ожидании за углом соседнего дома. И сейчас она невозмутимо выходит на улицу, пользуясь тем, что заклятие, наложенное ранее Мерцилием, — одно из трех, о которых она его попросила, — действует превосходно, отводя от воительницы посторонние взгляды.

Люди, конечно, видят ее, она не стала для них незримой, но... они попросту не считают нужным обращать на девушку внимания. Как

будто перед ними нечто столь незначительное, на чем даже не может задержаться взор...

Увы, эти чары, конечно же, не помогут проникнуть прямо в дом купца. Там слишком много народу, да и слуги пристально следят за входящими... Но это Соне и не нужно. Она знает массу способов беспрепятственно попадать туда, куда желает.

Вот и сейчас она, словно кошка, взлетает на дерево, растущее неподалеку от дома купца. Конечно, отсюда до крыши довольно далеко, ей не допрыгнуть, даже если очень постараться, но на то есть второе заклятие Мерцилия...

Кстати, удивительное дело! Сам он, когда вышел после ночных трудов из кабинета, — с красными глазами и ввалившимися щеками, совсем не похожий на прежнего мальчишку, — то казался просто потрясенным.

По словам мага, никогда прежде чары не удавались ему с такой легкостью и точностью, — словно сами боги нынче направляли его руку... Во вмешательство богов Соня, разумеется, не верит. У нее есть свои соображения относительно того, почему Мерцилию нынче сопутствует удача. Но пока она остерегается говорить что бы то ни было, ведь ее замысел еще может потерпеть крах...

Однако сейчас нет времени думать о богах и их милостях. Дело прежде всего!

Бережно высыпав на ладонь из кожаного мешочка, что висит у нее на поясе, золотистый порошок, Соня несколько мгновений любит пы-

линками, которые словно вбирают в себя солнечный свет, а затем, как учил ее Мерцилий, сдувает их перед собой в направлении крыши дома купца.

Крохотные пылинки искрятся в воздухе и с тончайшим, почти не слышным звоном внезапно вытягиваются в невесомую сверкающую дорожку, шириной ровно в одну ступню.

Высота не маленькая, и у кого другого, возможно, закружилась бы голова, но Соня с торжествующей улыбкой отрывается от ствола дерева, за который цеплялась до сих пор, и, не глядя вниз, уверенно ступает на золотой мостик.

Это, пожалуй, самая опасная часть плана, ибо сейчас кто угодно может заметить ее снизу, и тут уже не помогут никакие отводящие взор чары, ибо женщина, идущая прямо по воздуху, — зрелище слишком поразительное, чтобы показаться не стоящим внимания... Но Небеса сегодня явно улыбаются воительнице. В несколько шагов она взбегает на плоскую крышу купеческого дома, и золотистая пыльца тут же осыпается у нее за спиной.

Дальнейшее уже совершенно не сложно. На несколько мгновений Соня замирает с закрытыми глазами, чтобы сориентироваться. Припоминает расположение комнат в доме купца, затем уверенно направляется к нужной стороне крыши...

Кое-какие проблемы возникают с тем, чтобы закрепить веревку, поскольку на совершенно

плоской поверхности она сперва не может отыскать ни подходящих выступов, ни каких бы то ни было зацепок... Но затем замечает чуть в отдалении тяжеленную глиняную кадку, в которой растет пальма, — таких на крыше красуется около дюжины.

Как видно, подобно большинству офицеров, купец любит отдыхать под открытым небом и даже, как это в традиции у южан, принимать на крыше гостей, — и сейчас это играет Соне на руку. Обвязав веревку вокруг кадки, она может молиться лишь о том, чтобы хватило ее длины... Но по прикидкам, все должно пройти успешно.

Словно неслышимая, незримая тень, она скользит по стене, радуясь, что догадалась выбрать одежду песочного цвета, которая почти сливается с камнем. Вообще, подобное предприятие — это чистое безумие, но... Безумцам боги порой благоволят, а сегодня Соня и вовсе не страшится ни демонов, ни небожителей...

Примерившись, она с силой отталкивается ногами от стены, одновременно перенося свой вес чуть левее, чтобы в следующий раз оказаться напротив окна, — и несется вперед прямо на стену domu, взламывая каблуками непрочные деревянные ставни. Влетает в комнату, отряхивается от обломков и с непринужденной любезностью кланяется людям, сидящим в комнате.

— Приветствую вас, месьюры! По-моему, вы оба кое-что мне задолжали... — Снаружи уже слышится какой-то шум и крики. Похоже, то ли

слуги Раззака, то ли охранники его гостя все же успели заметить неладное, но Соне на это наплевать. Мхаири, которая тоже находится в комнате, завидев воительницу, совершенно по-детски принимается хлопать в ладоши, заливаясь радостным смехом.

— Ты пришла! Ты пришла, я так и знала...

Не тратя времени на болтовню, Соня жестом велит девчонке укрыться у нее за спиной. Та бросается к своей спасительнице, прежде чем успевают опомниться Раззак и его вендийский гость, — должно быть, сам князь Тхевани.

— Что ты делаешь? Стой! — хрипит купец.

Не утруждая себя ответом, Соня склоняется над столом, где выложены все те вещицы, которые оставлял вендиец Раззаку, якобы для продажи, а на самом деле, — чтобы приманить того человека, который отправился бы в погоню за Мхаири и сумел вернуть беглянку. Соню ничуть не удивило бы, узнай она, что эти вещи соответственным образом магически заряжены — подобно ловушке.

— Вот это, судя по всему, случайно выпало из той книги, которую ты мне передал... — Она берет в руки стопку хрупких от старости листов пергамента, испещренных непонятными цифрами и значками. Хвала Мерцилию, он точно объяснил воительнице, что искать, иначе она до старости могла бы рыться в этих фолиантах, от одного вида которых ее уже начинает тошнить. — Уверена, это лишь досадная оплошность с твоей стороны, Раззак...

В голосе ее звучит столь неприкрытая угроза, что купец мгновенно бледнеет, пересохшими губами шепча слова извинений. В поисках поддержки он косится на вендийца, но тот делает вид, будто происходящее не касается его совершенно. Похоже, в обмане он никакого участия не принимал...

— Вот и славно, — заключает Соня. — Но полагаю, ты не будешь возражать, что за пережитые волнения мне причитается... некоторая компенсация?

Раззак возражать не в силах. Он не может отвести перепуганного кроличьего взгляда от меча Сони, который та многозначительно поглаживает по рукояти.

Взгляд воительницы вмиг отыскивает вожаденные кинжалы. За взглядом следует рука — и метательные ножи мгновенно исчезают со стола.

— А поскольку этот кинжал теперь явно лишний... — Соня задумчиво подбрасывает на ладони свой старый нож, место которого занял теперь один из «близнецов», — то, полагаю, им следует распорядиться наилучшим образом...

Еще не доведя фразу до конца, она замахивается — и делает бросок.

Раззаку услышать последние слова воительницы так и не удастся. Кинжал входит ему точно под кадык. И, захлебываясь кровью, торговец падает на ковер. Дорогой ковер, старой иранской работы, теперь испорченный безвозвратно...

— Очень не люблю, когда меня обманывают, — извиняющимся тоном поясняет Рыжая Соня остоленевшему вендийцу.

Тот молча пятится прочь, по-рыбьи распахивая рот, но затем наконец из глотки его прорезается отчаянный вопль. Соне не нужно понимать по-вендийски, чтобы догадаться, что князек зовет на помощь своих людей...

Затем он повелительно тычет пальцем в Мхаири и что-то визгливо кричит девочке. Та жмет к Соне в поисках защиты. За дверью уже слышен топот и гортанные голоса, — скоро здесь будет полно стражи!

— Соня, бежим! — кричит Мхаири. — Тхевани позвал своего колдуна, он не даст нам уйти!

Метнувшись к окну, Соня перепрыгивает через подоконник, одной рукой подхватив под мышку Мхаири, а другой успевая в полете уцепиться за веревку. Спускаться таким образом чудовищно неудобно, — но, по счастью, здесь совсем не высоко.

И еще одна удача: в этой части двора до сих пор нет ни души. Как видно, слуги Раззака, до сих пор не поняли, что происходит, поскольку Тхевани вопил по-вендийски, а его собственная стража слишком плохо знает окрестности...

Пора — прыжок!..

Они оказываются на земле, и Соня тут же тянет Мхаири прочь. В окне уже теснятся разъяренные стражники, они что-то орут вслед беглянкам, и воительнице кажется, что за спиной у них она замечает какую-то фигуру в длинном

балахоне. Маг уже вскинул руки для какого-то заклятья, но суета и толчея мешают ему развернуться...

Соня благополучно пользуется этим, увлекая Мхаири к задним воротам дома.

Несколько слуг попадают на пути, но Соня сейчас — настоящий ураган, огненный вихрь, она сметает все на своем пути, проносится мимо, прежде чем хоть кто-то успевает задержать беглянок.

А за воротами их уже ждет лошадь. Беспенная гнедая, которую воительница с утра оставила там, привязанной к дереву. Чары Мерцилия отвалили от нее возможных конокрадов...

В путь! Они вскакивают в седло.

Но и погоня уже выплескивается на улицу. Не менее дюжины конников несутся во весь опор, в сотне шагов позади Сони. Мхаири дрожит, и лицо девочки от страха такое же белое, как ее волосы. А Соня... Воительница восторженно смеется в голос, нахлестывая гнедую. Им осталось еще совсем немного.

Очень скоро они будут в безопасности!

...Как и предупреждал Мерцилий, граница защитного купола, которым он сумел окружить свой квартал, отмечена чуть заметным сиянием. Соня пересекает ее без труда, лишь на миг ощутив неприятное покалывание в области лопаток... И, обернувшись, с удовольствием любуется замешательством вендийцев, которые никак не могут понять, куда же подевались беглянки прямо у них из-под носа.

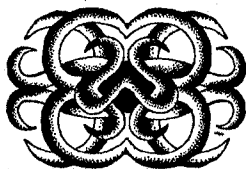
Однако Соня вовремя вспоминает о колдуне, и принимается нахлестывать лошадь. Магу не составит труда разорвать простенькие чары. Они должны успеть скрыться, прежде чем он сумеет их отыскать.

По счастью, Мерцилий уже стоит в дверях своего дома и приветственно машет Соне рукой...

Глава 10

А как долго ты можешь держать утих ублюдков на расстоянии? — Соне стоит больших трудов удерживать Мерцилия в гостинной. Тот, стискивая в руках драгоценные таблицы, рвется как можно скорее сбегать к себе, чтобы насладиться этим сокровищем.

— Не уверен... Я не рассчитывал на колдуна. Боюсь, он здорово сократит им поиски.

— Так сколько у нас времени?!

— Ну... пару часов.

Он и сам приходит в ужас от этих слов, осознав внезапно, что не успеет переписать вожделенные таблицы.

— Нет... О, нет, как же мне быть?!

Соня сочувственно наблюдает за молодым магом, мечущимся по комнате, словно в ловушке, но поскольку помочь ему она бессильна, то...

— Что делать? — колдун едва не рыдает, и готов рвать на себе волосы. — Нет времени... Мне нужно хотя бы два дня...

Неожиданно Мхаири, на которую Мерцилий до сих пор не обращал ни малейшего внимания, поглощенный своими таблицами, подходит к нему. Уверенно тянет руку.

— Помолчи немного. И дай мне взглянуть.

От неожиданности он повинуется. Листы пергамента ложатся на маленькую ладошку.

Глядя сейчас на них обоих, Соня лишней раз убеждается в своей правоте. Эти две снежно-белые головы, две пары сапфировых глаз, взирающих друг на друга в упор...

Они похожи, точно брат и сестра. Едва ли родичи, разумеется, — но то, что Мхаири родом из тех же северных краев, что и молодой колдун, это очевидно. Гиперборея, вероятнее всего... Да и магия девочки сродни той, какой владеет сама Лухи.

Так что, должно быть, сами боги севера, руками Сони, свели этих двоих. И, в отличие от Мерцилия, Мхаири поняла это с первого же мгновения.

На губах ее мелькает улыбка узнавания, прозрачная, точно льдинка...

Но теперь и маг смотрит на девочку, и изумление в его взоре подобно распускающемуся под солнцем цветку.

— Ты... кто ты такая?

Мхаири устремляет на него кристально-ясный взгляд.

— Надеюсь, это *ты* pomoжешь мне отыскать ответ. Но сейчас это не важно. Я помогу тебе с твоими таблицами. Погоди...

Опустившись на колени, она принимается раскладывать прямо на полу пожелтевшие, слегка измявшиеся листы пергамента, густо-густо, точно мушиными лапками, испещренные таинственными символами, цифирью и значками. Прав Мерцилий, чтобы переписать все это, нужно не меньше двух дней...

Затем девочка упирается взглядом в первую страницу. Замирает надолго, и Соня с Мерцилием невольно затаивают дыхание, наблюдая за ней, — после чего Мхаири переходит к следующему листу...

Закончив с ними, она поднимает глаза на Мерцилия:

— Помоги мне перевернуть их другой стороной. А когда я закончу, отдай Соне. Они тебе больше не понадобятся. А я... буду спать. И лучше меня не буди, а не то я что-нибудь позабуду...

Покончив с последним листом пергамента, девочка мягко валится на пол. Но прежде чем белокурая головка успевает коснуться ковра, Мерцилий бережно подхватывает ее на руки. Соня принимается складывать таблицы, затем помещает их обратно в книгу, заворачивает в промасленную кожу и прячет сверток на самое дно седельной сумки.

— Ты позаботишься о ней? — с неожиданной для самой себя нежностью спрашивает она мага,

который по-прежнему растерянно стоит посреди комнаты со спящей девочкой на руках. — Она многое может дать тебе. Мне кажется, если я хоть что-то смыслю в магии гиперборейцев, что именно в ней — ключ к твоему могуществу, которого тебе так не хватало. Она откроет для тебя Врата... И без того, когда она просто оказалась рядом, чары стали удаваться тебе куда лучше.

— Ты думаешь, что она... — голос Мерцилия прерывается.

Соня пожимает плечами.

— Замыслы богов — извечная тайна для смертных. Но я чувствую их длань на этой малышке. Для этого даже не нужно быть колдуньей... Девочка — величайший дар для тебя, Мерцилий. Береги ее.

Магик испуганно косится на окно. Где-то там, снаружи, совсем неподалеку, сейчас мечутся разъяренные вендийцы, тщась отыскать пропажу, и колдун их, возможно, уже сумел прорвать завесу чар, скрывающих этот дом от враждебных взоров...

— Но как же быть с ними?

Соня усмехается воинственно. Теперь она в своей стихии!

— Я уведу их за собой, не тревожься. Им и в голову не придет, что я могла оставить Мхаири здесь...

— А я постараюсь создать иллюзию, будто твоя гнедая несет двух всадниц! — воодушевляется маг.

Об опасности, которая при этом будет грозить воительнице, он даже не думает, но впрочем, Соня на него не в обиде.

— Здорово, — соглашается она. — Колдун князя в твоём доме её не обнаружит: девчонка умеет от него прятаться с помощью своей магии.

Кстати, именно поэтому вендийцы и не сумели сами вернуть Мхаири, и стали искать того, кто сделает это для них... Малышка объяснила это Соне, пока они скакали к Мерцилию.

— И ещё — я наложу чары на твою лошадь, чтобы она несла тебя без усталости! У тебя ведь нет заводного коня, в отличие от твоих преследователей...

Отличная мысль! Ей бы только добраться до Логова — а там уж не страшны никакие вендийцы и их колдуны!

Мерцилий ненадолго ускользает, чтобы без помех заняться своим колдовством, затем возвращается, торжествуя:

— Все получилось! И *тень* Мхаири, и чары против усталости! Просто поразительно... Никогда прежде я не колдовал так помногу — и настолько успешно!

— Полагаю, заслуга тут не только твоя, — Соня кивает на девочку, безмятежно спящую на диване среди подушек. — Вернешься с ней в Гиперборию?

Мерцилий пожимает плечами...

— Не знаю пока. Столько всего свалилось... Я должен как следует это обдумать. Если честно, никогда не думал, что вернусь домой: слишком

много там... сложностей. Но теперь, теперь все изменилось. Должно быть, и впрямь, дорога моя пролегла на север.

— Ну что ж, да хранят тебя боги снега и льда на этом пути!

— И тебя, Соня. — Молодой маг медлит несколько мгновений, затем, все же решившись, обращается к воительнице: — Ты ведь не будешь ждать, пока она проснется?

Воительница качает головой.

— Времени в обрез.

Хотя дело не только в этом...

— Ей что-нибудь передать от тебя?

И вновь она повторяет свой жест отрицания.

— Это лишнее.

Но молодой маг неожиданно проявляет настойчивость.

— Нет, Соня! Ты не можешь уехать вот так, без единого слова! Не знаю, что вас связывает, и не хочу задерживать тебя расспросами, но сердце подсказывает мне, что между вами все не так просто и безоблачно, и это тяготит тебя — и пожалуй, её тоже... Ты будешь жалеть, если не выразишь того, что у тебя на сердце!

Подобной проницательности от Мерцилия Соня не ожидала, и это ей неприятно — как всегда, когда приходится признавать чужую правоту.

Ибо маг совершенно прав...

Ни одно дело нельзя оставлять незавершённым, — именно этому учил Соню отец. И, собравшись с силами, она произносит:

— Передай малышке, что я... — она задумывается надолго, силясь подыскать те самые, единственно верные слова. — Передай ей, что единорог нашел путь к моему сердцу, и говорил со мной теми словами, которые заставили меня о многом задуматься. Возможно, это не изменило мою природу, однако и прежней я уже не буду... — Она усмехается, ибо в этот миг северные боги приоткрывают перед ней завесу будущего, и то, что воительница видит там, способно повергнуть в трепет человека малодушного... Но для нее предвкушение грядущих сражений всегда было радостью! Однако, помимо воинов, на свете есть еще и миротворцы, и потому... — И скажи также Мхаири, что Рыжая Соня желает, дабы на ее заснеженной поляне отныне всегда царил мир и покой...

Она видит, что слова эти непонятны молодому магу, и дружески улыбается ему:

— Не тревожься. Она впустит тебя в свои грезы — и ты поймешь.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСЕНЬ БЕЗ НАДЕЖДЫ

Керк Монро

<i>Предварение</i> Трое разных людей	7
<i>Глава 1</i> Кайна-Гора	20
<i>Глава 2</i> Где живет упырь?	56
<i>Глава 3</i> Обратная сторона легенды	94
<i>Глава 4</i> Очень деловые люди	128
<i>Глава 5</i> Философия войны	164
<i>Глава 6</i> Первая победа	196
<i>Глава 7</i> По завету предков	230
<i>Глава 8</i> Победители на отдыхе	265
<i>Эпилог</i>	286

ТЕНЬ ЕДИНОРОГА

Норман Хьюз

Глава 1	397
Глава 2	309
Глава 3	323
Глава 4	333
Глава 5	350
Глава 6	363
Глава 7	385
Глава 8	412
Глава 9	420
Глава 10	432

ИЗДАТЕЛЬСТВО

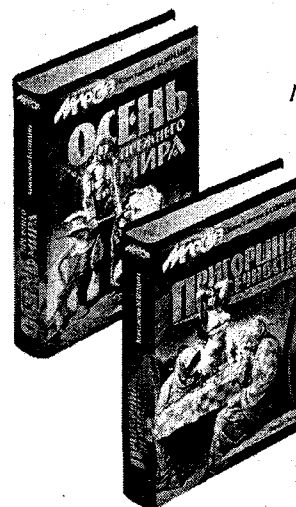
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**ВОЛШЕБНАЯ
ЯПОНИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

**«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
 ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

ЯПОНСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДНЕВНИКИ

ДЮНА

В серии
 «Золотая библиотека фантастики»
 опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
 «Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитан Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын
 Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом
 Квином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне».
 Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
 первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
 Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книжки по почте»

Читайте
в «Золотой серии фэнтези»
сборник «ЛЕГЕНДЫ»

Роберт Силверберг собрал для этого сборника самых знаменитых творцов миров:

*Стивена Кинга, создавшего мир «Темной башни»,
Урсулу Ле Гуин, создавшую мир «Земноморья»,
Роберта Джордана, создавшего мир «Колеса времени»,
Терри Гудкайнда, создавшего мир «Меча Истины»,
Джорджа Мартина, создавшего мир «Семи Королевств».*

И многих, многих других — тех, кто не просто пишет романы-фэнтези, а подобно демиургам, полетом фантазии творит миры. Тех, которым нет равных.

Они объединились для сборника «Легенды», чтобы пригласить миллионы своих поклонников в эти миры еще раз. И все произведения, вошедшие в «Легенды» — новые эпизоды самых знаменитых саг наших дней, — были написаны специально для антологии.

Эти и многие другие книги вы можете
приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте».

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.
Татарская, д. 14. Тел. 959-2095.
Звездный б-р, 21. Тел. 232-1905.
Б. Факельный пр-д, д. 3. Тел. 911-2107.
2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898.

Оптовая торговля:
129085, Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и
получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Монро Керк
Хьюз Норман

Рыжая Соня и тень единорога

Романы

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ».
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU.

E-mail: astpub@aha.ru.

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

12

РЫЖАЯ
СОНЯ И
ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА

13

РЫЖАЯ
СОНЯ И
КЛАДОВЫЕ
ТЬМЫ

14

РЫЖАЯ
СОНЯ И
ВРАТА
НЕМЕДИИ

15

РЫЖАЯ
СОНЯ И
ТЕНЬ
БАШНИ ГОСТА

16

ISBN 5-17-012727-8

9 785170 127276